

КРИСТОФЕР ДЭЙ

**МЕСТА, ГДЕ ОБИТАЕТ
ДУША**

(АРХИТЕКТУРА И СРЕДА
КАК ЛЕЧЕБНОЕ СРЕДСТВО)

Москва
Издательство "Ладыя"
Академия городской среды
2000

УДК 72

ББК 85.113(3) (4Вл)

Д94

Cristopher Day
PLACES OF THE SOUL
Architecture and the Environmental
Design as a Healing Art
Aquarian /Thorsons/. London

Перевод с английского В.Л. Глазычева
(Академия городской Среды)

Право издания на русском языке приобретено
при финансовой поддержке
Британского Совета

Печатается по решению Редакционного совета
Московского архитектурного института в качестве
учебного пособия

ДэйК.

Д94 Места, где обитает душа: Архитектура и среда
как лечебное средство/Пер. с англ. В.Л. Глазычева.
- М.: Издательство "Ладья", 2000 - 280 с: ил.
ISBN 5-7068-0122-3

ББК 85.113(3) (4Вл)

ISBN 5-7068-0122-3

© Cristopher Day, 1990

ISBN 1-85538-305-5
(Великобритания)

© Академия городской
среды, перевод, 1994

© Академия городской
среды, перевод, 2000

Предисловие переводчика

Я бы нисколько не удивился, застав Кристофера Дэй за оживленной беседой с птицами или ... камнями.

Кристофер Дэй — скульптор и архитектор по образованию и нечто вроде францисканского или дзен — буддистского монаха по призванию. Под словом монах не следует подразумевать аскетизм, хотя Кристофера в роли вполне довольного жизнью Робинзона можно себе представить без особого труда. Сухой, поджарый, легкий на ходу, он учил меня слушать лес. Слушать духов места. Дело было жарким июлем в очень занятом месте, в одном из главных европейских центров антропософских занятий. Ярна, километров сорок к югу от Стокгольма, в двух километрах от скучного городка, среди очень странной архитектуры Арне Асмуссена, где все, от плана и разреза зданий до глазка в двери, проникнуто разветвленной системой значений.

Дэй не принадлежит прямо к кругу антропософской школы — он слишком независим, чтобы вообще принадлежать чему-либо, но он близок этому умонастроению, выросшему из позднего Гете, который, в самый разгар увлечения механистическим материализмом, задал себе вопрос, который никому не приходил тогда в голову: как растут живые существа? Гете вглядывался в то, как из

семени проклевывается росток и корень, связывая новорожденное растение сразу с землей и небом, как разворачиваются листья, как формируется крона, цветок, завязь, плод, а в нем снова семена... Круг преобразований, цикл метаморфоз, созвучие между человеком — телом и человеком — мыслью с природой и божеством, пронизывающим природу — вот краеугольный камень атропософской натурфилософии. В конце прошлого века эту линию мысли подхватил Рудольф Штайнер, придав — в полном соответствии духу времени — несколько больше символизма учению Гете. Возникла школа "мягкой" педагогики, школа терапии, близкая к гомеопатии и колоризму, школа вчувствования в сообщество людей и развития личности.

Андрей Белый прикоснулся, было, к атропософии, участвовал в строительстве Гетеанума в швейцарском Дорнахе, но согласиться на роль ученика не мог, написав позже массу нелестных слов в адрес верховного жреца. Возникнув, школа не прерывалась. Она пережила мировые войны и экономические кризисы, послевоенный промышленный и потребительский бум. Она жива и сегодня. Она расширяет круг адептов. Поскольку школа не предполагает ни строгости устава, ни жесткой дисциплины, будучи лишь кругом сочувствующих общему божеству Природы, включающему в себя человека, являясь скорее общей настройкой мысли, чем учением, круг расширяется, в последние годы вобрав в себя колонии неофитов в России.

Это школа деятельного созерцания, и Кристофер Дэй, хотя и с оговорками, может быть к ней причислен.

В мире, начиная с 60—х годов, ширится движение в рамках т.н. архитектуры "соучастия", втягивающей клиента в процесс проектирования,

делающей его действительным соавтором. Этим трудоемким делом заняты по преимуществу бес — сребренники, хотя бывают и исключения, вроде Рода Хакни, сумевшего на этом тихом деле выстроить солидную коммерческую сеть проектно — строительных фирм. До середины 80 — х годов это было альтернативное движение, резко оппозиционное по отношению к старому архитектурному истеблишменту, но к началу 90 — х истеблишмент несколько раздвинул свои рамки и начал втягивать "альтернативную архитектуру" внутрь себя, тем более, что Принц Уэльский бросил на чашу весов свой, немалый в Великобритании авторитет в пользу "человечной" архитектуры.

Кристофер Дэй мог бы быть причислен к этому движению, хотя он развивал и развивает его вполне самостоятельно.

С начала 80 — х годов произошел переход от общих разговоров об экологии к разработке реальной архитектурной экологии, в рамках которой анализируются все формы воздействия окружения на человека, будь то излучение земных недр или подземных водных потоков, биохимическое воздействие "малых" доз ядов, выделяемых с поверхности материалов, или столь пока для нас экзотическое влияние электромагнитных полей, рождаемых радиотелефонами. Не входя в круг активных экспериментаторов и аналитиков в этой новой области занятий и умений, Дэй может быть причислен к тем, кто среди первых старается воплотить это знание и умение в реальном строительстве.

Причисление к какому — либо кругу условно. Оно лишь вспомогательный прием для некой первичной ориентации: Дэй интересен сам по себе. Это один из тех немногих, кто способен дей —

ствовать в русле довольно строгой идеологической доктрины и при этом создавать любопытную архитектуру.

Архитектура, которой посвятил себя Кристофер, может быть близка читателю или отталкивать его. Мысли, с маниакальной настойчивостью, хотя и в мягкой форме, пронизывающие эту книгу, могут привлекать или нет. Это вопрос личного отношения.

У нас в России таких книг не было со времен чуть ли не Болотова с его агрономическими чудесами. Таких книг у нас ни разу не переводили. Этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы захотеть передать книгу в руки небезразличного к сюжету читателя. Кристофер Дэй — моралист, довольно ригористический моралист, и если он в чем — то твердо уверен, то никакими силами его не выудишь к компромиссу, и в этом смысле он верный наследник ригористов, стоявших у истоков "современной архитектуры", Салливена и Райта прежде всего. Будь только так, книгу не стоило бы и переводить, но Дэй еще и вдумчивый методист, размышляющий о том, что делает сам, как это делает, и что из этого получается. Это поэт, занятый технологией поэзии, увлеченный тем, что принято называть поэтикой, и совсем не случайно очень ответственные мысли автора нередко передаются в форме отношения к грамматике. Если Кристофер Дэй пишет об именах существительных, о прилагательных и причастиях, то не потому, что семиотика была модна в 70 — е годы, а потому, что иначе не может объяснить самому себе свои действия.

Познакомившись с Кристофером сначала лично (пойдя на неделю к нему в ученики, когда мы, забавной международной группой, обсуждали, как лучше всего построить дюжину домов в

шведском лесу), а затем прочтя несколько его книг, и еще позже облазив вместе с ним московские закоулки, я искренне убежден, что книги, подобные этой, надо непременно читать, чтобы осмыслить свои собственные действия, чтобы действовать по-своему и, быть может, писать свои собственные книги.

В переводе я старался сохранить авторскую манеру как можно полнее. Почти везде сохранены членение текста на абзацы, тональность, выраженная синтаксисом, подчеркивания, излюбленные автором восклицательные знаки — некоторые изменения сделаны только там, где различие природы английского и русского слишком уж велико. И еще убраны ссылки на публикации, общение с которыми затруднено и для европейского читателя (все больше шведские или немецкие журналы с крошечным тиражом или тексты устных выступлений редких специалистов, вроде Иоахима Эбле, которого я также имею честь знать и у которого учился новейшей редакции экологии архитектуры), тогда как читателю российскому они вовсе недоступны.

Поразмыслив, я отказался от идеи постраничных комментариев: если сделать их мало, они ничего не дадут, если много, — они начнут забивать периферию восприятия авторского текста. Пусть многое останется намеком. Тот, кого сюжет заинтересует всерьез, найдет возможность углубить знание о нем самостоятельно, тогда как того, кто заинтересуется не слишком, примечаниями ни в чем не убедить. Меня самого и идеология, движущая Кристофером, и его архитектура вместе и привлекают и отталкивают, и именно это подвигло на работу над переводом, не всегда легкую, так как у автора весьма специфическим образом

сочетаются свобода поэтических ассоциаций и строгость учителя латинского языка.

И еще две частности желательно иметь в виду. Во —первых, Дэй — редкая птица. Он один из немногих архитекторов— интеллектуалов, много читавших и много осмысливших. Это редкость: великое множество вполне преуспевающих архитекторов в США и даже в Европе превосходно обходятся без единой книги в доме, удовлетворяясь высоким цеховым профессионализмом. Во —вторых, знающий и Европу и Америку (а теперь и Сибирь, благодаря иркутским архитекторам антропософской ориентации) Дэй хотя и не валлиец, а чистой воды англичанин, так долго живет и работает на самом западном краю европейского мира, в диковатой, выметенной свирепыми ветрами глубинке Уэллса, что это безусловно отразилось на книге. Это не вполне европейский текст — во всяком случае он чуть в стороне от европейского стандарта книг об архитектуре или художественном творчестве.

Наконец, с удовлетворением следует отметить, что подготовка перевода этой книги стала возможной благодаря сотрудничеству с издательством Green Books и финансовой поддержке Британского Совета, по нашей совместной с издательством заявке оплатившего приобретение авторского права у издательства, которое, как всякий понимает, на такого рода книгах сознательно терпит убытки.

Вячеслав Глазычев.

Архитектура: кому это нужно?

Архитекторы привыкли считать, что архитектура имеет огромное значение. Отнюдь не все думают так же. Для множества лишь сама постройка обладает ценностью, так как важна лишь жизнь, что проходит *внутри* здания.

Частно можно услышать, что гораздо важнее иметь хорошего учителя (ремесленника, родителей, менеджеров) в безобразном сарае, бараке, крупнопанельном доме, чем скверного в самом красивом помещении. Но немногие среди нас равно безукоризненны или безнадежны. Мы вечно ко-

леблемся и ищем опоры. Так насколько помогает жалкий барак неуверенному учителю? И напротив - насколько хорош сам по себе учебный процесс?

Дети, даже те, кто еще слишком мал, чтобы провялять какой-то художественный интерес к окружающей среде, ведут себя совершенно по-разному в разном окружении. Да и вполне зрелые люди ощущают, мыслят, действуют различно в разном окружении. Хотя, разумеется, их поведение более подконтрольно, и их мироощущение, чувствительность и легкость

Нравится вам это или нет, но это не архитектура. Это фотография здания. Что это, чисто семантическое различие? Отнюдь нет. Второе - статическая картина, кем-то выбранная, застывший момент жизни, света, сезона, погоды, отношения... Архитектура же ЕСТЬ, воздействует или служит

элементом всего нашего предметного окружения. В некотором роде отраженная фотографией, она проникает глубже чисто предметного фактора, вовлекая все наши чувства. Фотография может сфокусировать наше внимание на миг, но мы при этом можем едва замечать окружение. От фотографии можно в

любой момент отвернуться.
Архитектура - пространственная "рама" всей нашей жизни, и поэтому, живя в архитектуре, мы не разглядываем ее.

Книга иллюстрирована фотографиями. Они неполные и неточные фрагменты опыта, поскольку архитектуру не охватишь одним зрением. Она - чтобы жить в ней. Потому-то архитектура являет собой столь мощное средство воздействия - нередко разрушительное, но в принципе способное оздоравливать.

или заторможенность мышления не свободны от сугубо внешнего воздействия. Я иногда задумываюсь - как изменилось бы содержание моей собственной работы и отношение к нему, если бы я работал в совсем другой мастерской, может быть, четкой, прямоугольных очертаний, с гладкими плоскостями, равномерно освещенной и вылизанной как те, в каких работают многие архитекторы.

Многие верят, что художественная способность есть дело врожденного таланта, однако я уверен в том, что гораздо важнее *полная отдача*. Точно также, художественное качество в гораздо большей степени зависит от заботы и внимания, чем от денег, но зато забота поглощает уйму времени. В мире, где время - деньги; чем меньше заботы вложено в здания,

Фотографии избираются по природе. Главный интерес для большинства людей сосредоточен в других людях, тогда как архитектор тяготеет к концентрации внимания на зданиях, очень часто стремясь, чтобы в них не ощущалось и следа тех, кто занимает здание. Хотя на многих фотографиях пространства пусты, чтобы избежать их загроможденности, постарайтесь вообразить их используемыми под те или иные функции.

будь то проектирование, строительство или использование, тем дешевле, но поскольку люди не любят зданий, которые выглядят дешево, в дело идут "обманки", начиная с кирпичной облицовки и кончая дверями на картонном каркасе, с мебели из древесно-стружечной плиты и кончая витражом главного фасада при "экономном" заднем.

Мы быстрыми темпами строим мир, в котором обманчивые покровы становятся ширмой для откровенности, с которой забота вытесняется прибыльностью. А ведь это мир, в котором большинство людей проводит большую часть жизни и в котором растут и учатся дети, учатся ценностям, что будут служить им опорой всю жизнь - учатся у взрослых и учатся у своего окружения.

Многие жалуются на современную архитектуру. Они могут быть недовольны, тем как старые здания *служат* (сырость, к примеру), но в случае новых они недовольны их *средовыми качествами* (чаще всего безликостью). В отличие от архитектора, почти никто *не думает* об архитектуре, но очень многие ее *чувствуют*. Мне жаль в первую очередь тех, в ком это чувство мертво, потому что их художественный инстинкт ослаблен, искажен или вообще уничтожен - не без участия самой архитектуры.

Все мы знаем, что "все прочие" оказываются чаще всего скептиками, заранее настроены на критику, руководствуются готовыми мнениями, что они столь часто неверно оценивают виденное и несправедливы в суждениях о нем. Я испытал немалый шок, когда построив дом в 1973 году, столкнулся вдруг с положительным отношением со стороны самых неожиданных судей. Кто только не просил разрешения посмотреть, проходя мимо, а затем спешили поделиться чувством подлинного удовлетворения. Это были фермеры, плотники, фабричные рабочие, почтальоны - те самые, кто в большинстве или уже жили в типовых "бунгало", или стро-

или их или только мечтали их построить. Тогда-то я понял, что многие выбирают именно такие здания по той лишь причине, что те являют собой единственный доступный людям материал для выбора.

Эти ловушки для воображения сформированы фабрикантами по строительной части, настроенными на волну спекулятивной выгоды и в свою очередь продолжают формировать такой именно рынок, наряду с другими манипуляторами желаний, вроде изготовителей кухонного оборудования. С другой стороны архитектурная мода направляется тем, что является *индивидуально новым*. Эта тенденция еще усиливается архитектурными журналами, которые показывают здания как художественные объекты (как правило, незаселенные). *Эти здания не воспринимаются таким именно образом теми людьми, кто их использует.* Журналы оказывают на студентов-архитекторов большее воздействие, чем их учителя, хорошие или плохие. Похоже, что именно журналы действуют сильнее всего и на сознание по меньшей мере части практикующих архитекторов. Однако сознание, которое таким образом подкрепляется - *установка на здание с мощной, если уда-*

ется, "образной" характерностью, не имеет ничего общего с установкой на то, чтобы создавать места для людей.

Стоит ли удивляться, что возникающая архитектура больна!

Она способна передавать свою болезненность людям, заставляя их скверно себя ощущать и даже действительно болеть, так что биологические последствия в принципе могут быть измерены, хотя сегодняшнее знание в этом отношении еще ненадежно. Дело обстоит тем хуже, что не каждый заболевает от того, что вдыхает радон, формальдегид или грибковые споры: есть лишь общая тенденция. Тем больше возражений, когда мы переходим к художественным качествам, которые как правило трактуются как субъективные, как роскошь, к которой можно прибегнуть позже, когда решены практические вопросы, да еще если мы можем себе ее позволить. Я придерживаюсь решительно противоположного взгляда.

Находясь в полном здравии перед тем, как отправиться с сыном в поликлинику, я выбирался из нее полуживым после многочасового сидения в прямоугольного сечения туннеле коридора, расчерченного на квадраты,

пахнущего пластиком, освещенного люминесцентными светильниками и перегретого. Тот же эффект бывает следствием грубого вандализма, с которым сооружения бывают буквально всажены в ни в чем неповинный ландшафт. Архитектура может подавлять жизнь и даже раздавливать ее, если иметь в виду не одни только ощущения, но данное нам чувство тяготения к свободе. В одних местах человек ощущает себя не полноценным гражданином, а одной лишь статистической единицей; в других - здания громоздятся над головой с выражением угрозы. Однако гораздо чаще воздействие со стороны архитектуры куда более незаметно и лишь совсем недавно социальные и физиологические эффекты опустошенной, резкой, неприязненной архитектуры начали обращать на себя внимание.

Более полувека назад Рудольф Штайнер заметил, что "в мире ровно столько лжи и преступления, сколько есть пустоты на месте отсутствующего искусства". Он продолжал, что если бы люди были окружены живыми архитектурными формами и пространствами, эти негативные тенденции попросту исчезли бы со временем. Когда я услышал об этом впервые, то

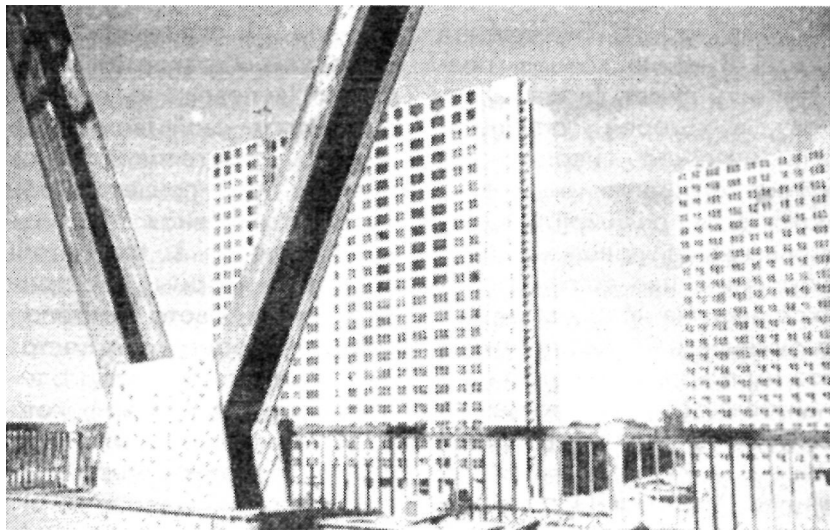

подумал: что за буржуазный вздор! В конце концов, преступность имеет сложную основу, в которой социально-экономическое неравенство играет огромную роль. Однако если расширить представление о преступности и включить в нее эксплуататорское насилие над людьми и их окружением, если признать, что мы говорим при этом не о неизбежности, но только о тенденции, то, что Штайнер имел в виду, становится понятнее. Животные всегда одинаково реагируют на стимулы, создаваемые окружением, тогда как люди обладают способностью выходить за рамки ситуации. Чтобы однако подняться над уровнем безусловных рефлексов, нужно, чтобы мы сознательно строили свои жизни. Ни один из нас в этом отношении несовершенен и именно поэтому в любой статической выборке обнаружится несколько ведущих себя обособленно, но большинство будет реагировать на определенные стимулы вполне предсказуемым образом.

В этом столетии мир стал свидетелем быстрой урбанизации, которую нередко ассоциируют с разрушением привычной социальной опоры для традиционного морального кодекса. Несть числа

социальным аспектам среды, с которой встречается современный человек, но если ограничиться свойствами собственно архитектурного окружения, то придется признать, что главная тенденция века состояла в том, чтобы порождать формы, пространства, линии, цвета и пропорции (не говоря уже о состоянии воздуха, шумах, электрических полях и пр.), которые словно отсасывают жизненную энергию, мертвы по природе своей.

При эстетическом голодании эмоциональная часть человеческого существа ищет удовлетворения в переизбытке желаний. Обманчивая внешность, особенно во всем, что касается отделки, стала нормой. Нормой стали и стерильные интерьеры, качество которых зависит от тех же обманок - косметика поверхности, освещение, манипулирующее психологической обстановкой, оборудование, с помощью которого эти пространства только и становятся обитаемыми. Со всех сторон окружаемые жесткостью, резкостью форм, эстетическая чувствительность а в месте с ней и этическое равновесие оказываются притуплены. Не удивительно, что будучи окружены, как происходит с

Не приходится удивляться тому, что места подобные этому приобрели печальную известность уровнем преступности. Дело не только и не столько в легкости условий для преступлений, но и в откровенно безликом, напрочь лишенном персональности, безжалостном и безлюбивом окружении.

большинством из нас почти все время, безжизненными искусственными материалами, мы настолько стремимся ограничить свои стремления лишь тем, что реально можем приобрести, что даже постарались закрепить это отношение в политических институтах.

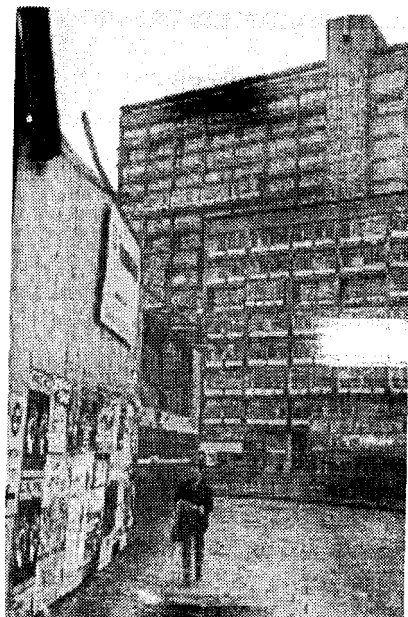
Неотторжимые от других причинно-следственных цепочек, переплетенные с ними, таковые последствия

строения мира, который мы создали вокруг себя. Однако же архитектура, хотя и возникающая из мертвого материала, отнюдь не обязательно должна быть мертва: она может быть исполненной жизни. Создающие ее элементы и связи между ними могут "петь" и людское сердце может звучать в резонанс этой мелодии. Может быть иные архитекторы могут считаться исключением, но большинство людей, не исключая меня самого, не смотрит обычно на окружение. Мы вдыхаем его. Мы разглядываем открытки или обзереваем виды с предназначенных для этого площадок, и видимое может быть вполне занимательным. Однако зрительный опыт трогает

нам сердце только тогда, когда он входит в то, чем мы дышим; большую часть времени мы вообще не замечаем наше окружение и тогда оно может тем сильнее воздействовать на наше существо, не встречая осознанного сопротивления. Фактически мы проводим так много времени внутри- или рядом со зданиями, что подавляющий объем нашего средового опыта испытывает воздействие архитектуры.

Потенциально архитектура довольно опасное орудие. Среду можно использовать для манипулирования людьми: мы готовы принимать окружение как факт и так редко осознаем его, что оно вполне может использоваться для воздействия на наше поведение. Вовсе не обязательно вспоминать нацистские стадионы с их мощно театрализованными приемами воздействия на настроение людских масс. Если мы входим в "бутик" с его настроением "вибрации", создаваемым музыкой, фактурами, цветом, уровнями и наклонными плоскостями, однако с концентрацией светового потока на товаре, которого модно коснуться, все желания обостряются, а их удовлетворение как бы само связывается с фактом покупки.

Усиление настроения превращается в манипуляцию, если давление возрастает. Редко какой из супермаркетов обладает хотя бы минимальными свойствами "приглашения", однако с помощью освещения, игры знаков и цвета, фоновой музыки в них деликатно усиливается возбужденность приобретения. Достаточно сопоставить, сколько и каких полок с товарами ярко освещены сияющим белым при теплых цветах выкладки и сколько погружены в голубоватые тона, чтобы увидеть признаки этого в любом супермаркете в любом месте. Кое-что из этого является следствием ученой психотехники, что-то рождено воображением декоратора, а что-то вообще свободно от сознательного намерения. Не только в магазине, не только ради денег или власти над другими людьми, но в любом аспекте средового проектирования мы должны признать, что все, что мы делаем, воздействует на существо человека, на окружение, на дух места, на все мировосприятие. За этим стоит целая система социальных, психологических, экологических последствий, и достаточно хотя бы короткое время пожить в резко ином окружении, чтобы признаться себе в том, на-

Не вглядываясь в окружение специально, мы впитываем его всеми чувствами. Есть места, где внешний, коммунальный мир угнетает и опустошает нас чрезвычайно. Не удивительно, что иные ищут для себя облегчение во внутреннем своем "я" с помощью всевозможных искусственных стимулянтов.

сколько мы сами и наше общество сформированы своим окружением, идет ли речь о различении оттенков, о ценностях или о стиле жизни.

Архитектура столь сильный агент воздействия, что для всех важно, как она сделана. Очень важно. Сюжетом этой книги служит

именно этот вопрос: как архитектура воздействует на человека и на облик Места, как подойти к проектированию и строительству, чтобы нести в жизнь скорее здоровье, чем болезнь. Есть много способов работать с этой темой, но описывать вещи, которые ты не пережил сам, чревато излишней абстрагированностью, добрыми пожеланиями и пересказом из вторых рук. Хотя я предпочитаю в связи с этим описывать прежде всего то, что делаю сам, это отнюдь не отвергает иных способов, которые более подойдут другим. Примеры, по необходимости, частные, локальные, тогда как сущности процессов, вызывающих к жизни частный пример, имеют универсальный характер. Другим людям, в других местах, придется выработать и иные решения.

Каждый из нас начинает жизнь по-своему и проходит через череду глубоко персонального опыта. Уже поэтому чей-то личный стиль никогда не удовлетворит другого в полной мере. Стиль есть дело очень личное. Многие могут признавать и даже принимать чей-то стиль как своего рода символ времени, однако если его не преодолеть в собственной работе, он не затрагивает

ее существо.

Я всегда стремился обойтись без собственного стиля, но избежать его тенет довольно сложно. То, в чем я ищу вдохновения, это способ взглядывания в предметы, чтобы распознать, что они на самом деле суть и как они функционируют, и тогда соответствующие им формы возникают словно сами собой. Это по-видимому справедливо для всех людей и в любом месте. Мой сюжет - сооруженное окружение, среда, мои примеры локализованы в месте и во времени, но сами предметы в равной степени

справедливы для Англии или Новой Англии, городского пространства Токио или пригородов Сиднея, трущобных пригородов Южной Африки или лесов Скандинавии. Любое здание, любое место, в любом природном или городском ландшафте, в любой культуре, любом климате, любой стране оказывает воздействия, которые я описываю. Где бы она ни возникала, как бы по-разному она ни выглядела, архитектуре необходимо иметь дело с этими сюжетами, чтобы стать архитектурой человеческого здоровья.

2.

Архитектура, ориентированная на исцеление

Архитектура лишь элемент создаваемой среды. Внутри сооружения его части образуют собою все окружение, тогда как воспринимаемые извне, они входят в окружение лишь его малой частью. Если говорить об очень крупных сооружениях, то мы редко воспринимаем их как собственно архитектурные объекты, а когда это все же случается, то дело в их мощи, в способности господствовать над окружением. Такие здания навязывают нам свое присутствие и с особенной силой навязываются окружающей среде. Не удивительно, что они лучше других выходят на фотографии, что превращает их в излюбленный сюжет архитектурных журналов и книг.

Куда ни пойдешь, непременно столкнешься со зданиями, навязанными таким

именно образом. Навязанными - потому что они явно не соответствуют месту, нечувствительны к его характеру. Это чьи-то застывшие высказывания, монологи, в которых нет ответа ни потребностям людей, ни потребностям места.

Во времена ручного труда бывало обычно легче обойти ствол старого дерева или валун, обвести "готовый" природный контур, чем следовать прямой линии. Уже поэтому рождавшиеся линии, будь то тропа, граница поля или строительной площадки, хотя бы по соображениям голлой практики, вели диалог с ландшафтом. Применение мощных машин напротив словно взывает к тому, чтобы игнорировать любую нерегулярность ландшафта. Когда как следует узнаешь старые здания и древние поля,

начинаешь чувствовать, как меняется вся атмосфера, как только ты переступаешь их границу. Такого рода отзывчивость к местоположению никогда не вырастает из процесса проектирования, если он ограничивается листом бумаги. Бумажный процесс проектирования и механизация строительства значительно сильнее видоизменили отношения между зданиями и их окружением, чем это принято замечать.

В наше время вполне обычно стало проектировать здание для одной страны, находясь при этом в другой. Это уже давно не те случаи, когда знаменитые европейские архитекторы проектировали сооружения для Америки - теперь по всему миру здания, рожденные в одной культуре, помещаются в совсем другую. Обычно в сооружениях такого рода искусственно регулируется климат, а попадают в них, прямо выходя из автомашины. Поэтому они конечно же могут быть поставлены в любой точке мира, но потому они и не принадлежат ни одному конкретному месту. За исключением лишь нескольких примеров такого рода, я показываю здесь лишь те здания, которые не поддаются переносу с места на места.

В механическом перебросе идей из одной культуры в иную, из одного ландшафта в другой таится немалая опасность. В Никарагуа сложновато что-то сделать, опираясь на североамериканскую идею свободы. Здания, естественные для графства Серри, совершенно были бы не органичны в графстве Мидлофиан. Одно семейство строительных материалов и соответствующий ему словарь форм может превосходно соответствовать Уэллсу, тогда как в других местах, где иные материалы, иной климат, иная культура и прочие элементы контекста, требуется совсем иной язык формы. Глубинные вопросы влияния среды на людей не ограничиваются национальными или региональными пределами или границами церковного прихода, однако формы, рождающиеся в этих пределах, должны быть глубоко местными, "здешними", чтобы соответствовать месту своего рождения. Я нахожу такого рода "настройку" на местную ситуацию, где приходится заново переосмысливать множество почти автоматических исходных позиций, одним из труднейших аспектов проектного процесса, когда мне приходится работать на новом месте, и я хотел бы выслушать

Очень часто мы воспринимаем здания скорее как границу пространства, чем как свободно стоящие объекты. Качество такого рода границы составляет важнейший ингредиент совокупного качества места, которое с ее помощью складывается. В городе или в деревне границы, протянутые как непрерывные прямые линии, лишены жизни и мучительно резки. Если же линиям, формам, очертаниям, приданы качества движения, жизни, гармонии, жеста и внезапного разрешения динамических напряжений, пространство, охваченное сооружениями, наполняется жизненной энергией. Такого рода качества, обычно ассоциируемые с кривыми, обнаруживаются и в прямых, если те проведены от руки и вступают в диалог между собой. Представьте на мгновение, как выглядели бы эта линия

кровли и этот склон, будь ст сведены к одним лишь мертвым прямым!

любого архитектора, кто рискнул бы это оспорить.

Прежде чем хотя бы приступить к обсуждению лечущих свойств архитектуры, надо бы убедиться, что наши идеи и наши здания не навязаны! Т.н. международные стили, будь то функционализм, постмодернизм или любой другой "изм", или межрегиональные стили, подобные "бунгало", в равной мере презируют все, что способно соответствовать конкретности места и людям этого места. В нео-региональном (neo-vernacular) или "возрожденческом" движениях есть все же какая-то неизбывная внутрен-

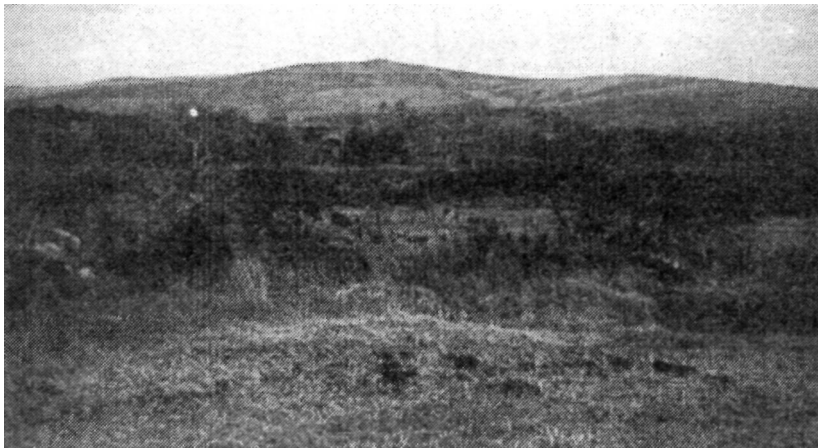

С большого расстояния небольшие сооружения воспринимаются как объекты, соотносимые с их пространственным окружением. Именно пространственные отношения между зданиями дают нам первый намек на то, что существуют не одни лишь постройки, но целое Место.

няя пустота: их адепты тоже стремятся навязать миру единую идею, просто в этом случае вылуценную из какого-то этапа ушедшей истории. Все эти подходы означают озабоченность скорее стилем, чем тем, что лучше всего назвать отзывчивостью. Архитектура столь мощно воздействует на человеческое существо, на атмосферу места, на сознание, в конечном счете на весь мир, она слишком важна, чтобы специально беспокоиться о

стилистических приемах, о соответствии моде.

Отрицательное воздействие архитектуры может достигать такой величины, что резонно подумать над тем, нельзя ли осознанным образом заставить ее оказывать не менее сильное позитивное влияние. Все, что чревато далеко идущими последствиями, неминуемо несет ответственность - мощь, не сдерживаемая ответственностью, опасная штука! Архитектура несет ответственность за уменьшение загрязнений и экологического урона, ответственность за уменьшение вторичных биологических последствий для обитателей домов, ответственность за то, чтобы отзываться на окружение и работать в гармонии с ним, ответственность перед индивидами, вступающими с

Если отношения между зданием и его окружением таковы, что здание считается как объект, но него возложена ответственность - не оскорбить окружение своим присутствием. В сельскохозяйственном ландшафте равновесие между обоими звеньями отношения кажется обычно убедительным. В более пустынной местности зданию надлежит быть сдержаннее и, так сказать, молчаливее.

ней в контакт, ответственность не только за область эстетического и всех человеческих чувств, но и за трудноуловимый, но отчетливо воспринимаемый "дух места".

Эта область ответственности включает и сбережение энергии, начиная с инсоляции, организации здания вокруг точечного источника тепла, вроде очага или печи, использования конструкций

стен, аккумулирующих тепло, вторичного использования тепла (к примеру, использование тепла сточной воды или энергосистемы холодильника) и кончая альтернативным производством энергии с помощью солнечных элементов. Ответственность распространяется и на тщательный отбор строительных материалов и технологии их применения с учетом воздействия на здоровье как жильцов, так и строительных рабочих или рабочих соответствующих заводов, на средовое воздействие материалов, будь то при первичном их производстве или при разборке старых построек. Столь широкий круг критериев заставляет задуматься об использовании тропических пород твердого дерева, при вырубке которого почти непременно нано-

сится огромный экологический урон; пластмасс, производство которых обычно требует до 15 операций синтеза, каждая с 50% КПД, так что финальный продукт использует лишь 0.002% исходного сырья¹; воды, создание новых резервуаров которой наносит огромный ущерб сообществу.

Такого рода ответственное отношение неизбежно включает в себя откладывание в сторону стилистических предпочтений и глубоко персональных амбиций в пользу прислушивания к тому, к чему взывают место, время и общественная потребность.

Процесс проектирования может продолжаться в течение всего времени строительства, что означает акцент на ручную работу. Это может показаться старомодным и нереалистичным, однако неоспорим тот факт, что механизмы не обладают необходимой мерой гибкостью, так что вырастающее из земли здание не удастся поправить и тогда, когда преимущества или пороки становятся очевидными. Ручные операции придают масштабность тек-

стур, что видно при сравнении кирпичной кладки, натурального шифера или укладки досок с использованием монтажа крупных панелей. Везде там, где строитель получает возможность быть художественно вовлеченным в собственную работу, у законченного сооружения есть "душа" еще до того, как оно занято людьми. Тогда и дух места возникает не вопреки зданию, а благодаря зданию. Техника строительства и форма контрактных отношений оказывают собственное воздействие на одухотворенность сооружения почти независимо от его внешнего вида)

Думать о пользователе, значит непременно осмысливать здание как пространство, а его фасады - как границы пространства.. Мы можем переживать небольшие сельские постройки как объекты лишь в их соотносительности с их окружением. Крупные городские постройки как правило воспринимаются лишь как пространственные границы. Пространство существует, чтобы жить в нем. Объекты являются застывшими идеями. Одни обладают жизнетворной силой, другие, особенно если достаточно велики, угрожают, господствуют крадут солнечный свет

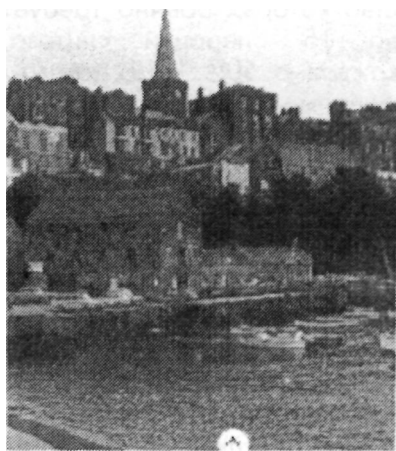
---

¹ Holger König. Wege zum Gesunden Bauplan, Okobuch (Freiburg), 1989, p.33.

огромностью своей тени или обманывают нашу способность ориентироваться своими отражениями. Помню, как студентом я растратил массу времени, вырисовывая тщателью скомпонованные фасады, и как мало усилий было затрачено мною на проработку разрезов, перспектив интерьеров или общих картин взаимодействия с окружением. Теперь дело обстоит прямо противоположным образом! Теперь места занимают меня гораздо больше, чем объекты.

Место не в состоянии говорить словами, но зато мы можем вслушиваться в то, чего оно просит, опознавать то, что оно воспримет. Когда я сталкиваюсь с местами, очарование которых частью непременно обязано застройкам, я осознаю, что это и есть образец, к которому я должен стремиться!

Все, что мы строим, обладает новизной, но когда оно уже там год или два, оно уже способно выпасть и из места и из времени. Оно может казаться старым - чтобы немедленно вскрыть обман при близком знакомстве - или оно способно быть ни старым, ни новым, но вечным и необходимым здесь. Я стараюсь проектировать места так, чтобы они не вступали в кон-

Иногда трудно вообразить, чтобы место было столь же привлекательным и "неизбежным" без сооружений.

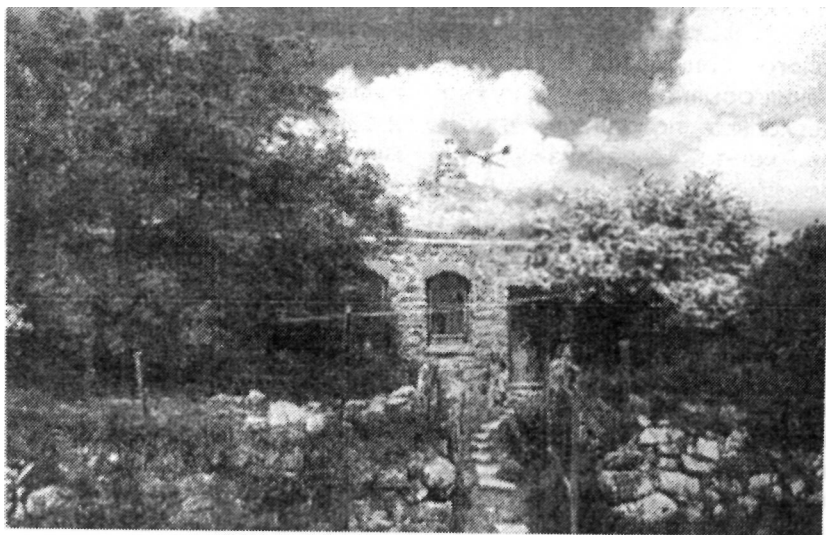
фликт с потоком уходящего времени, растающего в настоящее, так, чтобы не тяготеть ни к старомодности, ни к имитации. Эти места должны отразить в себе будущее, мир идей, идеалов, воображения и вдохновения, но корнями уходить в сегодняшний переживаемый ныне момент - настоящее хотя и вдохновляется будущим, зиждется на прошлом. Не обращать внимание на поток прошедшего времени, значит вступить в ряды вандалов; слишком сильно на нем сосредоточиться - значит рисковать лишенным смысла сверхохранительством или

тупым "возрожденчеством".

В городах без прошлого социальные противоречия обычно острее и нужно несколько поколений, чтобы их как-то стабилизировать. Законсервированные исторические места немногим лучше: жить в них значит задыхаться от нехватки пространства и фальшивой косметики. Прошлое и будущее нуждаются друг в друге: прошлое сообщает, а будущее вдохновляет. В точке их встречи находится образованное прошлое и вдохновленное будущим настоящее - в точке, где рождаются серьезные поступки.

До известной степени все сказанное относится к стремлению, чтобы положить конец вреду, который наносит архитектура, когда она рождает места, где мурашки по коже или становится плохо. Мы всегда готовы обвинить шум, кондиционирование воздуха, мертвое флуоресцентное освещение, тесноту в толпе, запахи, но все это в конечном счете восходит к архитектуре, будь то циркуляция потоков или акустика, выделение токсинов отделочными материалами, колорит или детализация конструкций и художественная идея пространства. Реальная проблема заключена в том, что

наше отношение ко всем этим вещам притупилось. Мы обучились не замечать шум и скверное качество воздуха и резкие несоответствия между резко очерченными формами и очертаниями. Мы обрели некий иммунитет к негативным силам в собственном окружении, и именно потому оно оказывается для нас столь разрушительным. Наша чувствительность и все наши чувства притуплены и наш язык и самое бессознательное отношение к повседневным реалиям жизни начинают уподобляться нашему окружению. У горожан более резкий говор, чем у деревенских обитателей - настолько, что при сопоставлении фонограмм одна будет представлена как система пиков и ущелий, а другая - как несколько сонная череда холмов и долин. А ведь современным городам всего несколько поколений от роду! Подобно речи, социальная чувствительность в городе закалена резкостью и уродством окружения - спросите у тех, кто работает с подростками! Кто, осмысляя собственный опыт, может отрицать, что архитектура в лучших и худших своих проявлениях говорит на весьма экспрессивном языке? Эффект массового жилищного строи-

Чтобы обладать гармоничностью, новое должно быть органичным развитием того, что уже тут есть, а не пришельцем, не чужим.

тельства принципиально отличается от жилых зданий, построенных индивидуально, с любовью к мельчайшей детали - одно для анонимной массы, другое - для индивида. Есть чрезвычайное различие между тем, что делается для людей, и тем, что делается вместе с ними. Архитекторы надеются, что их детища переживут несколько поколений так что как бы они ни стремились иметь в виду обитателей своих домов, они никогда не учтут стремления их всех. Но если я не могу спроекти-

ровать нечто привлекательное для моей собственной души - именно питающее, а не просто милое, эффектное, фотогеничное, новое, - от меня трудно ожидать, что это будет животворным для кого-либо еще.

Мы обучены думать в первую очередь об эстетике видимого. Забота об эстетике визуального составляет основную часть работы большинства архитекторов, не исключая и меня. Мы все знаем, что изображение стоит тысячи слов, что оптический нервный ствол во много раз мощнее нервных каналов от других органов...но ведь случайный запах может вернуть нас к забытому детству, а музыка способна перенести в другие

миры... В красивом или безобразном участвуют все чувства, но их слишком часто трактуют раздельно. Лишь вместе, складываясь в единое сообщение, они начинают сообщать нам нечто о глубинной природе места. Когда чувственные впечатления спорят между собой, никакое приведение среды в порядок не в состоянии выйти за рамки чистой косметики. "Конкорд" может быть уподоблена прекрасной птице, но звучит иначе. Архитектурный фасад, вписанный в замечательное произведение ландшафтной архитектуры, будет чистой бессмыслицей, если этот фасад обращен к напряженной автомагистрали. Бомбардировка шумом - вот все, что вы здесь сможете ощутить. Такая работа столь же пуста и лишена смысла, как синтетический запах свежего хлеба перед рестораном "Макдоналдс". Такова же мода на деревянную мебель, покрытую полиуретановым лаком, возникшая из переоценки "чисто визуального" сознания. Стоит коснуться поверхности, и дерево обнаружится как твердая, блестящая, холодная поверхность, напрочь лишенная живого дыхания. Оно не пахнет деревом и кажется стеклянистым - не глубина цвета, а одна

поверхность.

Телевидение предъявляет нам мир, состоящий из изображений и звуков. Нет более обманчивой, лживой картины реальности, ведь мы приучились едва замечать отсутствие всякой иной чувственной информации. Чувства, все разом, дают ту картину реальности, которую не в состоянии адекватно передать ни одно чувство в отдельности, реальности, которую мы называем душой - личности, события или места. Не внешний вид и даже не комфорт, а именно эта душа оказывает на нас наибольшее воздействие.

Чтобы обрести лечебные свойства, место должно нести в себе гармонию, вбирать в себя изменение как органическое развитие, так что и новые здания не воспринимаются как вторгшиеся пришельцы, а неоспоримо принадлежат тому месту, где они возникли. Они должны соответствовать окружению и быть ответственными. Но этого мало. Места и здания-должны питать человеческое существо.

Сама идея здоровья отталкивается от идеи болезни. Мы все знаем, что такое болеть, но постичь источник болезненного состояния куда сложнее. Наука давно пока

зала, как болезнь запускается в ход сугубо материальными факторами, бактериями или вирусами - запускается в ход, но не порождается ими, ведь далеко не каждый заболевает при эпидемии. Идеального бактериологического оружия, которое поражало бы 100% населения, все же не сумели создать. В ряде районов при вскрытия обнаруживали до 50% случаев, когда были обнаружены следы туберкулеза в легких людей, которые никогда не считали себя и не считались больны той самой хворью, которая некогда считалась неизлечимой². Иные болезни проявляют себя у разных людей в совершенно различных симптомах.

Симптоматика выражает, высвобождает то, что происходит внутри организма - так высокая температура отражает борьбу антител с патогенными продуктами размножения бактерий. Но точно так же само заболевание выражает во-вне и высвобождает более глубокие, труднее обнаруживаемые рассогласования в организме. Чтобы понять и болезнь и

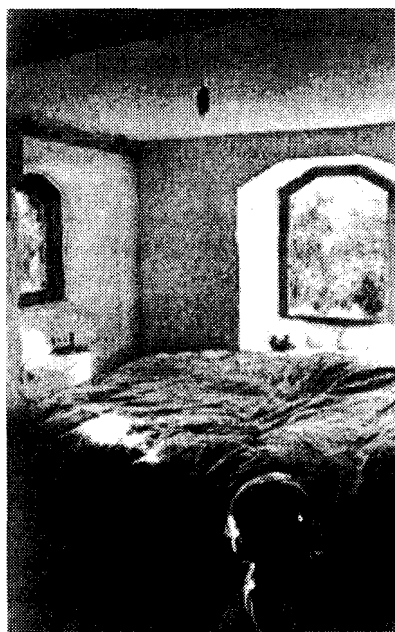
лечение, будь то с медицинской или с архитектурной точки зрения, нам приходится уяснить себе нечто о различных уровнях проявления человеческого существа.

Каждый знает, что человеческое тело есть сугубо физический предмет, состоящий из такого-то объема тканей, костей, крови и прочего. Знание этого физического тела существенно, когда мы имеем в виду возможность дотянуться до полки, удобно усесться, предохраниться от боли в спине и т.п. Эргономика и физиометрия определенных позиций и известных видов деятельности давно стали самоочевидностью, так что, как и любой другой архитектор, я имею в наличии антропометрический справочник, из которого можно почерпнуть сведения о минимальном пространстве, которое необходимо для движущегося скелета.

Но то, что отделяет человеческое существо от трупа, скрыто в той простейшей истине, что человек жив. Архитектура в состоянии или укреплять разрушать физическое здоровье или укреплять его, скажем, поддерживая хорошо отрегулированное окружение - ни слишком тепло, ни чересчур зябко, ни

² Benjamin Spock. *Baby and Child Care*. Nye English Library, 1975.

Свет из двух окон, размещенных

в разных стенах, придает освещению такую силу жизненности, что даже застывшая фотография способна передать часть этого эффекта. Такое насыщение света жизнью необходимо в равной мере и для биологического и для психического здоровья, поскольку гипоталамус и душа питаются живым светом и угнетаются светом мертвым. Физиологический и эстетический эффекты оказываются нерасторжимы.

чрезмерно ярко, ни слишком темно. Различные виды отопления и освещения воспринимаются как здоровые или нет, привлекательные или неприятные. У света от пылающих дров тот же спектр, что и у солнца. Его лучащееся теп-

ло кажется всегда большим, чем иное другое - и телу и душе. Да, с энергетической точки зрения это неэффективный источник тепла, но как много людей любят его, ибо нигде не чувствуешь себя так хорошо, как перед огнем. Множество людей жалуются на сухость в горле, сонливость, заложенный нос, когда имеют дела с воздушными системами отопления, иные страдают в этом случае от клаустрофобии и особенно угнетены. Физические причины известны: нарушение нормальной ионизации воздуха и его влажности (что усиливает и в свою очередь усиливается внутренним загрязнением среды), переизбыток мелкой пыли, в особенности "поджаренной" на поверхности радиаторов отопления, и даже неравновесность температур с перегревом воздуха и недогревом поверхностей. При учете такого набора факторов влияния на наше самочувствие нет нужды удивляться тому, что то, что ощущается как лучшее, лучшим и является в действительности. Искрящееся колебание света свечи, при явной недостаточности по яркости, обладает тем не менее жизнью, которой напрочь лишен механически колеблющийся свет электрической лампы, в

особенности флуоресцентной лампы "дневного света". Такой же полнотой жизни обладает и дневной свет в помещении, где есть несколько окон, что создает игру света, полутени и тени за счет разных участков неба в окнах. Однонаправленный свет из единственного источника лишен такой жизненной силы, будь то обычное окно или окно во всю стену.

Нет никакой случайности в том, что в нас есть твердая уверенность в справедливости ощущения жизни от контакта с "живым" светом и теплом - это так и есть в строго биологическом смысле. Гормоны роста и других функций вырабатываются под контролем ряда специализированных желез (гипофиз, гипоталамус, шишковидная), которые в свою очередь стимулируются светом! И не любым светом, а мягко колеблющимся живым светом, в первую очередь естественным с его великим множеством оттенков, порождаемых разными участками небосклона, и непрерывными изменениями в течение дня. Именно поэтому свет из двух окон в двух стенах от двух оттенков неба всегда . и приятнее и здоровее, чем из одного источника. Известно, что обоняние есть способ природы сообщать

нам о чем-то полезном или вредном, но такое же соответствие есть и между эстетически удовлетворяющим и физически здоровым. Питательное для души есть и пища для тела.

Наука строительной биологии все еще в пеленках, и многие из ее достижений оспариваются - в особенности промышленностью, продукция которой оказывается под угрозой. Но даже и при нехватке бесспорных научных данных мы до известной степени способны знать чувством, отличать место здоровое и жизнотворное от больного. Мы делим царство живого и способность чувствовать со всем живущим, но нам дано большее. Сколь бы ни были притуплены наши чувства, окружение все же безусловно сказывается на нашем самоощущении - в конце концов туризм (равно как открыточный бизнес) полностью зависим от наличия мест, которые люди решают посетить с одной целью - увидеть их, то есть почувствовать их всем существом.

Есть места, вроде уширения коридора, где можно посидеть у окна, и там сами собой создаются условия, приглашающие к общению, и есть места, подобные кабине лифта, где такое едва

Если нам нужно "социализировать" сооружение, без коридора не обойтись. Если мы хотим возвысить перемещение из точки А в точку В, чтобы превратить его во всегда заново переживаемое движение внутреннего приготовления, нам нужен клуатр. Клуатр всегда есть полуоткрытое пространство вокруг сада: стоит остеклить его, и с клуатром покончено. Тем не менее, некоторые из свойств клуатра удается "встроить" в переходы так, чтобы всякая следующая цель движения сменяла собой ощущение, испытываемое в данной точке маршрута. Каким еще способом вечность может давать о себе знать в каждый данный момент?

ли возможно. Есть формы, вроде круглого стола, объединяющие людей, и есть иные, вроде прямых коридоров и длинных залов, которые этому препятствуют. Узкий, низкий, с мягкой текстурой стен, с переменным светом коридор для неспешного движения, как это бывает в монастырском дворе-клуатре, способен давать идущему подлинное наслаждение, тогда как ровно освещенный прямой коридор с гладкими стенами, предназначенный для быстрого перемещения множества людей, имеет прямо противоположный характер и способен уподобить даже вполне добротное здание в учреждение.

Архитектурная психология исследует средовые требования к местам, где нам хорошо, где мы можем ощущать себя "дома" или общаться с легкостью и т.п. В целом, однако, нам редко нужно заглядывать в специальную книгу, чтобы знать, каков будет эффект того или иного проектного решения. Мы скорее обращаемся к личному опыту, используя самих себя в качестве инструмента уточнения фактов. Разумеется, у каждого свои предпочтения и ассоциации, так что приходится стремиться к различению того, что есть личностное или предопреде-

ленное культурой, от универсальных человеческих реакций. Известно, что мы считаем траурным черный, а на Востоке белый играет ту же роль. В целом однако цвета имеют физические характеристики и оказывают психологическое воздействие, от которого никто не защищен, независимо от персональных фобий или предпочтений. В геометрии прослеживаются те же универсальные эффекты. Они же - в пропорциях, поскольку те опираются на измерения человеческого тела, а значит - и в масштабности и даже в скорости перемещения.

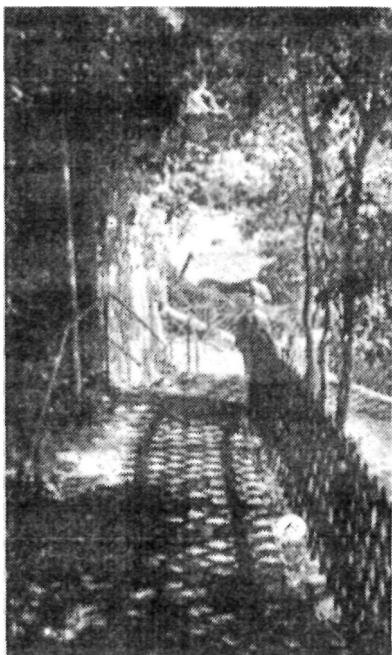
Коль скоро мы признаем, что, наряду с персональными и заданными культурой, многие качественные характеристики окружения оказывают на человека универсальное воздействие, приходится признать, что человеческое существо - каждый из нас - является потенциально объективным инструментом исследования и оценки. То, что многие сбрасывают со счетов как "чисто субъективное", может в действительности быть подвергнуто вполне объективной оценке, так что для различения объективности и субъективности придется искать новые критерии.

И все же то, что делает человеческое существо именно человеком, заключено в его способности различить между добром и злом в предполагаемом поступке. В отличие от животных, нам приходится выходить за рамки инстинкта, привычки или условного рефлекса и использовать наши моральное и эстетическое чувства, чтобы сознательно выбирать действие из ряда возможных. В нашем окружении мы ведь тоже различаем то, что нам нравится, от того, что не нравится. Художественные качества, далеко выходящие за рамки простой психологии, служат поэтому для нас существенным стимулом. Место должно обладать некоторым художественным свойством, чтобы производить повышение общего тонуса.

Используя такой подход, можно разработать своего рода словарь качеств для определения средств, подпитывающих душу человека, но чтобы архитектура могла излечивать, необходимо продвинуться несколько дальше. Если представить себе человека как тело в четырех уровнях: тело, жизнь, чувства, личная мораль, - мы обнаружим дисгармонию, которая набирает веса, словно спускаясь по уровням, пока не

Последовательность подготовляющего опыта, переживаемого по мере того, как подходим к зданию, входим в него и движемся по нему, имеет больше значения, чем только опыт. Эта последовательность меняет наше внутреннее состояние, способствуя чувствительности к жизнетворным качествам окружения и вместе с тем запуская процесс изменений в глубине нашего "я". Всякое излечение имеет в основе такого рода внутреннее преобразование, хотя оно и стимулируется внешними субстанциями. Порог, последовательность пути и "оазис" в конце его несут в себе важный оздоравливающий потенциал.

достигнет силы физического отклонения, своего рода опухоли, которая, как известно, может еще жить на мертвом уже теле. Терапия с помощью химических средств или хирургического вмешательства может, конечно, устранить дисфункцию на верхних уровнях, но если не обратиться к наиболее глубинным дисгармониям, болезнь способна возвращаться. Но как этого достичь и какое это имеет отношение к архитектуре?

Нелегко обычно даже признать необходимость внутренних трансформаций и тем труднее начать такой процесс. Нечто извне, будь то

Опыт движения по такой дороге сплетен из последовательности затесненности и открытых видов, ступеней и поворотов и в особенности - из фактур света и тени. Дорога придает особенный смысл спуска в нижнюю часть города или подъема к его центру. Как и окрестная архитектура, дорога приятна, хотя не содержит в себе ничего исключительного, однако само путешествие есть наслаждение.

консультация специалиста, гомеопатическое средство или что-то еще необходимы, чтобы инициировать процесс и поддерживать его. Окружение является одним из таких стимулов, поскольку оно спо-

собно питать, поддерживать и уравнивать душу человека, равно как обрекать ее на голодание, подавлять и извращать. Чем в большей степени окружение опирается на не столько персональные, сколько универсальные качества, тем в большей степени оно в состоянии преобразовать первичные чувственные реакции на уровне персональных устремлений в опыт художественного переживания.

Однако окружение способно на большее. Наше окружение есть часть нашей биографии. Оно элемент потока событий и ситуаций, в которых мы становимся тем, чем мы есть. Словами Черчилля, "мы формируем наше окружение, а оно формирует нас". Если на мгновение допустить, что нам дана возможность выбора перевоплощений и предначертанности судьбы, возникнет вопрос: почему мы избрали один жизненный путь, одну последовательность сред, а не иную?

Есть негативная (система наказаний) и позитивная концепции реинкарнации или перевоплощения. Вторая исходит из того, что на нашем пути личного развития

мы должны встретить и наконец разрешить те проблемы, которые остались нерешенными или были оставлены в стороне. В каждой последующей жизни мы притягиваем к себе возможности, чаще всего принимающие форму препятствий, которые надлежит преодолеть. За этим не стоит уверенность в том, что наше окружение должно громоздить перед нами множество препятствий; скорее оно может внести качества, которые обладали значением в прошлых жизнях, и тем увеличивать возможность преобразования препятствий в возможности в этой жизни.

Погружение в опыт, запечатленный в произведении искусства, всякий раз подводит нас к такому порогу, в чем и заключается основа терапевтического свойства искусства.

Наше окружение потенциально представляет собой наиболее могучую форму произведения искусства из всех, что мы можем испытать в жизни. Принесет ли оно с собой болезнь или излечение, зависит от всех нас, чьи решения и действия придают форму окружению человеческого существа.

3.

Архитектура как искусство

Когда пытаешься вникнуть в глубинную сущность вещей, в то, через что и каким образом они на нас воздействуют, нельзя не заметить, что универсальные, фундаментальные формы опыта имеют под собой некие общие правила. Однако, чтобы прорваться в сферу исцеляющего этого мало - необходимо перейти порог и от простого знания правил перейти к искусству. Но что есть искусство?

Приходилось иногда слышать, что поэзия это такая форма текста, от которой при чтении мурашки бегут по коже. Мое понимание искусства близко к этому - речь идет о переживании чего-то так, что после ты уже никогда не будешь тем же, чем был до того. О том, что заставляет глубинное "я" сделать шаг вперед. Медицинские, психиатрические, духовные средства исцеления непременно включают процессы некото-

рого воздействия извне, нацеленного на совершение такого внутреннего сдвига. Это процессы скорее разрешения и высвобождения, чем манипулирования, и потому исцеление так ясно отличается от медицинской, психиатрической или идеологической "терапии".

Искусства, будь то живопись, архитектура, садовничество или кулинария, заняты тем, чтобы приподнять вещество над его природой. В этом смысле искусство есть одухотворение материала, и именно такую одухотворенность подсознательно воспринимает зритель, она-то и производит исцеляющий эффект. Но как совершить переход от работы по правилам к искусству?

К несчастью, недостаточно ни теоретического знания, ни добрых намерений, Благие намерения остаются абстракцией, пока они

не преобразованы в поступки и произведения; неловкие действия вносят в дело дисгармонию, которой они же и уничтожаются, тогда как художественное действие, работа художника прочно встраивает их в материал. После окончания архитектурного института я нередко встречал тех своих коллег, чьими идеалами я когда-то восхищался, но кто теперь отбросили их как неприменимые в "реальном мире". Какая драма в этом заключена, ведь если идеалы правдивы, то как бы ни казались они вышедшими из моды, в них заключен истинный практицизм, так как они взывают к тому, чтобы "вработать" их в мир через художественную практику.

Движение к художественному требует, чтобы мы культивировали в себе чувство красоты. Я говорю "требует", потому что наша культура имеет тенденцию к подавлению этого чувства, и "культивировать", потому что в каждом оно укрыто, затаено. Некогда оно было столь сильным, что вполне заурядные люди попросту не могли допустить, чтобы изготавливаемые ими ложки, повозки, лодки и даже дома выглядели уродливо. Допустить такое было бы однозначно преступ-

лению против самих себя. Абсолютно все - от жатвы до благословения общей трапезы или украшения резьбой какого-нибудь стула - было действием, несущем в себе благодарение Богу за его акт творения, действием, приносившим художественное удовлетворение. Все, что люди делали, было в сути своей сугубо функциональным: у них не было ни времени, ни лишнего простора, ни лишнего времени, чтобы творить нечто, лишенное практической цели, так что польза и красота были нерасторжимы.

В наше время ситуация перевернута. Красота и полезность в целом трактуются как совершенно различные реальности: никто не сомневается в пользе, тогда как красоту рассматривают некой добавкой, несущественной по отношению к основному кругу житейских забот. В нашем распоряжении мощные средства для производства количеств - излишних количеств, тогда как качество вторично. Если музыкальная публика XVIII века рыдала на концертах, то сегодня чаще всего ее эмоциональная реакция побуждается мощностью децибелов.

Нас приучили к тому, что разумно расходовать

деньги на украшение мест, предназначенных для досуга и развлечений, тогда как месту работы и любой иной практической деятельности довольно быть организованным по сугубо утилитарным соображениям. За этим стоит уверенность в том, что если половина жизни проводится как можно более продуктивно и внешнехудожественно, то другой ее половине разрешается быть непродуктивной, художественно оформленной. Вера в то, что практичность и эстетичность взаимоисключительны может держаться только при зауженной трактовке понятий: практическое сводится к денежному, а художественное к расслабленному самовыражению. Стоит однако уяснить существо взаимосвязанности эстетического и здорового, и разрыв между примитивно понимаемыми красотой и пользой обнажается не только в своем ханжестве, но и в своей болезнетворности.

Разумеется, нет возврата к ценностям доиндустриальной эпохи - уже потому, что те были подсознательными и привычными. Мир форм ограничивался утвердившимися образцами, а горизонты внешнего и внутреннего миров оставались достаточно узки. Теперь, если уж мы ре-

шимся видеть нераздельность красоты и пользы, то делаем это в здравом уме и совершенно сознательно. Мы можем осознанно придать своей художественной работе такую нацеленность, чтобы она отвечала скорее потребностям ситуации, чем самовыражению без границ. Но что нужно самим людям от архитектурного окружения?

Всякий из нас время от времени оказывается в таком состоянии духа, когда, чтобы вернуть себе душевное равновесие при приступе утомления, тоски, затравленности или острого одиночества, мы нуждаемся в чем-то вне нас самих - внешнем. Окружение может одарить интересным, деятельным, интригующе многозначным, вечным или хотя бы устойчивым во времени и укорененным в мире природы, его прошлом, настоящем и будущем, где есть обновляющий ритм, место для общения и легкости для застенчивого существа, где есть чувство гармонии и ясности. Такое окружение может дать опору первому шагу к самовосстановлению. Там, где окружение не дает необходимой пищи для души, на первый план проступает чума нашего времени - зависимость. Зависимость от лекарств или нарко-

Классический пример базисной архетипической идеи соответствия индивидуальным местным влияниям окружения, проступающим во времени и в пространстве. Архитектура призвана работать с такого же рода полярностями.

тиков, от алкоголя или телевидения или потребительской гонки. Нетрудно набрать огромный список "душевных запросов", чтобы описать наши вечно переменчивые настроения, но среди этого множества есть более узкий свод того, что должно содержаться в нашем окружении, чтобы мы могли найти в нем опору. В скольких домах сегодня можно найти очаг - источник физического и душевного тепла вместе? А сколь-

ким людям обеспечен доступ к чистоте и звонкости живой струящейся воды?

Там, где понимание универсальности художественного словаря дополняется подлинным чувством красоты и соответствия душевным потребностям, результаты получаются вместе художественными и соответственными. Такое, если угодно, можно бы назвать духовным функционализмом. Цвет может быть применен функционально - так, комнаты Штейнеровского (вальдорфского) детского сада поддерживают активность воображения и игры своим теплым, почти усыпляющим колоритом, излучающим ощущение защищенности. Соответствующий

цвет лежит в теплом спектре розового. В то же время класс для детей постарше нуждается в окружении, которое способствовало бы тому, чтобы подростки обращали теперь уже вовнутрь активность раннего детства, направленную во-вне. Этим интеллект активизируется значительно сильнее, чем в ранние годы обучения. Соответствующим оказывается цвет, лежащий в ряду холодных голубых - но очень деликатный. Это известно, однако как решена окраска помещений, каковы оттенки, колеры и их переходы,- это будет уже зависеть от диалога цвета с пространством и естественным светом. Детский сад в Милане и в Осло окажется совсем иным, хотя практические требования к цвету будут примерно теми же.

Диалог между универсальным и особенным, между вдохновением и местными обстоятельствами в данный момент подобен "диалогу" между архетипической структурой растущего дуба и господствующими ветрами, направление которых сформировано топографией. Результат всегда и универсален и индивидуален одновременно. Таково же соотношение между геометрией Космоса и особенностями места и кли-

матических потребностями. Или между чистой идеей и природой строительных материалов и конструкций, что находит блестящее выражение в игре сил тяготения и сжатия в формах каменной арки или парусинового навеса. В целом, издавна существуют два параллельных потока в архитектуре - возвышенный и низменный. В первом основой всего являются космические закономерности - пропорции, геометрия, классическое расчленение элементов, выражающее универсальные принципы: соотносительность с землей и с небосводом, с вертикальными границами раскинувшегося пространства, тонко сгармонизированные формы в пространстве и пр., в известном подобии отношению головы, торса, конечностей в человеческом теле. Как в классической музыке, должно работать внутри этих правил и вместе подниматься над ними, чтобы дело стало искусством, способным возвысить дух человека. Это - путь великой архитектуры, выраженной в храмах, соборах, изредка дворцах или гражданских постройках. И своим масштабом и подчиненностью некоторой единой идее такие здания как правило доминируют над ок-

ружением. Другой поток образован архитектурой-по месту (vernacular). Здесь ключом служит отзывчивость климату и материалам, формам устройства общества и традициям. Здесь огромное внимание уделено текстурам, сочетанию материалов, обращенности ко всем чувствам сразу. Почти без ошибок возникающий здесь городской и сельский ландшафты согревают душу. Однако при обращении внутрь постройки обычно обнаруживается, что стереотип, стандарт, определяющий, как следует жить из поколения в поколение, чрезмерно акцентированы.

Движение в потоке высокой архитектуры вдохновляется идеями космического порядка. Поток обыденной укоренен в повседневности с ее реалиями. Первый требует углубленного эзотерического знания - второй разучивается через делание вещей и строительный процесс, через вымазанность в глине, пыль и стружки. И первый и второй принадлежат сфере художественного, но ни один из них не полон и лишен внутреннего равновесия без другого: между ними необходимо собеседование.

Реальное собеседование, дискуссия не имеет

ничего общего с компромиссом. В ткани компромисса нечто непременно умирает, тогда как в беседе рождается нечто новое. Именно в этом "нечто", в этом "диалогическом духе" универсальное и уникально - особенное сливаются в произведение искусства. Это - как в долгих дискуссиях с клиентом по вопросам проектного процесса: то, что возникает, не просто лучше, но более подходяще, чем каждый из нас мог бы достичь порознь. Подходящее - вот ключевое слово! Вещи становятся подходящими только в том случае, когда они отвечают нуждам ситуации, а таких нужд множество: у окружения, у социальной общности, у здоровья земли. У всех них есть потребности, так же как и у тех, кто будет пользоваться сооружением.

Далеко не все из таких нужд удастся выразить словами. Приходится вслушиваться в невысказанное, вслушиваться во всеоружии наших чувств. Именно вслушивание являет собой то упражнение, в котором и посредством которого развивается ощущение правильного - наше чувство красоты и лада. Если оглядеться в мире вокруг, обнаруживаешь, что наиболее полны жизни те места, где происходят встречи -

отнодью не обязательно в кафе или на городской площади. В природе ведь тоже жизнь достигает наибольшей интенсивности в месте, где встречаются стихии, будь то прогретые солнцем болота или влажные джунгли. Когда мы ищем собственного обновления в природе, нас тянет в те места, где дух места особенно силен, где встречаются стихии, где подчеркнута встреча земли и неба или воды и скал.

Если мы долго сидим, наблюдая, как у камня вода закручивает спирали, как бурлит водоворот, как она плещет, булькает, поет, как она пахнет влажным и прохладным, мы точно знаем, что это, перед самыми глазами происходящее, слишком богато и изменчиво, чтобы быть описанным или изображенным. В то же время, если мы в состоянии погрузиться в настроение разыгрывающейся сцены, мы способны до некоторой степени настроиться на "камне-водность" всего происходящего.

Чтобы культивировать в себе способность работать с ладным и подходящим, не обойтись без опытов такого рода. Есть упражнения, осуществляемые самостоятельно и в одиночестве, как вглядывание в рассвет каждого ут-

ра, который никогда не повторяется и меняется каждое мгновение, но в каждый миг несет в себе и нечто вечное, подобно бесконечным и все время иным волнам моря.

Есть вещи, которые мы можем делать сами, и есть много иных упражнений, отвечающих духу других людей, но общее для всех них в том, что они упражнение на вслушивание. Вслушивание в то, что уже есть есть первый шаг в любой осмысленной архитектуре, как и в любой технике исцеления. Врач "слушает" своего пациента: что он говорит и как он это произносит, что у него за внешность, что за мимика и т.д. Умение слушать - фундаментальное требование к любой беседе, даже более, к любому вообще социальному процессу! Мы можем сколько-то продвигаться только признав вначале, что то, чему предстоит появиться, здесь отсутствовало.

Весь успех зависит от умения отложить в сторону личные пристрастия и слушать, не вынося оценки (кроме правдивости) - вслушиваться и в неприемлемое. В архитектуре это значит уметь слышать потребности людей, которые они редко в состоянии облечь в слова сколько-нибудь верно, потребности

места, укрытые его возможности, что станут все более очевидными по мере прогресса проектирования, строительства, использования. Техника и приемы, о которых речь пойдет впереди, облегчают дело, но основой основ все же является культивирование способности слушать и слышать.

Требования архитектурного круга всегда разнонаправлены, они всегда взаимоконфликтны, будь то энергосбережение и самочувствие, космическая геометрия и органическое соответствие особенностям окружения, прямое и свободное течение линии и пр. Уже поэтому результат непременно катастрофичен, если не удастся все эти требования привести в равновесие через диалог. Соответственно, и элементы архитектурного сооружения следует формировать в процессе "собеседования" между ними, или они заняты взаимоничтожением.

Я все время говорю не о том, что нравится или не нравится, но о том, что питает человеческую душу. Чтобы иметь это свойство, вещам должно отвечать на наши потребности - ведь кочегару и монаху-отшельнику нужны разные диеты. Наше окружение должно удовлетворять всему кругу функций - создавать подходящий микроклимат, поддерживать жизнь чувств и настроений. Но чтобы в архитектуре перешагнуть порог одной материальной пользы, биологической поддержки и эмоциональной опоры, нам необходимо культивировать по отдельности и связывать вместе вдохновение, придающее моральную силу нашим идеям, и чуткость к окружению, благодаря которой идеи становятся подходящими. Такого рода переплетающееся собеседование между идеей и материалом может существовать исключительно в сфере художественного.

4.

Что есть здоровое строительство.

Несложно заметить, сколько вреда нанесено миру делами человека. Едва ли не любой продукт может быть трактован как нечто, приобретенное ценой ущерба природе и человеку. Из этого понимания, пусть весьма ограниченного, где-то около 1970 года вырос принцип "ограниченного ущерба" в подходе к строительству. Была вспышка моды на экологические автономные дома "нулевой энергии" и самоподдерживающее фермерское хозяйство. Два десятилетия спустя, уже проще раздвинуть горизонт проблемы и обнаружить, что архитектура, как и другие виды искусства, способна приносить духовные блага, способные перевешивать материальный ущерб, наносимый строительным процессом. Мир был бы куда беднее без Шартрского собора, хотя его возведение потребовало огромных каменныхоломен. Конечно же, мы в

принципе можем строить из земли, соломы и веточек так, чтобы впоследствии дом мог биологически "раствориться" полностью, однако все без исключения постройки, отвечающие критериям использования в современном мире, не могут не наносить некоторый экологический урон. Материалы, из которых они созданы, почти без исключений добываются из недр - даже лесное хозяйство наших дней может быть уподоблено шахте. Многие из строительных материалов приносят в среду загрязнения в процессе их производства, поглощая при этом значительный объем энергии, производство которой в свою очередь чревато дурными экологическими последствиями.

Каков же этот ущерб? Что за цену мы платим? Мы вычитываем из газет информацию об отравленных грунтовых водах, радиоактивном заражении пищи, умирающих

морях и лесах, об экологическом крахе целых регионов. Это не результат чьих-то злокозненных действий. Это эффекты и пост-эффекты образа жизни и стиля строительства.

Такая форма загрязнения среды была почти неизвестна до времен промышленной революции, а наихудшие ее компоненты вообще появились лишь в пару последних десятилетий. Конечно, наш образ жизни не единственно возможный, но он стал нормой современности.

Ясно поэтому, что нелегко внести в жизнь такие изменения, что были бы и достаточно эффективны и вместе с тем приемлемы для людей, которые их оплатят. И все же, коль скоро мы стремимся создавать архитектуру, способную оказывать целебное воздействие, нам не обойтись без солидного фундамента.

Строительство отмечено несколькими особенностями своего воздействия на среду, включая и выделение токсинов в биосферу в результате процесса производства материалов - нередко далеко от строительной площадки.

Только Великобритания производит их ежегодно

пять миллионов тонн¹. Каждый, кто хотя бы раз был на месте, куда сваливаются химические отходы, знаком с этим поистине леденящим ужасом - вопль умирающей земли.

Энергия в любой ее форме всегда имеет среднюю цену. Даже и гидроэлектрическая энергия, хотя в целом и менее опасная для мира, чем произведенная атомными станциями, имеет огромную цену за счет разрушения местной экосистемы. Парниковый эффект в глобальном масштабе, сейчас уже необратимый, является прямым следствием избыточного потребления энергии. Текущий процесс строительства поглощает порядка 50% энергии, потребляемой Соединенным Королевством, и эта пропорция почти не меняется уже два десятка лет, так как повышающиеся требования к комфорту уравнивали совершенствование теплоизоляции.

В дополнение к рассеивающимся эффектам, рождаемым производством строительных материалов, сами постройки - их расположение, материал, проектное реше-

¹ Environment Digest No 10, March 1988.

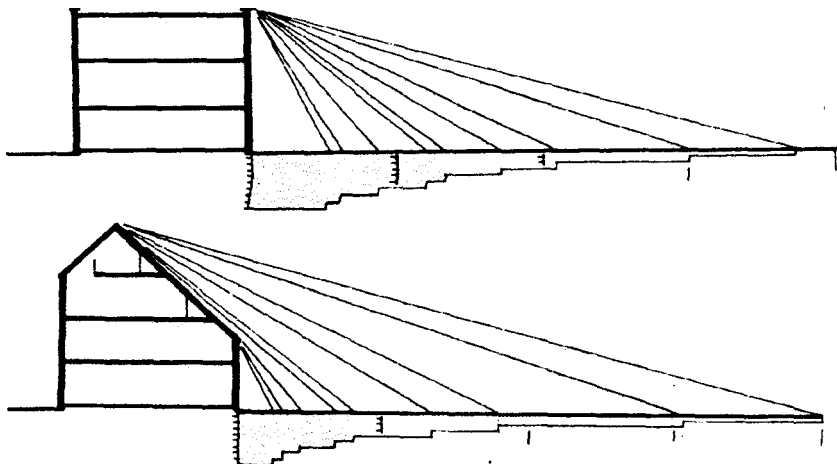
ние, инженерные сети - оказывают воздействие в местном масштабе. Они влияют на здоровье и людей и самих мест.

Из этих ясных вещей следуют сложные вторичные эффекты, в особенности если учесть, что рассматриваемые одномерно, они вступают в конфликт. Достаточно сказать, что за последние двадцать лет преувеличенная забота об энергосбережении стала причиной "заболевания" множества зданий, сказывающегося на здоровье их обитателей. Внимание к пресечению сквозняков привело к тому, что возникли здания, вентилируемые хуже, чем когда-либо в прошлом, но ведь свежий воздух необходим нам, чтобы жить! Почти все виды термоизолятов, выпускаемые промышленностью, обладают весьма опасными характеристиками: острые минеральные волокна, порождение пыли, испарение газов, даже радиоактивность. Есть "непромышленные" материалы, но поставку термоизолятов, вроде пробки или кокосового волокна, или (при отказе от теплоизоляции) дров для каминов, невозможно резко увеличить без дополнительного ущерба лесам. Многие из традиционных местных материалов также

чреватые ущербом здоровью, провоцируя ревматизм или бронхит в связи с сыростью, пылью или спорами плесени.

С другой стороны, консервация накопленной энергии оказалась относительно легким делом - пару десятилетий назад о пассивной инсоляции никто и не слышал, тогда как теперь правила и приемы ее достигли такого уровня известности, что останавливаться здесь на них нет смысла совершенно.

Внимание к особенностям местного климата обладало заметным энергетическим содержанием. В моей зоне основной проблемой является охлаждение, вызываемое ветрами. Здания, прижимающиеся к земле, рекомендуют себя лучше всего. Отопление здания есть в первую очередь отопление воздушного объема и чем компактнее, чем более собрано внутреннее пространство, тем меньше нужно энергии на его обогрев. Любопытно, но я не всегда справлялся с тем, чтобы объяснить это клиентам, вроде бы, глубоко встревоженных вопросами энергосбережения! Значит, чтобы уменьшить затраты энергии и их побочное воздействие на среду, включая площадь отбрасываемой тени, в первую очередь

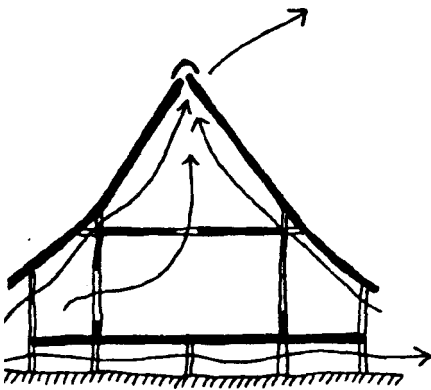

Форма существенно влияет на размер отбрасываемой тени. Тень весьма полезна для автостоянки, но не для тротуаров, садов или парков. Не все растения живут в тени и почти все растут плохо. Там, где всегда тень, не растет почти ничего, и под жалкими стеблями просвечивает голая земля. В результате снижается биологическая активность почвы, из-за чего замедляется разложение органики, будь то птичий помет, следы собачьей деятельности или старая листва. Меньше растительности - хуже очищается воздух. В прохладном климате тень означает ухудшение здоровья в жилой застройке, но ведь характер тени полностью определяется размерами, ориентацией и формой зданий.

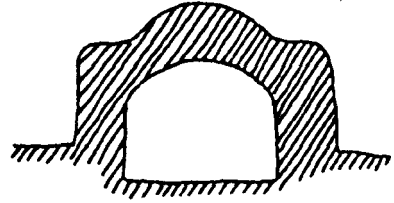
резонно мыслить малым. При этом компактные пространственные решения отнюдь не

обязательно означают создание затесненности. Далее я постараюсь аргументировать, что иные качества могут оказываться важнее, чем размеры как таковые.

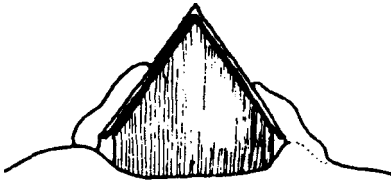
С узко энергетической точки зрения различные климаты требуют и различных форм зданий. Жаркий климат нуждается в затененных и просторных местах, вроде веранд или внутренних двориков. Разные уровни влажности и максимальных температур, перепады дневных и ночных температур - все это породило использование разных традиционных материалов и приемов охлаждения - начиная с больших вентилируемых чердаков (используемых и как зернохранилища) и кончая глинобитными стенами с их колоссальной теплоем-

Охлаждающие потоки воздуха формируются структурой здания.

Высокая теплоемкость ограждающих конструкций выравнивает температуру внутри при перепадах от дня к ночи и, до некоторой степени, между временами года.

Мокрый и тяжелый снег соскальзывает с кровли.

Легкий, сухой снег задерживается на кровле, создавая эффект теплоизоляции.

костью. Конечно же, недопустимо копировать традиционные строительные формы - копии всегда так мертвы. Нужно однако убедиться в том, что мы внимательно осмыслили то, что предшествовавшие поколения принимали за самоочевидное, прежде чем слишком радикально сделаем выбор в пользу чего-либо иного. Если этим пренебречь, жизнь таких построек

будет в полной зависимости от значительного потребления энергии - для обогрева или охлаждения - тогда как энергия имеет еще большую экологическую цену, чем выраженную в деньгах.

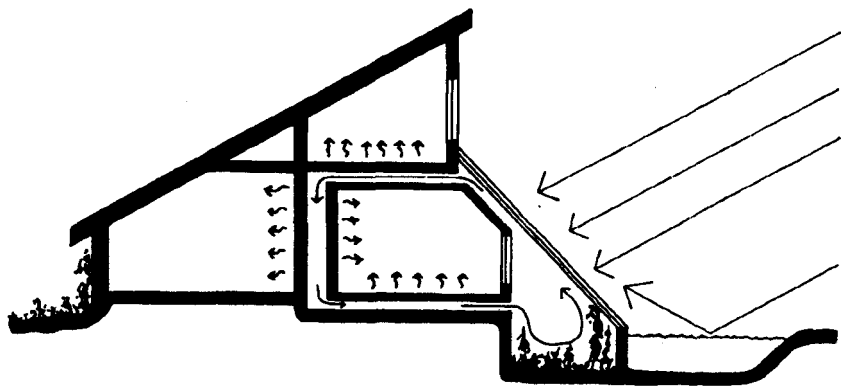
Можно, конечно, смеяться над стандартными постройками давней британской колониальной администрации: кровли из волнистого железа и неперенный очаг внутри

даже в тропиках - свидетели мне рассказывали, что внутри очага было достаточно прохладно, чтобы спокойно там стоять, когда все вокруг было как пылающий очаг. Но с другой стороны, мы сами принимаем как самоочевидный факт то, что офисы охлаждаются и вентилируются механическим путем. Но ведь всякий раз, когда здания требуют дополнительных затрат энергии, чтобы обеспечить условия бытия, которые могли бы быть достигнуты одними проектными средствами, придется признать, что именно проектное решение ответственно за совершенно излишние загрязнения среды.

В наше время следует считать твердо установленным, что беречь энергию дешевле, чем производить дополнительную. Многие тут же начинают рассуждать об альтернативных источниках энергии и хитроумных способах ее получения. Они интересуют меня в последнюю очередь, хотя некоторые простые способы получения энергии могут иметь определенный смысл. Их относительная экономичность целиком зависит от способа осуществления расчетов - так, можно доказать, что в принципе подогрев воды в солнечной батарее экономит средства, однако

сами эти установки никогда себя не окупают. Вот почему я всегда спрашиваю клиентов, чего они в самом деле хотят: установить солнечные батареи потому, что считают это правильным или потому, что надеются сэкономить расходы.

В устройстве солнечного подогрева воды нет ничего сложного. Как правило я использую систему, в которой тонкие алюминиевые лепестки крепятся к медным змеевикам, а теплообменная жидкость самостоятельно поднимается в емкость первичного подогрева. Эта схема начинает работать, когда теплоотдача потока солнечного света - или от светлого участка неба в пасмурную погоду - превысит температуру холодной воды. Основные сложности устройства солнечного подогрева связаны с архитектурно-конструктивным решением - в частности, становятся невозможны любые дополнения на кровле с применением гвоздей. В собственном моем доме применена интегральная схема, элементами которой являются солнечная батарея, котел подогрева воды, вмурованный в заднюю стенку кухонного очага и миниатюрная гидроэлектростанция, так что вся избыточная энергия

Хотя потребность в обогреве интерьера наибольшая именно в то время, когда солнечные дни особенно коротки, солнечный свет может существенно подкреплять иные источники обогрева. Эта система (под Штутгартom, архитектор Вальтер Бауэр) использует циркуляцию воздуха для подогрева стен и полов.

используется для подогрева воды или воздуха в интерьере. Мало кто имеет счастливую возможность производить собственную электроэнергию с использованием силы воды или ветра, однако следует помнить, что простейшая блокировка домов за счет одной общей стены дает экономию тех самых скромных 1,3 киловатта, что получают от моего генератора! Ошибкой однако было бы замечать только сугубо физическую сторону этого решения.

Чрезмерное внимание

к энергосберегающей стороне дела нередко блокирует внимание к дезинфицирующим и жизнеутверждающим качествам солнечного света и огромности его воздействия на настроение. Подобно тому, как большинство споров между людьми зависят не так от того, что было кем-то из них сказано, сколько от того, как это было произнесено, качество результата здесь может весить больше, чем сугубо физические характеристики.

Простые таблицы корреляции между температурой воздуха и мерой комфортности самочувствия игнорируют различие между излучающей схемой отопления (когда воздух прохладнее) и обычными конвекционными схемами. Принудительная конвекция может безусловно создавать нужную температуру, измеряемую в градусах,

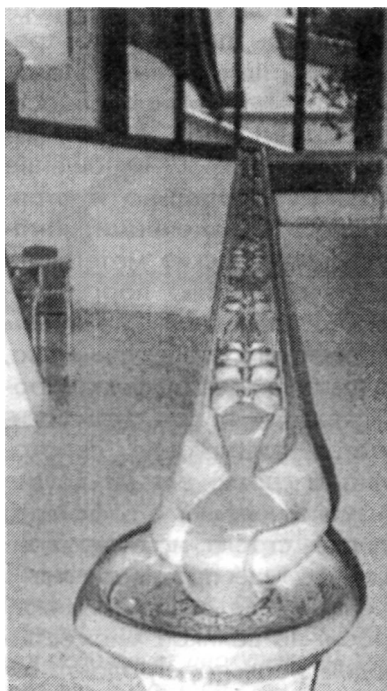

Развертывание здания вокруг источника тепла: труба печи греет и нижние и верхние комнаты, на треть сокращая потребности подогрева по сравнению со стандартными решениями. У таких планировочных схем есть осложняющее качество - необходимость делать все пространственное решение компактными. Соображения компактности пространства требуют вычленения центрального пространства - для воздушной циркуляции, тогда как резоны энергосбережения - центрального расположения печной трубы.

не создавая чувства комфорта, хотя бы потому, что трение в вентиляционных каналах уменьшает ионизированность воздуха на 95%!, к тому же перевертывая отношение между положительно и отрицательно заряженными ионами. Синтетические материалы на поверхностях, порождающие немалый объем статического электричества, дают такой же эффект. Прослежено, что при этом снижается содержание серотонина в крови, есть и другие физиологические эффекты, однако строго научные данные все еще противоречивы². Ученые еще спорят между собой, но великое множество людей реально страдают головными болями или сонливостью, когда отрицательных ионов мало, и количество положительных ионов решительно перевешивает. В воздухе меньше пыли и мы ощущаем себя здоровее и жизнерадостнее, когда ионизация воздуха не просто высока, но отрицательные ионы относятся к положительным в пропорции шесть к четырем.

Различные электронные системы могут придавать

² Planverkets rapport 77, Sunda och Sjuka Hus, Stockholm, 1987, p.111.

Флюформы это особым образом пропорционированные сосуды, которые спроектированы таким образом, чтобы породить ритмические колебания в струе воды, когда левое и правое завихрения образуют вместе "восьмерку". С их помощью усиливаются те спиралевидные движения, что характерны для натурального потока, что придает ему свежесть и жизненную силу. На иллюстрации - флюформа, которая была встроена в поручень лестницы.

воздуху "свежесть горного ручья", как гласят рекламные проспекты, но это достигается

ценой дополнительного шума и электризации воздуха. Там, где загрязненность внешней среды невысока, достаточно бывает открыть окно. Однако в отравленных регионах, или в случае крупных зданий, где неконтролируемая естественная вентиляция чревата опасностью сквозняков, или там, где есть особые требования к обеспыливанию, как в случае аллергиков, чувствительных к пыли, можно использовать водные потоки. Обычный освежающий эффект, всегда вызываемый фонтанами на загазованных городских площадях, может быть подхвачен и усилен приданием особых качеств движению воды, и "флюформы" были изобретены для этой цели.

Чтобы соответствовать, люминесцентный свет должен быть мощнее, чем от ламп накаливания. Люминесцентные лампы экономят энергию, если только не включать и не выключать их слишком часто (если приучить себя не выключать, сами трубки экономят больше, но общие потери энергии все же возрастают!). Беда в том, что обычная флюоресценция с ее незаметной глазу частотой миганий, ровностью и ограниченностью цветового спектра, способна вредно влиять на здоровье людей. Головные

боли и резь в глазах относятся к самым обычным эффектам, хотя нарушениями метаболизма и даже социальными напряжениями не следует пренебрегать³.

Несправедливая концентрация внимания на одномерных темах, вроде тепла, света, акустических свойств, удобства для уборки и прочего, до сих пор как правило приводит к тому, что на то, как все это в отдельности и тем более вместе воздействует на человеческий организм, не обращалось надлежащего внимания. Лишь в последнее десятилетие идея внутриархитектурной, интерьерной загрязненности в какой-то степени вырвалась из тьмы забвения. Каждый знает, как здания наполняются несвежим дыханием, запахом тела и табачного дыма, если они не вентилируются надлежащим образом. Однако датские исследования полутора десятков офисов,

где не было жалоб на самочувствие, показали, что все это вместе ответственно только за 12% интерьерной "грязи"⁴. А ведь во многих случаях дела обстоят значительно хуже.

То, что сейчас признается как "синдром больного здания", отнюдь не сводится к вопросу неадекватной вентиляции. Он охватывает микробиологическое, термальное, химическое и электробиологическое измерения. Однако это нечто, поддающееся вполне нормальной фиксации, а простые меры, вполне доступные здравому смыслу, могут в значительной мере уменьшить масштаб проблемы. К "синдрому больного здания" начали относиться всерьез, когда поняли размах отсутствия на работе по болезни, что имеет вполне экономическое измерение. Более серьезные последствия для здоровья не привлекли пока еще к себе должного внимания. Однако при чтении Строительных Правил не столь уж трудно придти к выводу, что формальдегид не многим уступает тем раздра-

³ Joachim Eble, "The Living Language of Architecture" (lecture at a conference), Jarna, Sweden, 1986; Environment Digest No 9, February, 1988; David Weatherhall, "New Light on Light, Management Services", September 1987, p.30.

⁴ Birgitta Bruzelius, "Doldolf bov i sjukthus", Byggsforskning No 3. Stockholm, April, 1988, p. 17.

жающим слизистую оболочку испарениям, что порождаются теплоизоляционным материалом на основе уреаформальдегида. Это в действительности эффективный яд и канцероген впридачу, входящий в состав многих лаков и многих клеев, а в связи с последними в древесноволокнистой плите, фанере и современной мебели.

Я вовсе не хочу при этом впасть в механистическую иллюзию прямой и неизбежной связи между причиной и следствием. Организм человека в конце концов несводим к чему-то, что элементарно реагирует на законы природы, он одухотворен. Отравленное окружение не в большей степени способно вызвать заболевание, чем патогенные бактерии или вирусы. Отнюдь не каждый, кто вдохнул, к примеру, "бациллу легионеров", непременно заболеет⁵. Болезнь развивается в нас, как уже говорилось выше, лишь в связи с тем, что внутренние изменения вызываются нару-

шением равновесия. Если наше окружение скорее способно вызвать стресс, чем оказывать терапевтический эффект, оно способствует тому, чтобы изменение приняло форму заболевания. Так обычно и обстоит дело.

К сожалению, дело обстоит так, что системы иммунной защиты и нашего организма и планеты существенно ослабли. Распространение аллергии - признак коварный при всей своей неэффективности, и одно из недавних исследований сенной лихорадки зафиксировало удвоение масштаба бедствия за одно десятилетие⁶. Аллергические реакции превратились в ведущий источник заболеваний в западном обществе, охватив треть всего населения⁷, и в корпусе медицины быстро растет направление поиска внешних, средовых причин аллергий. Может быть, крайний случай из мне известных по литературе - американский врач, осматривающий своих пациентов в газовой маске на случай, если они пользуются

⁵ Только от одного до семи процентов! (Dr de Nutte, "indoor air quality" paper at Sick Buildings and Healthy Houses seminar, London 22/23 April, 1989).

⁶ Sunda och Sjuka Hus, p. 197.

⁷ Kerstin Fredholm, Sjuk av Huset, Brevskolan, Stokholm, 1988, p.51.

косметикой, к которой он аллергик. На самом деле аллергия вызывается множеством причин, но шведские изыскания показали, к примеру, непропорциональный рост аллергий на севере, где воздух гораздо чище, но зато распространен перегрев в жилых помещениях, что заставляет обратить на здания особое внимание: пыльца растений может запускать процесс, но дело явно сложнее⁸, так как аллергический механизм очевидно имеет синергетическую природу. Когда пришлось закрыть полицейский участок в связи с тем, что полицейские изнемогали от воспаления кожи, пришлось отказаться от взгляда, будто здания воздействуют лишь на истерически сверхчувствительных персон.

Все сооружения изменили человеческое окружение от исходного "естественного" состояния уже многие тысячи лет, пока не возник сегодняшний биологический опыт. Не только то, что характеризует здание как инертное тело, воздействует на обитателей зданий - как они проектировались, из чего они построены,

⁸ Esko Sammaljarvi, 'How to build a healthy house' in Det Sunda Huset, p.1 19.

как они построены, меблированы, как их ремонтируют, отопляют, вентилируют, как в них наводят чистоту, - все это сверхсущественно и все это вовлекает в процесс владельцев, пользователей, строителей, производителей строительных материалов и архитекторов. В современных материалах для строительства и отделки используется около 70.000 химических комбинаций⁹, которые высвобождают в воздух до 1.000 агентов¹⁰. Известно, что есть эффект синергии, как это и происходит с загрязнениями, температурой, электрическими зарядами и ионизацией воздуха, но и без того существует бесчисленность химических сочетаний, воздействие которых на организмы неизвестно.

Дополнительная сложность заключается в том, что великое множество симптомов, вроде головных болей, раздражительности, не-

⁹ Kerstin Hejdenberg and Inger Savenstrand, "Allergitredingen i Svegrige", (in Davidovicz, Linvall and Sundal, Det Sunda Huset, Byggsforningradet, 1987, p.34.)

¹⁰ Kerstin Fredholm. Op.Cit., p.50; Sammaljarvi, Op.Cit., p.89.

рвических состояний, проблем с памятью и усталостью, дерматиты, астма, вечный насморк, гриппозное состояние, раздражение бронхов, глаз, горла, воспринимаются чаще всего как несерьезно, или вообще от них отмахиваются, считая "нормальным" легким недомоганием¹¹. Раковые заболевания чаще всего обнаруживаются много лет спустя воздействия канцерогенов, нередко после большего промежутка времени, чем эти вещества вообще существуют. Короче говоря, мы попросту недостаточно знаем о том, чем нам грозят сооружения.

Наблюдается отчаянный дефицит достоверной информации по этим вопросам - особенно на английском языке. Есть специализированные консультанты, однако их услуги слишком дороги для учреждений, вроде благотворительных организаций, с которыми я обычно работаю. Волей-неволей приходится отталкиваться от интуитивного убеждения. Интуиция, распространяясь за пре-

делы точного персонального знания, конечно же, ненадежна, но ее надежность удается повысить долгой отработкой и шлифовкой на практике. Все же у нас недурная база для интуитивного различения здорового и нездорового, в категориях хорошего и скверного самоощущения, в опоре на запах, вкус, осязание. Чувствительность ко всему этому поддается развитию. Тот, кто хоть раз пилил или стругал дерево с пропиткой на основе мышьяковистых соединений (т.н. канализация) или хотя бы забивал в него гвозди, знает, как мертво оно в работе - на звук, на запах, на прикосновение.

В наши дни мало людей, которые проводили бы менее трех четвертей своей жизни в помещениях и транспортных средствах, а ведь современные здания существенно отличаются от тех, в каких жили всего поколением раньше, и по материалу и по микроклимату. С одной стороны, те проблемы здоровья, что сопряжены с сыростью, холодом, свирепыми сквозняками, нехваткой солнечного света или затесненностью, почти исчезли. С другой - возникли новые, те, что вызываются токсинами, радиацией, электричеством. Новые

¹¹ Johann Hogberg, "Kroppens varningssignalar pa toxiska effekter av kemiska airmen", in Sunda och Sjuka Hus, p. 140.

материалы, новые конструкции, новые стандарты привнесли с собой и совершенно новые проблемы, к которым никто не был подготовлен - когда в 1971 году государственная лаборатория инспекции пищевых продуктов в Женеве переехала в новое здание, внезапно обнаружилось, что все без исключения продукты, представленные для инспекции, имели неприемлемо высокие уровни токсичности. Обнаружилось, что газы, выделяемые краской, пластиком, древесностружечными плитами и прочим, отравляли воздух помещений в столь значительной степени, что это заметно сказывалось на лабораторных образцах¹².

До самой Второй Мировой войны обычный состав материалов в постройках был на 30-40% органического происхождения, на 60-70% - неорганического, но природного: камень, кирпич, известь. Большинство современных построек возведены на 90-100% из искусственных, синтетических материалов¹³.

¹² Vasella, 'Third Skin', *Permaculture Journal* 14, 1984, p.23.

¹³ Michael Schimmelschmidt, unpublished paper.

Синтетические материалы как правило наиболее дешевы, их удобно использовать и у них лучшие материальные характеристики, но они могут быть отнюдь небезопасны для здоровья. В случае пожара многие из них, особенно пластики, становятся убийственными в буквальном смысле слова. Во многих современных зданиях дым пожара убивает в считанные секунды.

Не одни только ядовитые испарения, но и способы сочетания инертных материалов могут порождать тяжкие биологические последствия. Как показали эксперименты, крысы утрачивают способность к деторождению уже в третьем поколении жизни внутри т.н. Фарадеевой клетки, с которой многие сравнивают здания из железобетона. Когда в Бирме, во время войны, прошел слух, что антималярийные таблетки вызывают импотенцию, солдаты отказались их принимать, однако жизнь в многоэтажных железобетонных зданиях почему-то не вызывает столь бурного протеста. В многоэтажных зданиях биологические эффекты, порождаемые излучением земных недр и фильтруемые через подземные водотоки (включая трубопроводы), равно как и геомагнитные излучения, по-

ступательно усиливаются каждым железобетонным перекрытием, и многие считают решительно нездоровым жить выше 8-го этажа¹⁴.

Все материалы до некоторой степени блокируют излучения земли и небосвода, однако некоторые, в особенности металлы и пластмассы, делают это со значительно большей эффективностью. Воздействия солнца и луны на приливы или поведение всех живых существ, включая растения, наблюдать легко, но что мы знаем о других излучениях, невидимых и неслышимых? Дело не только в том, что после тысячелетий обитания в естественных условиях мы плохо приспособлены к существованию в изоляции от космических сил. Все живое существует в месте встречи космического и земной тверди, в паре миль от которого жизни уже нет. Человек, тем отличаясь от птиц или земляных червей, живет в горизонте этой встречи: ноги на поверхности земли, голова - в воздухе. Уменьшая влияние и той и другого, мы неизбежно сокращаем восстанавливающую мощь и уравнива-

ющую способность супружества земли с космической энергией.

Прихотливые Извивы улиц средневековых городов отнюдь не случайны. Инфракрасные фотографии Регенсбурга убедительно показали, что улицы проложены вдоль подземных водотоков таким образом, что основания домов их не переступают¹⁵. Принято считать, что излучения глубин земли, дополненные ионизацией при их проходе через водотоки с их трением, оказывают вредное воздействие на организм, отзывающееся бессонницей, ревматизмом и даже раком. Подземные потоки и медленные течения улавливаются лозоискательством, которое всегда применялось нашими предками перед началом строительства. У извилистых улиц есть и другие достоинства, о которых мы поговорим позже, но здесь нас волнует только биологический аспект архитектуры и строительного процесса.

Во многих современных зданиях уровень внутренней радиации превосходит естественный фон в 20-25 раз. Из всех стран, по поводу которых есть точные докумен-

¹⁴ Joachim Eble, unpublished lecture, Jarna, Sweden, 1981. .

Joachim Eble, idem.

тированные сведения, Швеция в наибольшей степени пострадала от Чернобыля, однако обычно люди получают в десять раз больше радиации от своих собственных домов!

Газ радон является побочным продуктом распада урана. Он всегда есть в материалах, добываемых из земных недр, и не сгорая, возрастает в концентрации при сгорании таких материалов, так что в пемзе, доменных шлаках или золе (из которых делается основной объем теплоизоляционных материалов) радона уже значительно больше. Молекулы радона прилипают к частицам домашней пыли, так что их вдыхают, после чего они некоторое время находятся в легких.

Средний уровень радиации в отдельно стоящем доме составляет порядка 200 беккерелей на кубометр воздуха помещений, хотя в тех исключительных случаях, когда используются легкие бетоны¹⁶, этот уровень может подниматься до 800 Bq/m³. При таком радиационном

уровне смерть от рака легких после 60 лет жизни в доме в 80 раз более вероятна, чем смерть при пожаре, однако радиоактивность вообще не упомянута в Британском Строительном Кодексе, тогда как предупреждению пожара в нем посвящены 88 страниц!

Радон земного происхождения рассеивается в атмосфере, но в интерьерах он попадает в ловушку, и хотя "уровни тревоги" (свыше 400 Bq производных радона в кубометре воздуха) отмечены лишь в нескольких районах Британии, относительно низкие уровни встречаются весьма широко. Иногда концентрацию радона сокращают за счет полной герметизации подошвы здания (насколько таковая вообще возможна), тогда как хорошо вентилируемые подвалы справляются с этой задачей гораздо лучше.

В дополнение к грамотному расположению за участке, выбору материалов и тонкой сыгранности проекта с особенностями рельефа, радиационные эффекты удастся уменьшить за счет сокращения объемов пыли в воздухе. Это достижимо при сочетании хорошей естественной вентиляции, отказа от конвекционного обогрева или обогрева с поддувом, исключения нагрева поверхностей выше 450

¹⁶ Swedish figures, Radon i bostader, Socialstyrelsen, statens planverk, statens stralskyddsinstitut, Sweden, 1988, **p.3.**

C¹⁷ (что усиливает конвекцию) с отказом от электростатических, пыле- или волокну опасных материалов и проектных решений, создающих своего рода пылесборники в углах.

Сегодня к кругу "электрических заболеваний" относят раки, выкидыш, нарушения метаболизма и аллергии к электричеству, достигающую иной раз такой силы, что обычная жизнь становится невозможной¹⁸. Сейчас мы подвергаемся электромагнитной радиации, в пятнадцать миллионов раз превышающей радиацию спокойного солнца с частотами от 50 герц до 7.000.000.000 гигагерц. Ее нарушающее воздействие на равновесие организма - электромагнитическое, электрическое, электрохимическое - начали исследовать лишь в самое последнее время. Кратковременные симптомы включают головные боли, слабость, нарушения сна, тошноту, потерю потенции¹⁹. Более серь-

езные последствия обычно развиваются в течение длительного времени, но многие ученые считают, что до 15% случаев рака у детей и до 90% смертельных случаев от, казалось бы, обычных детских заболеваний²⁰ имеют связь с электромагнитными полями.

Трение о синтетические ковры, обои, краски, поручни и пр. способно заряжать человеческое тело статическим зарядом в несколько тысяч вольт. Если это отрицательный заряд, он притягивает пыль и микроскопические волокна, вызывая раздражение кожи и слизистой глаз. К тому же статическое электричество ускоряет "старение" воздуха, усиливая недомогания, связанные с недостаточностью кислото-

tress', paper given at Sick Buildings and Healthy Houses seminar, London, 22/23 April 1989.

²⁰ Environment Digest, August 1987, p.6. - *всеобщее увлечение компьютерными играми, когда дети сидят прямо перед экраном, может лишь ухудшить ситуацию;*

Roger Coghill, 'Power frequency Hazards', lecture at Sick Buildings and Healthy Hoses seminar.

¹⁷ Esko Sammaljarvi, Op.Cit., p. 120.

¹⁸ Dagens Nyheter, Stokholm, 5 November 1987.

¹⁹ Dr Leslie Hopkins, 'Health Problems arising from geopathic stress and electros-

рода в крови, подобным депрессии и сонливости.

Если, как известно, одежда из синтетической ткани, приводит к формированию электростатического заряда, достаточного для того, чтобы взорвать заряд²¹, резонно задуматься над тем, что означает покрасить интерьеры синтетическими красителями и набить дом синтетической мебелью, коврами, покрывалами, губками и пр. и пр. В современных офисах ко всему этому добавляются компьютеры, флуоресцентное освещение и многоэтажные разводки подпольной кабельной сети!

Размножение источников электромагнитных излучений - нечто, с чем индивиду невозможно бороться (разве что отказываясь от покупки микроволновых печей или радиотелефонов), но мы в состоянии несколько уменьшить их воздействие путем грамотного размещения зданий, особой заботы об их пространственных решениях, вниманием к тому, чтобы не

размещать жилье вблизи мощных трансформаторов, силовых линий электропередачи (включая железные дороги) и в особенности зон между этими линиями и большой гладью воды. Внутри здания бронированные кабели должны прокладываться в зонах пониженного использования и не ближе 1 метра от водопроводных труб, спальных или рабочих мест. Ясно, что следует всемерно избегать всяческих ночников, не говоря об одеялах с электроподогревом, встроенных в спальное место телевизоров и тому подобных штучек, поскольку спящий организм регенерируется и потому наиболее чувствителен к внешним воздействиям.

Расширение внимания к воздействию интерьера на здоровье происходит очень медленно. Внимание публики сосредоточено в первую очередь на проблеме сохранения лесов, патогенных свойствах кондиционирования воздуха и т.п., но в целом профессиональный мир архитектуры, во всяком случае в Британии, не проявляет интереса к чему-либо сверх этого. Военные, однако, относятся к этим вещам серьезнее, и использование определенных видов света и звука в виде оружия уже, похоже, стало

²¹ *Предположения британских военных, что именно этим объясняется немалое число преждевременных взрывов зарядов в руках боевиков ИРА, принимаются с достаточным скептицизмом.*

фактом²². В глазах множества людей современный дом куда здоровее, чем сырое, пронизываемое сквозняками и зараженное грибок жилище. Было бы однако неосторожностью считать, что мы полностью избавились от этих старых проблем в новых домах: бетону нужно от трех до пяти лет, чтобы высохнуть полностью, однако дома чаще всего занимают сразу же после завершения строительства. Реальное отличие новых домов от старых заключено в том, что всевозможные угрозы для здоровья стали малозаметны. Раньше, когда дома продувались насквозь и были построены из материалов, добытых из земли или из леса, радиационный эффект даже гранитной скалы мог ощущаться в минимальной степени. Да, конечно, сквозняки очень неприятны и в иных случаях почти равнозначны открытой настежь двери, так что след за термоизоляцией заделка всех щелей оказывается наиболее эффективным средством экономии энергии и денег. Потому-то так распространилась мода на

"запечатанные" здания. Однако меньше сквозняков - слабее и вентиляция, что в свою очередь может приводить к конденсации влаги и на поверхностях и внутри материала. Первая может приводить к росту плесени и грибов, споры которых опасны для здоровья. Вторая - к быстрому разрушению зданию, особенно вследствие развития так называемой сухой гнили. "Барьеры для паров", которые лучше бы именовать "полупроводниками испарений", решают эту проблему. Это тем серьезнее, что почти любая из современных деревянных построек может быть уподоблена коробке, внутрь которой вложен пластиковый мешок, тогда как технология кирпичной кладки с заполнением пустот пенопластом или стирофомом, а затем покрытые изнутри такими же синтетическими красками или обоями, немногим лучше.

Достаточно скверно уже ходить в синтетических тканях, но жить в пластиковом мешке означает, что мы вдыхаем множество нежелательной дряни: несвежий воздух, табачный дым, дымы и пары от газовой плиты, пыль и минеральные волокна, а в дополнение к ним - токсичные выделения строительных материалов, сантехники и мебе-

²² Kim Besly, 'Electronic warfare', Peace News 7, March 1986.

ли. Решить эти проблемы можно активно впуская внутрь свежий воздух, что однако влечет за собой или потерю комфорта или чрезмерно высокие счета за отопление. Другим решением служит устранение мешка из пластика - строительство зданий, способных дышать.

Здание можно трактовать как третью кожу нашего организма, следующую за собственно кожей и одеждой. Кожа выполняет много функций: она дышит, всасывает, испаряет и регулирует помимо того, что закрывает и защищает. Всякий способен ощутить здоровье дома, ткани которого обеспечивают умеренной интенсивности обмен между интерьером и внешней средой, - такое здание и в самом деле здорово. В нем есть качество жизни, тогда как запечатанное в свои ткани здание полно мертвого воздуха.

Некоторые породы камня имеют ничтожную паропроницаемость. Встроить их в стену дома, связав прочным цементом, то же, что возвести стену в бетоне. Напротив, раствор на известковой основе обладает высокой проницаемостью и способностью поглощать влагу. Когда разбираешь стены старых ферм, построенные из грани-

та на известковой растворе, видно, что содержание влаги в толще стены мало различается в летнее и в зимнее время. У таких стен огромная способность стабилизировать влажность.

Известняк был когда-то раковиной; брус и доска - деревом; кирпич - глиной, этим удивительным минералом, коллоидные свойства которого роднят его с миром живого. Пластик и сталь столь давно уже оторвались от предыстории живого, что здания, выстроенные из них, напроць лишены уравнивающего дыхания и животворного воздействия на пространство интерьера. Дерево напротив, помимо выравнивания влажности за счет множества микроскопических емкостей, наполненных воздухом, способно впитывать частички пыли и токсины²³. Если оно не запечатано снаружи краской или полиуретаном и не отравлено изнутри консервантами, оно - из числа самых здоровых для жизни материалов. Однако стандартные способы возведения зданий в дереве тре-

²³ Hartwin Busch, 'Biologically safe building fabrics and the "indoor climate"', lecture at Sick Buildings and Healthy Houses seminar.

буют, чтобы конструкции были защищены паронепроницаемой оболочкой, хотя это и прямое насилие над жизнью за счет многократного превышения уровня загрязненности воздуха по отношению к внешней среде.

Чтобы поднять жизненную силу воздуха внутри жилища я всегда ищу безопасных путей обойтись без паронепроницаемых оболочек. Следует помнить, что в одних сооружениях, где полагалось бы иметь такие оболочки, но их не сделано, и никаких отрицательных эффектов не обнаружено, тогда как в других из-за ошибок отмечен рост плесени и грибка, угрожающих здоровью. Одним из надежных приемов является выворачивание наизнанку стандартной каркасной конструкции в дереве - когда дерево снаружи обкладывается кирпичом - и возведение кладки внутри, позади теплоизоляционной прокладки и деревянной или шиферной внешней оболочки, свободно вентилируемой изнутри. В этом случае нужда в паронепроницаемой оболочке отпадает. Эта технология точно соответствует правилу, согласно которому паропроницаемость материалов и конструкция должна возрасти изнутри-наружу. Несомнен-

ное преимущество имеют материалы, способные, не разрушаясь, впитывать, удерживать и испарять влагу - в конце концов тростник обеспечивал жилищу водонепроницаемое утепление в течение многих тысяч лет.

Хорошо организованная вентиляция даже в случае чердаков, у которых внутренняя обшивка кровли выполняется по стропилам, предохраняет от конденсации вполне эффективно и без устройства "замков" для конденсата²⁴. И все же желательно применять дополнительную мембрану - для того, чтобы воспрепятствовать проникновению в используемое пространство минеральных волокон или испарения фенольных компонентов теплоизоляционных материалов, а также во всех тех случаях, когда нет уверенности в равновесии между объемом влаги, влагостойкостью материалов и качеством вентиляции. "Полудышащие" конструкции, когда кровля или стена влагонепроницаема, но со стороны жилых помещений устраивается емкость, заполненная паропроницаемым материалом и вентилируемая с

²⁴ Строительный кодекс, HMSO, 1985, art F2, p.697.

внешней стороны, также облегчают решение проблемы.

Норвежская фирма Cobolt Arkitekter разработала систему, по которой удастся проектировать здания так, чтобы они более вдыхали, чем выдыхали, так что почти эффект промежуточной конденсации сводится вообще к минимуму. "Батарейный" способ устройства вентиляции, создаваемый применением открытого очага, может обеспечить всасывание воздуха через толщу стены. Если стеновой материал обладает достаточно высокой паропрооницаемостью, а сквозняки устранены эффективно, излишне влажный внутренний воздух не может проникнуть в толщу стены, так как его отжимает внутрь наружный воздух. Такая конструкция стены обладает и высокой энергосберегающей способностью, так как тепло интерьера подогревает воздух, просачивающийся извне. Однако, учитывая порывы ветра или штормовой ветер, даже при использовании ставень паро- и влагопроницаемость материала приходится ограничивать, чтобы предотвратить возможность просачивания воздуха наружу. Отсюда чрезвычайно повышенные требования к способности материала уравни-

вать влагообмен. К тому же повышаются и требования к устранению любого источника химических загрязнений, характерного для древесноволокнистой плиты или фанеры, так что конструкции такого сорта довольно сложно выполнить, принимая во внимание все варианты, сопряженные с капризами погоды и случайностями режимов использования зданий. Напротив, стандартные паронепроницаемые конструкции изготовить гораздо легче - легче, потому что они одномерны и безжизненны.

Этот-то вопрос жизненности или мертвенности оказывается в архитектуре ключевым. Многие конструкции спроектированы так, чтобы скорее защитить строительный материал как таковой, а не обитателей дома. Если дом поражен древоточцем или гнилью, что лучше - травить обитателей вместе с обеззараживанием материала или использовать не столь надежные, но более безопасные для здоровья средства? Консерванты выделяют большой объем паров в течение относительно недолгого времени (эффект ощущаем, когда работаешь с стройкой, опрысканной пару месяцев назад), но на долгие годы обитатели обречены на

то, чтобы вдыхать импрегнированную пыль и ощущать ее прикосновение к коже. Есть альтернативные способы, но они сложнее. Так, защита от древоточца достигается при прогреве в 50-60о С, но мне известна лишь одна британская фирма, выполняющая такую работу. Можно, разумеется, и использовать менее токсичные препараты, основой которых служит борная кислота или пиретрум²⁶. Институт исследований в области строительства трактует уничтожение ядами сухой гнили (*serpula lacrimans*) как нежелательную борьбу со следствиями, сосредоточив внимание на устранении условий ее развития и самого грибка²⁶. Проблема заклю-

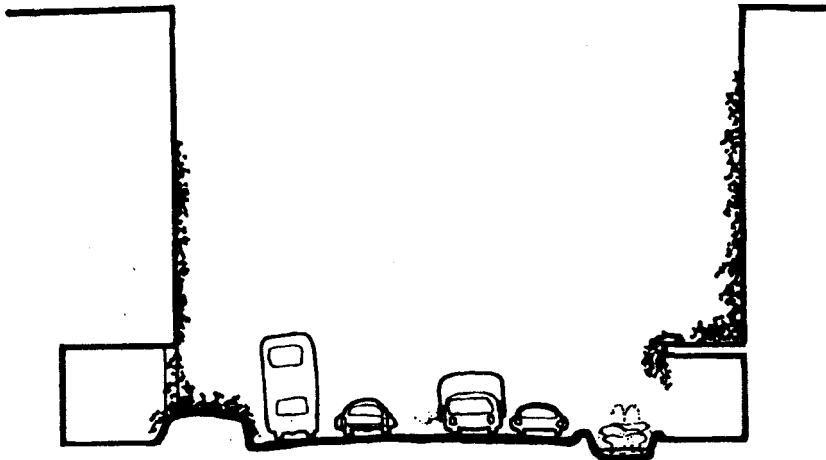
²⁵ *Перметрин на основе синтетического пиретрума имеет слабую токсичность для млекопитающих - он безопасен для летучих мышей, тогда как Линдан сохраняет высокую токсичность в течение 30 лет. Дерево, обработанное мыльным раствором на основе борной кислоты (Тимбор и пр.), импортируется из Финляндии, но мне ни разу не удалось его приобрести. Биозащитные консерванты начали появляться на британском рынке только в самое последнее время.*

²⁶ "Dry Rot: its recognition and control", Building Research

чается в частности и в том, что яды даются с 30-летней гарантией, тогда как применение более безопасных методов зависит уже от страхования архитектурной деятельности.

Если я применяю дерево со стандартным импрегнированием, то по крайней мере я должен осознавать, что при сжигании его обрезков в воздух выделяется диоксин, а в почву - мышьяк. Если я пользуюсь промышленным продуктом, я включаюсь в круг источников загрязнений, включая и самые чудовищные, и тогда я вспоминаю груды химикалий, сжигаемых в Северном Море, и менее страшные, и тогда я вспоминаю о ландшафте, уничтоженном карьерами. В ту пору, когда забота об окружающей среде была модной новинкой, я обратил внимание на рекламу синтетических ламинатов с фактурой дерева под названием "Спаси дерево!". Однако сколько деревьев пало жертвой загрязнений, порождаемых теми самыми фабриками, что производят такие продукты? Ничего не поделаешь - наша ответственность, как и

Establishment Digest 299, July 1985.

Во многих городах именно пешеходные зоны загрязнены в наибольшей степени. Именно здесь остро необходимы поглотители загрязнений, зеленая масса и активная вода, столь же нужные и для душевного здоровья.

воздействие нами построенных зданий, далеко выходит за рамки самого строительного участка!

Стоит начать думать экологически-ответственным образом, и приходится принимать во внимание множество новых связей, включая воздействие даже одного сооружения на микроклимат, флору и фауну. В старые времена амбары строились непременно с продухами для сов - такого рода симбиотические соображения испарились почти совсем. Что

происходит с качеством воздуха, когда мы возводим здание или устраиваем замостку? В городах всякий немедленно регистрирует различия воздуха в парке и на мощеных площадках, а ведь, чтобы только возместить кислород, вдыхаемый одним человеком, нужно полтора квадратных метра травы или крону дерева пятиметрового диаметра²⁷. Если начать мыслить здания в категории опоры для озеленения и использовать местные, доступные материалы в максимальном доступном объеме, мы в целом суще-

²⁷ Andreas Engelhard: 'Colararchitektur im Industrie- und Verwaltungsbau*' in *Gesundes Bauen und Wohnen* 1/90 March No 38, p.38.

*"Флоуформы" в пешеходной
зоне городского центра.*

ственно сокращаем эффекты и ближнего и дальнего переноса загрязнений. Замечено многократно, что в городской среде, как и в открытом ландшафте, чем в больше степени гармонизирован экологический строй, тем выше и достигаемый художественный результат.

Городская среда формируется через решения множества "ответственных" профессионалов: градостроителей, архитекторов, инспекторов, инженеров и еще многих других, включая управленцев. Однако на результатах эта ответственность многих сказывается слабо! В целом в современной городской

среде люди ощущают себя хуже, менее в ладу с самими собой и менее способными бороться с житейскими проблемами, не обращая их переживание в катастрофу.

Можно на то же посмотреть с иной точки зрения и спросить - перед кем ответственны все, принимающие решения о судьбе среды? При выборе между продолжительностью жизни здания и, скажем, стоимостью отопления, с одной стороны, и здоровьем обитателей - с другой, экономические факторы оказываются отнюдь не на стороне жизни точно так же, как когда правительство сопоставляет расходы на профилактику здоровья с суммой налогообложения. Но при всех своих

прегрешениях, правительство хотя бы обязано думать о наличии такого выбора. Для большинства из нас однако этот сюжет вообще не входит в сферу сознательного. Но если мы отказываемся о чем-то размышлять, другие силы непременно выступают на первый план.

Какую роль мы бы ни играли - архитектора, строи-

теля, домовладельца или пользователя, мы лишь часть среди множества тех, кто формирует окружение человека.

В любом случае наша работа не будет жизнеутверждающей, если только мы не сочтем само утверждение жизни первостепенной задачей, какова бы ни была цена достижения результата.

5

Количества и качества

Согласно одному из определений, архитектура есть проектирование сооружений. Одно из определений строительства гласит, что они суть оболочки длительного пользования для контролируемых условий среды - т.е. создание окружения, отвечающего определенным (как правило человеческим) функциям.

Из этих подходов выросли специализированные области знания. Наука о среде занята преимущественно количественными описаниями того, что считать отвечающим физическим потребностям человека: каковы температурные пределы, в которых мы ощущаем себя комфортно или сколько света необходимо, чтобы читать или готовить на кухне. Эти величины ничего не могут сказать о том, что такое приятная атмосфера для чтения или готовки, но сама приятная атмосфера зависима от

тепла и света и т.д. Но ведь именно сама атмосфера придает значение количественным параметрам. Чтобы создать приятную и, что еще более важно, осмысленную обстановку, нам необходимо внимание не столько к количествам, сколько к качественным характеристикам.

Существует множество инструментов для измерения количеств: какова, скажем, сила звука и его частотные характеристики. У нас есть множество таблиц, по которым эти количества можно оценивать: звук силой столько-то децибел нарушает сон или препятствует нормальной беседе и пр. и пр. Мы используем разные инструменты, чтобы получить объективную информацию, но все эти инструменты имеют селективный характер. Показатели анемометра подскажут нам, где лучше размесить ветряную мельницу, но

придется внести поправку на штормовые ветры и шквал. Напротив, для размещения зданий нам нужен прежде всего учет температур и влажности господствующих ветров с поправкой на те направления, что действительно имеют значение на месте. Чтобы все это узнать, нужно несколько инструментов, компьютер и терпение длиной в несколько лет, или достаточно расспросить старожил-соседей. Вне всякого сомнения, инструменты раздвигают доступную нам границу объективного знания, однако их избирательный характер означает, что ответы инструмента не всегда в точности отвечают на наши вопросы. То, что очень часто отбрасывается прочь как признак человеческой субъективности, представляет собой в действительности бессознательную способность синтезировать множество факторов, потому что предпочтения всегда замешаны на бессознательном.

Как надеяться найти объективное основание для оценки качеств? Конечно, возможно количественно оценить ответы людей по средней ответов на множество позиций опросных листов, можно также тщательно фиксировать реакции лабо-

раторных животных. Не исключено, что на таком пути можно достигать осмысленных результатов, но меня часто отталкивали, с одной стороны, явная примитивность и очевидность выводов, которые как правило и так всем известны, а с другой - то, что я все же стараюсь сохранить в себе человека, а не клубок реакций на лабораторные импульсы. Когда мы оказываемся в местах, где ощущаем себя особенно хорошо (или особенно плохо), вероятность того, что наши ощущения разделят и другие, достаточно велика. При этом я имею в виду не те места, которые я считаю достойными размышления, но именно те, где я просто нечто ощущаю.

Когда мы обнаруживаем признаки болезни зданий, становится ясно, качества, которые всем или почти всем нравятся или не нравятся, будь то тепло, свет, звук или что угодно еще, и в действительность суть полезные или вредные. Наши субъективные предпочтения могут обладать изрядным значением как показатели того, хороши или дурны эти места именно для нас. Для иных научных изысканий человеческое существо является, строго говоря, наилучшим инструментом. В

разработке систем измерения степени загрязненности интерьера профессор Фангер обнаружил, что оценки людей оказывались упорно более тонкими, точными и смысловыми, чем химический анализ¹. Действительное затруднение лежит в том, что в такой оценке присутствуют разные слои: персональное, культурное и, наконец, универсальное. Обычно эти слои переплетены - мы просто реагируем отнюдь не осмысляя почему. Однако научиться различать их между собой вполне возможно путем дисциплинированных упражнений в стремлении к бесстрастной объективности. Если научиться видеть за пределами персонального, то начинаешь использовать самое себя в качестве объективного инструмента для оценки качества среды.

Воздушный промежуток между нами и незнакомцами, ощущаемый нами как комфортный, существенно меняется от культуры к культуре². Количественные харак-

¹ Byggforsrning No 3, April 1988, pp. 17-19.

² See for instance Edward Hall, *The Hidden Dimension*, Doubleday Anchor, 1966.

теристики потребностей в пространстве вообще преимущественно имеют культурный характер - европейцев как правило поражают размеры американских жилищ, автомобилей и городов. У нас конечно и персональные предпочтения размерности: одни любят уютное, другие - величественное. При этом в абсолютных величинах дистанция предопределяет манеру, в которой мы говорим, двигаемся или фокусируем взгляд. Дистанция поэтому имеет воздействие на организм, независимо от наших предпочтений и ожиданий, а это в свою очередь влияет и на социальные взаимоотношения.

Чувство цвета глубоко персонально. У каждого есть цвета, которые он любит носить, и те, что он не переносит. Но есть также и мода на колористику, которая охватывает сообщество, с относительной свободой от прежних конвенций. Но есть также и универсальные особенности цвета: красный ускоряет обмен веществ, тогда как синий замедляет его. Это уже физиологический факт - каждый реагирует на стимул одинаковым образом. Известно, что разные участки спектра оказывают стимулирующее воздействие на те или иные

железы: желтый - на щитовидную, синий - на гипофиз, красный - на мужские, а фиолетовый - на женские половые железы³. Знание такого рода может использоваться для манипулирования людьми равно как и в лечебных целях. Так, в доме для трудных детей в Англии есть плавательный бассейн, освещаемый снизу, так что тела плещущихся детей кажутся цветными: красный помогает активировать заторможенных детей и побуждать их к деятельности, а синий способствует тому, что гиперактивные успокаиваются и приходят в чувство.

Все цвета обладают универсальной силой воздействия. При этом я имею в виду, разумеется, не пятнышки цвета, но полное погружение в цвет, будь то цветной свет или цветное окружение, формируемое цветом стен, пола и потолка. Тяжелые насыщенные цвета чрезмерно сильны, чтобы создавать комфорт, и поэтому применять их можно только с чрезвычайной искусностью - старая традиция

требует, чтобы они использовались в виде целой гаммы оттенков и колеров, гармонируя через контрапункт. Сильный цвет непременно манипулятивен - он доминирует над обстановкой и прочими декоративными деталями, а в чем-то и над самим человеком. Он навязывает настроение помещению.

В окрашивании света цвет напротив легок как дыхание. Окрашенный свет действует совсем иначе, чем кроющая краска - такой свет может поднять настроение, тогда как цвет стены способен буквально вдавить настроение в вас. Если нет возможности поставить прямой эксперимент, постарайтесь вообразить комнату, в которой вы находитесь, залитой желтым (синим, красным) светом или выкрашенной в эти цвета⁴.

За исключением специальных помещений особого использования, цветное стекло выпадает из окружения, тем более что окна как пра-

³ Kenneth Bayes, The Therapeutic Effect of Environment in Emotionally Disturbed and Mentally Subnormal Children, Gresham Press, 1970, p.31.

⁴ Эксперименты по исследованию физиологической равно как психологической реакции на цвет осуществляется гораздо чаще с применением окрашенного света, чем пигментов. См. выше: Kenneth Bayes - прим.3.

вило служат все же тому, чтобы из них выглядывать. Нужны иные способы воздействия на окрашенность света в комнатах. На помощь приходит лессировка или живопись тонкими слоями жидкого пигмента по фактурной, грунтованной белым поверхности, когда отраженный от нее свет проходит через столь тонкий цветной слой, что он сам едва различим. Прозрачный свет, проходящий через занавески оказывает тот же оживляющий эффект на цветность пространства.

Зеленый давно популярен как цвет равновесия, сказывающийся общей успокоенностью, сбалансированностью - в штейнерианских школах он служит основой окрашенности классных комнат для детей среднего возраста. Однако нужно немалое искусство, чтобы покрыть стены матовым зеленым, чтобы не впасть в излишнюю его тяжесть или мертвость, так как просто зеленый является собой один из самых безжизненных цветов в живописи. Хуже того, есть еще и опасность того, что отраженный от зеленой поверхности свет окрасит лица в мертвенные тона, создавая неприятный эффект. Совсем иной эффект у солнечного света, проходящего сквозь светлую листву -

в нем сочетается и жизненная сила и удивительная успокоенность.

Я широко пользуюсь отражением света от естественных материалов и фактур. Естественно, что при этом я пользуюсь в основном белыми стенами и потолком. Там, где желателен особый цветовой климат, я применяю лессировку. Речь идет не о капризе и не случайном выборе, не просто о цвете привлекательном и согревающим, но о сознательном выборе назначения. Вполне обычны вопросы следующего рода. Какой цвет будет способствовать превращению кафе из утилитарной забегаловки в место, где хочется назначить встречу? Какой цвет лучше подготовит наше вступление под своды церкви? Здесь не может идти речь о жестких правилах - скорее дело в выработке чувствительности к тому, как "говорят" те или иные цвета. Следующим шагом становится сопричастность цвета световому климату, индивидуальному в каждом помещении, и только затем - художественная разработка этих ингредиентов.

Работа с количественными элементами архитектурного словаря требует развития такого рода чувствительности во всех без

исключения областях. Необходимо научиться осознанно испытывать влияние вещей, которые обычно проскальзывают мимо сознания, а не просто обдумывать их извне. Для этого требуется пробуждение всех наших чувств, тех врат, через которые реальность обращается в наши ощущения. Чувства говорят нам о том, что важно в нашем окружении, которое мы переживаем по преимуществу с помощью чисто внешних чувств - зрения, осязания, обоняния, слуха, ощущения тепла. Архитектура, понимаемая как проектирование среды, имеет в основе воспитание всех этих способностей.

Мы всегода стремимся делать нечто, что заставит место хорошо смотреться. Если мы даже не смотрим на это прямо, "послевидение" или остаточное отражение на сетчатке сказывается сочувственной реакцией. Люди ощущают это визуальное "состояние", они могут пере-сказывать, помнить его долгие годы, но если попросить их как-то нарисовать виденное, окажется, что у них вовсе нет сколько-нибудь ясной идеи, как это выглядело на самом деле! Многое в этом визуальном настроении, сформировано цветом, фактурой, масштабностью и качеством вза-

имодействия видимых предметов. Огромную роль в этом настроении играет качество света.

Как бы симпатично не выглядело место, оно оттолкнет, если пахнет сточной канавой. Запах свежепеченого хлеба или молотого кофе служит лучшей рекламой продовольственной лавки лучше, чем любая выкладка или оформление витрины. Поставщики часто смотрят на меня с подозрением, если я спрашиваю, издает ли ковровое покрытие или иной материал запах? Они глядят на меня с еще большей подозрительностью, когда я начинаю обнюхивать образцы. Но ведь скверно проектировать место, которое при милom обликe будет чудовищно вонять, особенно если его запах сообщает нечто важное о качестве воздуха, которым мы будем дышать.

Взрослые не пробуют окружение на вкус - однако маленькие дети заняты этим постоянно. Погружая зубы в игрушку из дерева или из пластика, они ощущает совершенно разные вкусовые ощущения. Но и мы, стоим нам ощутить привкус меди или свинца в питьевой воде, начинаем подозревать, не отравлена ли вода материа-

лом трубопроводов.

Какое богатство качеств у тепла: жару, которой пышет кузнечный горн, можно вынести даже жарким летом, но теплый воздух из кондиционера неприятен и холодной зимой. Точечный источник тепла, вроде очага или камина, усиленный звуками, запахом и видом огня, привносит в дом пульсирующее ощущение жизни. Не случайно мы называем этот элемент дом его сердцем (hearth - a heart). Всякий, кто испытал наслаждение от грелки или лежа на нагретых солнцем камнях, может вообразить себе роскошь русской печи, которая ставилась так, чтобы на ней можно было спать. Что за грандиозное отличие лучащегося тепла и кондиционирования воздуха!

Большинство из нас не расхаживает по свету, сознательно пробуя здания рукой, однако, вовсе не задумываясь над этим, мы прикасаемся к ним ежеминутно. Текстуры, по которым мы шагаем или которых касаемся пальцами (или только взором), высказывают всю меру различия между доступными недоступными местами: мало таких, кто предпочтет бетонную скамью и стальной стол деревянным. Немногие из моих клиентов высказывают конкретные зап-

росы по поводу материалов, используемых в разных частях здания, но очень многие требуют деревянных полов - увы, и в тех случаях, когда невозможно организовать соответствующую вентиляцию под полом⁵.

Совершенно иное ощущение возникает от того, как звучат помещения - есть ли эхо или реверберация или звук поглощается полностью. Церковь, гостиная и ресторан должны и звучать по-разному, и взаимодействие материалов с пространственным решением можно подобрать так, чтобы достичь в каждом случае нужного эффекта. Мы не чувствуем себя дома, если в помещении звучит гулкое эхо. В акустически глухом месте невозможно запеть, тогда как звон и бряканье посуды способны превратить ресторан в дешевую столовку.

Все это лишь внешние чувства. Они "служат нашему контакту с внешней реальностью, которую на Востоке называют майей - иллюзией - хотя сквозь нее мы в состоянии вглядываться в невидимую духовную реальность, спря-

⁵ *Существуют апробированные конструкции деревянных полов без вентиляции снизу, но я не могу вполне им довериться.*

тайную за ней. У нас есть и более тонкие чувства, посредством которых мы можем ощущать эту невидимую сущность, а она более чем реальна. Мы легко видим разницу, заглядывая в один магазин, где главной целью откровенно является извлечение максимума прибыли, и в другой, где на первом месте задача оказания общественно необходимой услуги.

Мы можем культивировать в себе чувство восприимчивости к тому, что место может поведать. Тогда мы начинаем ощущать невысказанные прямо ценности, спрятанные под покровом внешних проявлений, проявляющие то, как это было спроектировано, как построено, как развивалось, как за ним ухаживают и используют.

Мы способны развить в себе чувствительность к уникальности, индивидуальности мест - речь идет не об очевидных различиях, но о различии "духа места". Многие в нем проступают и на низовом уровне - через то, как чувственные реакции дополняют или противоречат друг другу. Но проектировать в опоре на одни такие сугубо внешние признаки, значит просто играть в косметические игрушки. Места говорят нам именно через дух

места, и все феномены, воспринимаемые внешними чувствами, сыграны с ним. Микрорайоны массовой застройки, проектируемые системным методом, реализованные системным способом, навязанные ландшафту, не станут качественно лучше, если раскрасить их в привлекательные цвета или если экранировать их шума автомагистрали. Они и в этом случае останутся вместилищем для статистических единиц, но не для индивидуальности человека.

Мы снабжены и чувствами, сообщающими нам о нашем же внутреннем состоянии: чувством равновесия и чувством движения, т.н. кинэстетики. И наконец у нас есть последнее из осознаваемых чувств - ощущение здоровья. Лишь в исключительных случаях мы действительно ощущаем себя здоровыми, но всегда ощущаем недомогание, жажду, усталость, острую потребность в чашке кофе и пр. и пр. Это чувство имеет прямое отношение к архитектуре, поскольку многие здания способны заставить нас ощутить себя больными даже при кратком пребывании в них. Помимо порождения вполне различных конкретных симптомов, они воздействуют на всю совокупность

чувств, что проявляется в изнеможении, общем состоянии напряженности или в бессоннице.

В целом и одни внешние чувства неплохо указывают нам на жизнотворность или губительность окружения для нашего организма и для нашего душевного состояния. К несчастью, сами эти чувства настолько повреждены в наши дни, что если не культивировать их специально, их голос может быть слишком слаб, чтобы различить сообщение.

По вполне достоверным физиологическим причинам люди чувствуют себя скверно, если они работают весь день при искусственном освещении, тогда как весенний солнечный свет несет с собой такое ощущение радости, что и больной выскочит из койки. Недостаточная же освещенность может вызывать сезонные нарушения равновесия, вызывающие депрессию, сонливость и тягу к самоубийству. И в то же время слишком много света в помещении чрезмерно раскрывает его, лишает чувства защищенности, тогда как мы в конце концов для того и строим здания, чтобы достичь защищенности и от внешней среды и от общества других людей.

Несколько меньших по размеру окон лучше, чем одно большое - не только с точки зрения экономии энергии, но и потому, что при тех же суммарных теплопотерях мы получаем лучшее распределение светового потока. Еще важнее, что улучшается и качество света, приобретающего больше животворной силы вместе с эстетическим богатством светового климата. К тому же, вместо одного вида из окна мы получаем два или больше, а это улучшает общую ориентацию - в скольких зданиях я бывал, где никак не можешь понять, где же ты наконец находишься! Даже при тех занятиях, которые сугубо теоретически вообще не нуждаются в естественном свете, окна создают возможность контакта между искусственным миром интерьера и природными циклами самообновления снаружи. В больницах давно уже обнаружили, что улучшение вида, открывающегося из окна, сокращает и послеоперационное время выздоровления и, что еще важнее, - необходимость использования болеутоляющих средств⁶.

⁶ David Wyon, 'Buildings fit for people to live and work in' in Der Sunda Huset, p. 196.

Неприятный запах всегда служит предупреждением о том, что нам нечто угрожает. Запах порождается исчезающе малыми объемами вещества, но даже такие ничтожные объемы могут быть опасны - у легких грандиозная площадь всасывания, и мы ежедневно вдыхаем сотни кубометров воздуха. Даже если вы скептически относитесь к гомеопатии или цветочным лекарствам Баха (хотя роль ничтожных загрязнений для компьютерных "чипов" теперь уже никого не удивляет), нельзя оспорить, что ничтожные ядовитые примеси в воздухе оказывают на нас весьма заметные воздействия. Запах любого материала служит симптомом того, что с его поверхности нечто испаряется, как происходит, скажем, с пластмассами, которые - при всем своем долголетии в качестве мусора - весьма нестабильны. Любой пластик высвобождает в атмосферу пары пластификаторов, стабилизаторов, пигментов и свободных мономеров - именно их мы и вдыхаем⁷.

⁷ Katalyse Umweltgruppe und Gruppe für ökologischer Bau- und Umwelt Planung: Rowohlt (Hamburg), 1985), p. 197.

Обычно эффекты едва заметны, так что нам необходимо вырабатывать способность чувств подсказывать, что хорошо и что плохо. Когда мы касаемся поверхности дерева с полиуретановым внешним покрытием, то сразу знаем, что что-то не в порядке. Оно ощущается твердым, слишком гладким и холодным. Оно не дышит, и влага с подушечки пальцев конденсируется на этой безразличной поверхности. Это выглядит как дерево, но лжет, а вряд ли хорошо окутывать человеческий дух в одеяла из лжи. Если хочется, чтобы из детей получились честные люди, окружение, пропитанное ложью, вряд ли в этом поможет. Опустошенность чувственного опыта не питательна для развития души.

Говоря о питании души, мы имеем в виду обнаружение в том, что нас окружает, того, что способно придать равновесие всегдашней неуравновешенности момента бытия. Конечно же, таких нарушений равновесия бесконечно много, и душе многое нужно, и лишь небольшое можно выделить как важнейшее. Иногда мы тоскуем по общению и его стимулирующему воздействию, но иногда его слишком много, и общение начинает нас угнетать.

Иной раз нам необходимо укрыться в глубоко личном, и мы присаживаемся к камину, уходим во внутренний дворик или какое-то тайное убежище. Дает ли наше обычное окружение шанс на осуществление таких устремлений?

Чем жестче и безжизненнее окружение, тем сильнее мы ощущаем усталость, тупую напряженность всего естества, тем меньше хочется жить. Чем оно мягче и насыщеннее жизнью, тем сильнее в нас ощущение свежести, бодрости и сил: мягкое дуновение свежего воздуха, а не тяга из вентиляционных каналов⁸; приглушенный звук, а не гулкое эхо, живой и умеренный свет, отраженный от зеркала воды или проходящий через листву сквозь окна, обращенные в разные стороны, что придает ему богатство полутеней... Живая зеленьенга приносят с собой мягкость и сезонные ритмы. Растения в интерьере не только смягчают жесткость архитектурных форм, но также (в особенности мхи) восстанавливают ионный баланс в воздухе. Они выделяют кислород и дезинфицируют воздух, ко-

торым мы дышим. Жители Центральной Европы недоумевают, как выживают в промышленных городах Британии, лишенных деревьев, но британцы привыкли полагаться на морские бризы, идущие обычно с запада и сдувающие загрязнения на восточные окраины городов и на головы бедноты, которая живет там. В континентальных странах озабочены введением зеленых "легких" в планировочную ткань городов⁹.

При всем их значении для улучшения качества воздуха мы любим деревья и другие растения за их покойный облик, живую и богатую тень, шелест листвы и запахи. Они питают душу, а не только легкие. Вьющиеся растения не только смягчают жесткость углов, придают отталкивающей поверхности ощущение свойскости, обогащают фактуру стен и арочных проемов, но также и поглощают уличные шумы. Конечно, в связи с озеленением возникают проблемы вандализма, нередко безопасности, его нарушает сильный ветер, за ним надо ухаживать, но глав-

⁸ *Заметим, что только от порывов ветра, создаваемых небоскребами, ежегодно погибают до двухсот человек.*

⁹ См. напр., Design with Nature, Ian McHarg, Doubleday/Natural History Press, 1971.

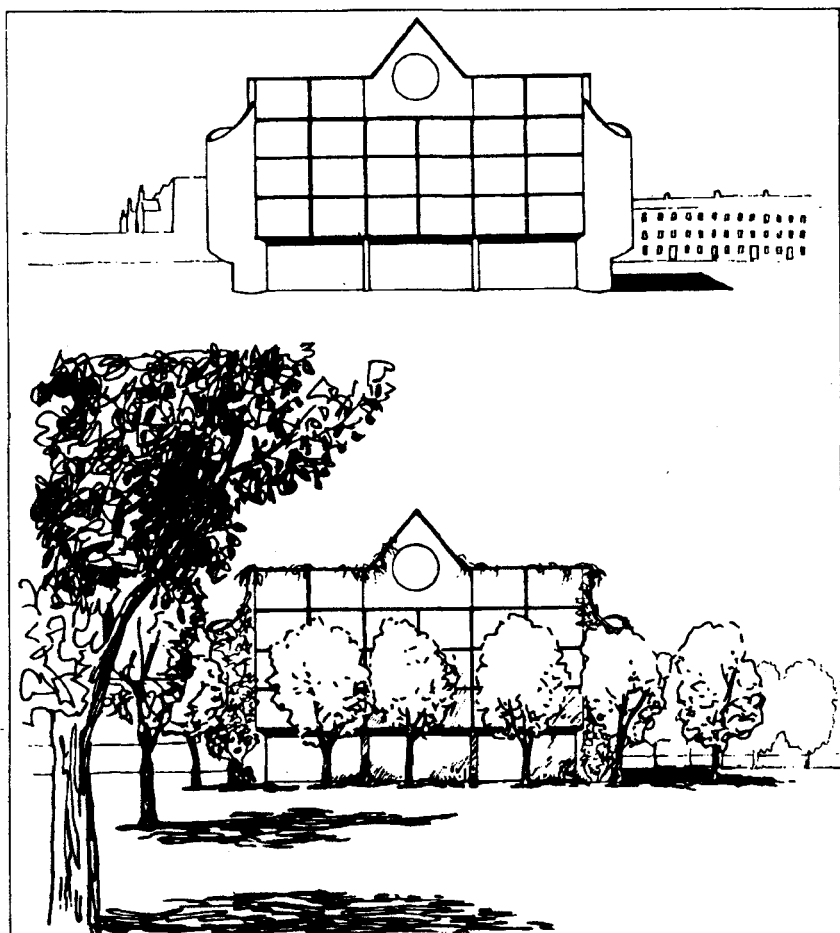
ным все же оказывается желание и воля помочь растениям укорениться. Многие виды растений вообще не требуют ухода, однако не многие среди клиентов способны всерьез воспринять совет обрызгать стены жидким коровьим навозом, чтобы побудить к росту мхи и лишайники.

Встречаются люди, которые не любят деревьев. Для них это лишь источник скользких листьев на тротуаре или уменьшение светового потока в окна. Нельзя отказать этим соображениям в резонности, как бы ни хотелось с ними спорить, но в любом случае они и в малой степени не перевешивают блага, связанного с живой зеленью. Однако, сталкиваясь с возражениями такого рода, мы всегда должны внимательно и честно разобраться, выиграет ли всякое данное место от посадки деревьев. Я безусловно встречал такие места, хотя и не слишком часто.

Даже и зелень может стать ошибкой, будучи устроена не там, где надо. Конечно, гораздо легче приобрести растения в питомнике, чем высаживать дички, тем более что в питомниках растения культивируются в определенных селективных на-

правлениях - чтобы иметь цветную листву, чтобы продлить время цветения. Однако многие из таких растений замечательно смотрятся в центре сада, но совершенно выпадают из общей картины при высадке в другом месте. Возможен и несомненный "перебор" зелени. Как бы я не любил кровли-газоны за их эстетические и экологические свойства и за их способность встроить здание в ландшафт, и хотя меня часто просили их устроить, лишь дважды я встретился с ситуацией, где они были совершенно уместны.

Возможны ситуации чрезмерности света и переизбытка тепла, хотя чаще мы знаем ситуации, где и того и другого недостает. Есть целые таблицы соответствия светового потока и температуры разным видам занятий. Но разумеется, всякий раз, когда мы имеем дело с переводом качественных характеристик на язык чисел, пробуждается подозрительность: даже при отвлечении от эстетики, сомнительна тождественность градусов Цельсия при конвекционном или излучающем типе отопления или при тактильном ощущении тепла, весьма сомнительна тождественность числа люксов для естественного света, ламп

Улучшая качество воздуха за счет выброса в него кислорода, регулирования влажности, ионного равновесия, поглощения пыли и запахов, растения смягчают воздействие жестких материалов и форм, резкость светотени и звуковой среды. Заложенный в них потенциал изменения исходной ситуации неизмеримо выше, чем относительная стоимость озеленения.

накаливания или флуоресцентных ламп. И все же в целом таблицы стандартов полезны, так как ими описаны потребности как таковые, без учета конкретной ситуации.

Чего-то всегда слишком много или слишком мало - в конце концов вся жизнь на земле местится в очень узкой полосе между материковым

грунтом и космическим пространством. Здоровая жизнь всегда являет собой хрупкое равновесие между крайностями. Архитектура, способная поддерживать это состояние здоровья, тоже местится в узком спектре, содержащем в себе целый мир качеств, отвечающих различным сторонам бытия. Один лишь шаг в сторону от этой полосы, и мы немедленно становимся манипуляторами.

Всякой деятельности, всякому поведению отвечают определенные настроения. Окружение может обладать свойствами, которые отвечали бы характеру действий, подобно тому, как это делает перенос взгляда вглубь пейзажа, когда наша работа весьма ответственна, напряженна и зажата в интерьере. При этом отнюдь не обязательно речь идет о дальнем виде, открывающемся за водной гладью - довольно и вершин деревьев, колеблемых ветром, или неба с его переменчивым рисунком облаков. Напротив, иногда нам нужны замкнутость, тепло и мягкая фокусировка внимания, и этой потребности лучше всего служит открытый огонь в камине, рядом с которым нежелательны окна, если только они не снабжены ставнями или экранами, изолирующими

интерьер от внешнего мира.

Нам остро необходимы качества среды, отвечающие душевному состоянию. То нам нужны возбуждающие, стимулирующие места, то напротив - успокаивающие, не насыщенные цветом, купающиеся в цветном свете, проходящем сквозь листву, лепестки цветов или отраженном от лессирующей структуры колера стены.

Когда мы испытываем стресс, испытать мир и покой окружения не менее существенно, чем оказаться в уютном и теплом месте в жесткий мороз. Но в другие периоды нам оказывается важным прежде всего окунуться в игру самой жизни, что в особенности важно для молодежи, для которой это необходимейшая часть процесса расширения социального кругозора. Особенность сегодняшнего словно оторванного от корней прошлого времени заключается в том, что мы явно испытываем потребность в переживании, которое явным образом укоренено в истории: потому-то такими устойчивыми все же оказываются установления далекого прошлого, вроде супружества, постоянной работы, некоего общественного порядка. Мы оказались под гнетом страха перед тотальной

Защищая обитателей от непогоды, кровли редко оказывают благотворное воздействие на микроклимат ближайшего окружения. Озелененные кровли напротив способны поглощать токсины из атмосферы, восстанавливать кислородное, ионное и влажностное равновесие, равно как уменьшать ливневую нагрузку на инженерные сети.

экономической и экологической катастрофой, да и опасность ядерного уничтожения не устранена вполне, так что если уж человек испытывает нужды в чувстве стабильности, укорененности, покоя своего окружения, то в

наши дни эта нужда сильнее, чем когда-либо.

Мы нуждаемся также в особых качествах окружения, отвечающих особенностям современной стадии развития общества. Но не слишком ли это самоуверенно - говорить о том, что нужно другим людям, чем ты сам? Однако если не предлагать выбор такого рода качеств, мир по-прежнему будет руководствоваться трендами, которые вовсе не были сознательно выбраны за блага или свободы, связанные с ними. Это тенденции, навязанные индивиду извне, подобно нажиму манипулятивной рекламы или бихевиористской психологии, равно как тренды из глубин психики, подобно эгоцентристским желаниям.

Выбор того, что уместно, не есть определение за других или манипулирование, но предложение структур окружения, способных поддерживать сбалансированное развитие. Внутренняя свобода также зависит от этого равновесия. Что, скажем, уместно, подпитывая чувство внутренней свободы, в окружении подростков? Это очень деликатный вопрос, так как вовлекает множество факторов: подростки нуждаются в том, чтобы сбросить с себя доминирование со стороны взрос-

лых, и ориентация на старших сверстников обычно является основной опорой в этом возрасте. С другой стороны, сам конформизм в отношении старших сверстников представляет собой питательную среду для экономической эксплуатации, особенно в связи с новонайденным опытом знания собственного тела, сексуальными желаниями, эмоциями ранее неведомой силы. Так легко прятать нежность нового эмоционального "я" за грубостью и бесчувственностью поведения. Внутригрупповой конформизм может так легко превращаться из опоры в препятствие тому подчинению жизни некоторым идеалам, которое сопровождает переход к зрелости.

Различные качества помещений, будь то школьный класс, кафе или молодежный центр, будут поддерживать различные же аспекты сложного переходного процесса и включаться в разные образы развития человеческого существа. В зависимости от образа человеческой личности, которым мы владеем (хотя бы и неполной, ослабленной его версией), мы будем проектировать совершенно различные типы пространств. Одно из них, возможно, будет выстроено вокруг резкого ос-

вещения, собирающегося в центре - чем резче, тем лучше, иной раз стробоскопического, разноцветного или на грани ультрафиолетового. Тогда вокруг, в густой тени возникнет много ниш с сиденьями и маленькими столиками, создавая ощущение защищенности. Будет, разумеется, стойка бара с приглашающей подсветкой. Такое помещение будет создавать ощущение подземелья (если возможно по ситуации, оно и будет подвальным). Ему не нужны окна, а вход в него будет идти через узкий коридор. С пространственной точки зрения это помещение охватывающее, но без четко очерченных границ. Предпочтительно, чтобы оно не имело прямоугольной формы, его потолок будет занижен, цвета будут матовыми, темными и насыщенными - коричневым, черным, темно-красным. Все это слабо охватывается сознанием, так как освещение фокусирует внимание на движении людей. Это вечернее место, обеспечивающее приватную полутьму с эффектной самодемонстрацией на ярком свете. При наличии громкой музыки это все создает климат привлекательной дискотеки или кафе клубного характера.

Танцевальный зал для

молодежи, в большей степени готовной соответствовать предпочтениям родителей, чем старших сверстников, будет выглядеть совершенно иначе: электрические люстры, высокие потолки, прямоугольные, четко очерченные формы пространства, широкие подходы. Когда по утрам солнечный свет врывается в узкую щель пожарного выхода из дискотеки, это место сразу же выглядит пустым, лишенным шарма, фальшивым. Это тип окружения, настроенный только на частичку человеческого существа. Когда солнечный свет врывается в танцевальный зал, такой драматической перемены не происходит. Это обстановка, отвечающая иным аспектам существования.

Если нам нужно проектировать помещение другого назначения, если мы стремимся к тому, чтобы пробудить в подростках живое критическое отношение к действительности, нам потребуется больше естественного света. Нужны будут окна, через которые открывается вид на мир, в котором что-то происходит, возможно, нам будут нужны ниши или альковы, свободно связанные с главным залом. У архитектурного решения будет большая чистота линий, хотя следует

избегать чрезмерной упрощенности форм. Естественные мягкие изгибы поверхностей, имеющие открытый характер, свободные от задачи защищать. Мы здесь будем стремиться к легким цветам - может, серо-голубоватым с оттенками зелени. По вечерам мы будем ожидать от этого места некоторой дифференциации освещенности, тепла и комфортности: круг света над каждым круглым столом, задвинутым в угол, подушки, разбросанные на полу перед камином, живая музыка. Такого типа помещение будет облегчать жизнь группового сообщества, опорой которого являются приятельские отношения, вовлекающие всего человека.

Естественно, что помещение для пятнадцатилетних будет принципиально иным, чем для пятилетних. Первые не только выше ростом, так что уровень горизонта расположен значительно выше, они проявляют гораздо больше интереса к миру, простирающемуся за пределами ближайшего окружения, их интеллектуальная активность много сильнее. Пятилетние нуждаются в большей защищенности, в возможности активно существовать в мире воображения и подражания. Первое поме-

щение будет выше, жестче по очертаниям и формам, более открытым во-вне. Второе - теплее по цвету, мягче, ниже, уютнее в каждой форме и пространстве в целом. В детском саду, который я строю в момент работы над этим текстом, у меня округлые комнаты, имеющие поэтому единственный центр активности, но они высвобождены из-под детерминизма геометрии за счет создания игровых альковов на разных уровнях. Все это дополнено сочетанием больших окон с маленькими, глубоко посаженными в толщу стены, дополнительно защищенными миром деревьев снаружи.

Разумеется, различным социальным группам нужны различные же формы окружения. Дело не только в культурных реакциях, хотя они и существенны: то, что покажется просторным кому-то из Бомбея, будет нестерпимо тесным здесь, а то, что для Голландии дикий пейзаж, в Лапландии покажется чуть ли не городской средой. Есть еще классические различия между типом дома, к которому стремятся люди, работающие в городе, отчужденные и стиснутые толпой незнакомцев, и тем, какого ищут люди, привыкшие к труду на свежем воздухе и капризам погоды,

вроде фермеров, лесников или моряков. Первые ищут простора, покоя, света, воздуха и дальних видов, жаждут закрыться в приватном мире пригорода. Вторые хотят уюта, закрытости, защищенности и стремятся строить совиные дома с маленькими окнами, спать в маленьких комнатах, выгородках или постелях с высокими стенками.

Я знаком с валлийскими фермерами, владельцы которых сумели разбогатеть и выстроили просторные пристройки для кухонь (кухня ведь всюду комната, в которой живут все), в сухом современном стиле. Дома кажутся пустыми и недружелюбными: семья жалуется на холод, хотя теперь там впервые устроено центральное отопление. Отсутствие тепла создается отнюдь не низкой температурой и даже не тем, что белый колер стен принадлежит к семейству холодных белых, хотя это играет некоторую роль. Это ощущение рождено тем, что дома словно остались без сердца. Неспособность подпитывать душу переживается как неудача в организации подходящего физического окружения даже если замеры будут говорить обратное. Качества окружения оказываются важнее его количественных характеристик.

Собеседование или конфликт?

Мы можем, разумеется, размышлять о соответствии между ощутимыми качествами места и потребностями его пользователей и его самого, однако редкое из таких качеств имеет смысл рассматривать отдельно от других. Мы отдаем себе отчет в большинстве из них, хотя они воздействуют на нас в любом случае, только в силу восприятия контраста. Мы замечаем тепло, лишь входя в помещение с холода и придвигаясь поближе к огню. Мы улавливаем запахи города или промышленного района, когда появляемся в них, переставая их замечать на следующий же день. Неправильный способ воздушного отопления или состав воздуха влияют на нас независимо от того, замечаем мы их или нет, но если качества среды, даже соответствующие потребностям, должны еще приносить радость жизни и душевную

бодрость, нам необходимо разнообразие, но не ровность без границ - температуры, освещенности, все того же вида перед окном, все тех же форм или последовательности движений в пространстве. Как только есть разнообразие, мы начинаем замечать, как одно ощущение соотносится с другими. Мы начинаем осознавать зоны их контакта. Чаще всего такой контакт заметен в мире видимого. Эта зона контакта как правило сопредельно всякой границе, тогда как зона существования чего бы то ни было тяготеет к центру - цветное пятно контактирует с другим цветом у своего контура. Граница полей может быть очень резкой или быть выражена столь мягким переходом, что скорее удастся определить центр каждого цветового пятна, тогда как все остальное "где-то между". Все различие заключено в

том, как они контактируют!

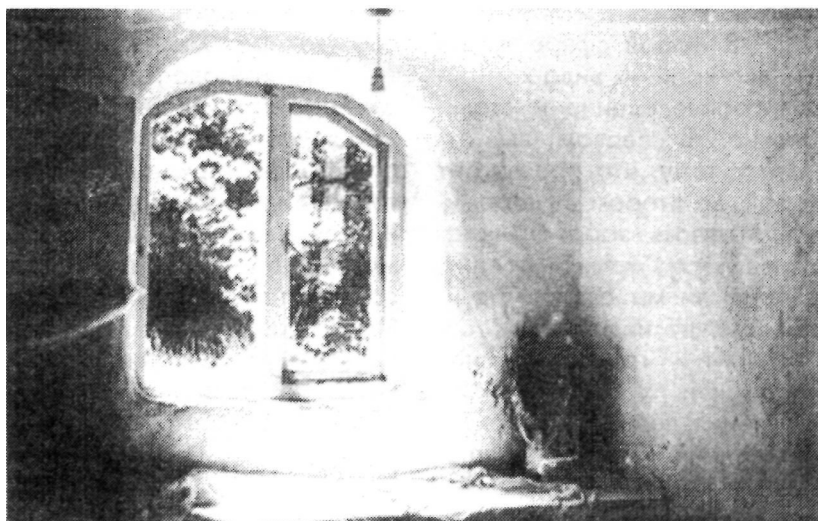
В любой сфере жизни есть два крайних вида контакта - собеседование и столкновение. В первом вы открыты к тому, что предлагает второй, во втором вы стремитесь навязать заранее установившуюся точку зрения. Говорим ли мы о взаимодействии между индивидами, социальными группами или странами и их союзами, конфронтация ведет к поляризации позиций и ищет разрешения силовым способом. Это всегда разрушительный процесс независимо от того, кто выиграл, а кто проиграл. Проигравший угнетен, но выигравший теряет достоинство.

Беседа являет собой процесс, в котором двое или более индивидов совместно порождают целое, которое больше суммы своих частей. Участники беседы должны прислушиваться друг к другу и вслушиваться в суть того, что возникает в собеседовании и только через него. Индивиды должны в этом случае приспособлять свои планы в соответствии с нуждами друг друга, не отказываясь при этом от сущности замыслов каждого.

Слушать куда сложнее, чем произнести это слово, потому что нужно на

минуту отложить в сторону собственные мысли. Напротив, взаимoadaptация без компромисса легче, чем кажется, потому что бескомпромиссные принципы, если только они высказаны честно и имеют опору в морали, отнюдь не обязательно не сочетаются между собой. Идеал собеседования вполне пригоден в качестве проводника по жизни и в гуще межчеловеческих отношений. Он - сущностное основание всякой гармонии. Ни в самом обществе, ни в искусстве не выстроишь гармонических и живых отношений из одних правил. Гармоническое отношение зависит от способности слушать. Если архитектура должна строить гармоническое окружение, в котором люди могут чувствовать себя легко, покойно и живо, чтобы вообще себя самих ощущать, она должна вырастать из принципа диалога.

Огромная доля времени в архитектурном проектировании уделяется созданию видимой формы. Фасады суть изображения форм, многие из которых вообще не существуют, так как представляют собой плоские проекции, не отображающие в точности ничего. Есть там и другие формы, существующие точно так, как они были

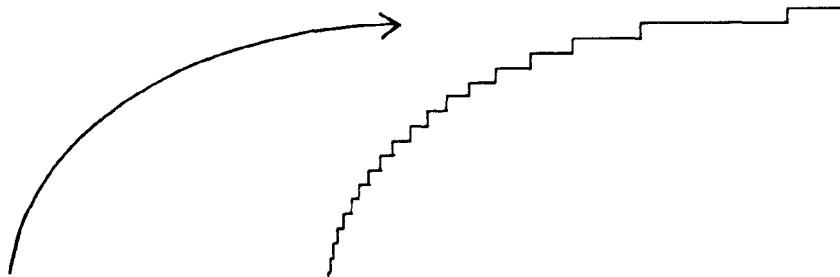
Построенная в начале 50-х годов, эта комната была жестким и стерильным параллелограммом. Незначительная обработка потолка, ручной работы текстура стены и игра света, идущего из разных окон, преобразили исходную призму до неузнаваемости. Малые изменения формы сделали комнату обитаемой. Настроение создано светом, цветом и отраженным цвето-светом. Пространство, форма, цвет и свет перекрещиваются в диалоге каждого с каждым, чтобы создать в результате атмосферу целостности.

изображены, но невидимые, так как у нас нет возможности отойти назад и увидеть все одновременно. То, что мы на самом деле видим, - это множество краев, контуров, углов, проемов в глухой

стене, зон встречи между поверхностями.

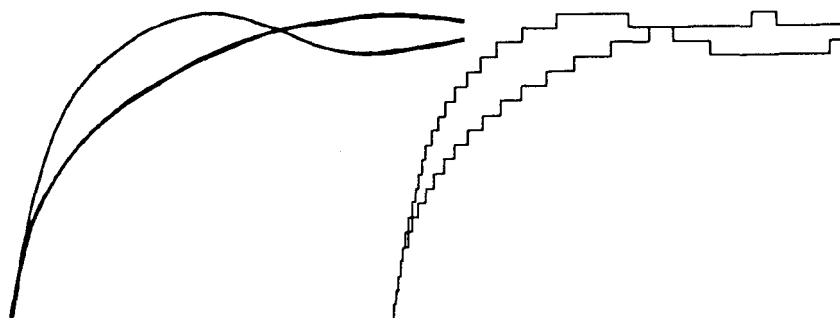
Форма как таковая воздействует на нас независимо от того, рассматриваем ли мы ее осознанно или нет, но как очерчена форма, также немаловажно. Базовая форма телевизионного экрана - прямоугольник. За исключением ультрамодернистских, у всех экранов скруглены углы, и я сомневаюсь, смогли ли бы без этого люди проводить перед экранами много часов кряду.

Незначительные модификации формы облегчают перемещение взгляда (и руки) от одной линии к другой и существенно меняют характер наших реакций на те или иные вещи. За столом с острыми как нож краями сидеть

При первом взгляде ступеньки кривой на дисплее почти незаметны глазу. Однако если я решаю сменить изгиб на кривой, которая проведена ру-

кой, возникает живое единое целое, тогда как кривая в исполнении компьютера лишь добавляет или отнимает кусочки.

Если сравнить результаты, мы легко ощутим, что из двух как бы идентичных форм одна

наполнена динамикой жизни, тогда как другая напрочь лишена ее.

хуже, чем за таким, у которого скруглены края столешницы, но суммарный эффект не охватывается одной только приятностью.

Представьте себе небольшую белую комнату, почти квадратную в плане, с единственным окном высоко под потолком, так что нет возможности выглянуть наружу. Это келья монаха. Введем мягкие неровности оштукатуренной поверхности, легкий

выгиб потолка и перемычки над окном, пол, выложенный керамической плиткой так, чтобы избежать четких прямых швов, и солнечный свет, которому неровности стены и пола придают живость,

И вновь вообразим себе эту комнату с гранями, словно прорезанными ножом, стенами выглаженными до блеска, когда потолок, стены и пол встречаются по геометрически правильным прямым,

Как бы ни была эффект-на, скульптурно, поразительна архитектура такого типа, она есть продукт рационального и сухого интеллекта, но не сердца, ведь в ней мощь образа ищется за счет подавления более subtilных чувств. Такого рода здания не формируют мест, в которых хорошо находиться или которые мощно вообще ощупать рукой, глазом, прикоснуться душой - вообще ощутить. Ничто не может выжить в этом жестком, прямоугольном, минеральном мире без особой искусственной поддержки - без автомобилей, скоростных лифтов, кондиционирования, телевидения, цветомузыки, коммерциа-

лизованных развлечений он был бы необитаем вообще. Нет случайности в том, что город Нью Йорк потребляет столько же электроэнергии, сколько вся Африка. Места, возникающие из такого подхода к архитектуре, предназначены для машин, а не для души человека. Что за образ человеческого существа лежит за таким подходом и то за тип личности его культивирует?

а солнечный свет - четкий прямоугольник.

Первая - комната для молитвы, место уединения, отгороженное от мирской суеты. Из второй хотелось бы бежать при первой возможности. Во всяком случае я чувствую это так.

По сугубо практическим соображениям удобства монтажа или складирования мы прибегаем к прямой линии и ее побочному продукту - прямоугольной форме. Но это не те формы, которые мы обнаруживаем в теле человека, в его движениях или где бы то ни было в природе. Прямоугольные формы образуют класс форм, удобных для машин и соответствующих механистичности мышления. Так, это экскаватору трудно выкопать траншею криволинейного очертания и сметчику тяжело дается оценка изогнутой трехмерной поверхности!

Если я использую ком-

пьютер, чтобы изобразить кривую, которую я провел легким движением грифеля, он конечно может это выполнить, но нет ничего более разнящегося, чем эти две линии. Когда я рисую кривую, в нее встроено движение тела - самые живые и сильные изгибы рисуются не одними только пальцами, но всем телом, начиная со ступни. Чтобы воспроизвести эту линию, компьютер преобразует мое непрерывное, текучее, развивающееся движение в безжизненный двоичный код.

Живое никогда не укладывается в точности в нечто с абсолютно жесткими очертаниями, в чем я всякий раз убеждаюсь, заполняя анкету, предназначенную для компьютерной обработки. Рисунок, построенный в координатной сетке, легко измерим во всех деталях, но он так же однозначно характеризует предмет, как и бескомпромиссный код компьютерных да-нет. Совсем не случайно, что мир, формируемый из одних прямоугольников, представляет собой пустыню для души: твердая минеральная субстанция, жесткие линии, жесткие углы, правильные повторяющиеся формы. Ничто не может здесь выжить, если не оказаться в полной зависимости от искус-

ственных средств выживания. Наряду с прочим, абстрактность и искусственность приводят к той отчужденности, что позволяет не моргнув глазом проходить мимо несчастного случая, игнорировать призыв о помощи.

Прямая - мы знаем - есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Другими словами, у нее одна задача - не самый мягкий, не самый живописный, но кратчайший путь. Машины создают абсолютно правильные прямые. Живая рука - если только не тщится воспроизвести машинный стандарт - проводит почти правильные линии. Они различаются между собой подобно различию между ходом часов и движением вселенной: одно живое, другое мертвое.

Когда остругиваешь дерево рубанком, характер края будет определяться геометрией инструмента. Прямизна навязывается материалу. Когда остругиваешь дерево ножом или стамеской, сам инструмент отзывается на сучки и рисунок волокна (с этим, впрочем, надлежит обращаться осторожно, чтобы вещи не смотрелись этакими чуть "подстаренными"). Помещения, ограниченные жесткими краями жестки и суровы,

те же, у которых все края будто выструганы ножом, гораздо живее и привлекательнее.

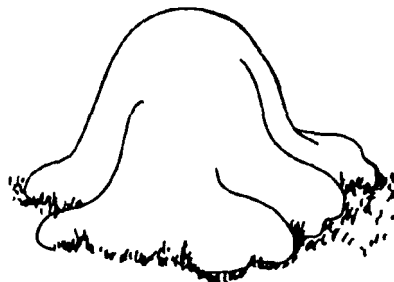
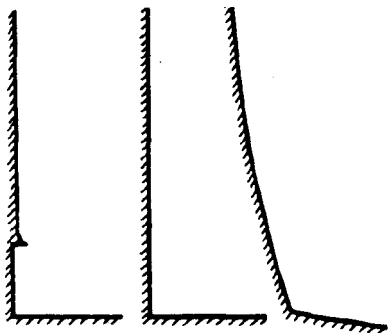
Когда движение вокруг Баухауза столь обоготворило геометрию куба и цилиндра, оно искало также и наиболее экономных форм для машинного изготовления. Здания, порожденные последователями Баухауза, непременно выражали заботу о финансовых критериях оценки, и формы, выдавливаемые машиной, казались для этого весьма подходящими. С конструктивной точки зрения прямая есть линия напряжения - напряженности между точками. В силу этого она придает формам четкость, но самые концы линии приобретают особый вес. Что происходит в концах линии? Обычно одна линия встречает другую под прямым углом. Поэтому угол получает удвоенную жесткость, но этого мало. Мы ориентируемся в жизни в трех плоскостях - двух вертикальных и одной горизонтальной, за счет этих плоскостей - в трех направлениях: вперед-назад, вверх-вниз, слева-направо. Но у этих осей качественно разные свойства: одна это ось времени (прошлое-будущее), другая - окружения, третья - собственного бытия, прямостоящего в месте встре-

Взаимоконфликтные линии, плоскости и формы могут быть приведены к собеседованию и даже согласованному мелодическому звучанию. Постарайтесь отвлечься от взглядывания в картинку и вообразить ощущение подъема по ступеням этой лестницы, поворота и прохода в помещение позади. А теперь попытайтесь представить то же окружение, но в схеме встречи поверхностей под прямым углом, при жесткости идеально правильных линий.

чи земли и неба.

Горизонтальное и вертикально-фронтальное предельно конфликтны в структурном выражении, фронтальное и боковое противо-

Углы традиционных каменных построек как правило имеют по два небольших уступа. Выше первых 70-ти сантиметров устроен уступ в 15-20 сантиметров, а через следующие 2-3м - еще 15 сантиметров. Это предельно просто в описании, но гораздо труднее поддается исполнению, так как нужна умная рука, чтобы создать качество скалы, прорастающей из-под земли, а не эффект порции же-

ле, шлепнувшейся на ее поверхность.

стоят друг другу с точки зрения движения человека внутри и вокруг здания. Там, где эти плоскости встречаются под прямыми углами, различие их характера достигает максимума, и сама встреча не включает в себе ни обмена качествами, ни метаморфозы. Она исполнена силы, но холодна, почти мертва. Если острые углы неудобны и несут в себе ощущение сдавленности, а тупые обнимают и охватывают, прямой угол самоуравновешен в своей стабильности. Когда удастся внести живость в такое равновесие, его самоорганизованность является вкладом в свойства целого, но если нам это не удастся, его собственные механистические качества выйдут на первый план. Даже при диагональной организации мебелировки с угла на угол, как это нередко делается, прямоугольные помещения с прямоугольными же дверьми и окнами и жесткими гладкими поверхностями не могут обрести качеств места для жизни обитателей, оставаясь вместилищем мертвых тел. Когда я оказываюсь в таких помещениях, то не могу освободиться от неудобства, от чувства безжизненности и даже клаустрофобии.

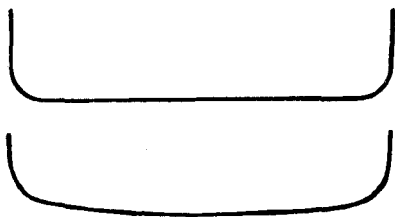
Если место контакта поверхностей разработано подробнее, их специфические характеристики вводятся в поэтическое отношение слова в равной мере пригодны для сочинения стихов и отдачи военных команд. Здесь огромную помощь оказывает смягчение текстуры, равно как и надлом жесткой линии. Встречаясь с реконструкцией и приспособлением старых зданий я стремлюсь избежать новой вертикальности стен, горизонтальности потолка и прямоугольности комнат. Неровности штукатурки и обнаженность деревянных балок над головой всегда превращают такие помещения из коробок в чрезвычайно привлекательные места. Еще лучше, если я могу отказаться от абсолютной вертикальности стены, ведь стена всегда надежнее, лучше укорененной в земле, более спокойной и "вечной", если ее основание толще, чем завершение.

В классической архитектуре всегда есть вырастание из базы, в народной или местной архитектуре всегда есть уширение стены книзу, как правило в два последовательных отступа. Только модернистские времена приучили нас к вертикальности стен, прямо выходящих из

То, как сооружение встречается с поверхностью земли, целиком определяет, будет ли оно принадлежать этому конкретному месту или как бы притормозит в нем для временной стоянки.

толщи земли, лишенных цоколя и переходных элементов. Я не пользуюсь правильным углом утонения, стараясь так уширить или выпучить стены понизу, чтобы добиться устойчивых и сильных форм, меняющих угол и вектор "по месту". Я люблю также сохранить нечто от этих качеств и в интерьере. Здания, если они выстроены таким образом, начинают принадлежать земле, тогда как другие,

Есть огромная разница между тем, как прямая внезапно переходит в изгиб, и тем случаем, когда изгиб мягко сочетается с твердостью и устремленностью прямой линии. Если скользить глазом вдоль линии, то свойством первого варианта остается несводимость скачка, тогда как у второго предыдущее и последующее качества перетекают одно в другое, что придает прямой линии внутреннюю динамику, а изгибу - организующую его твердость.

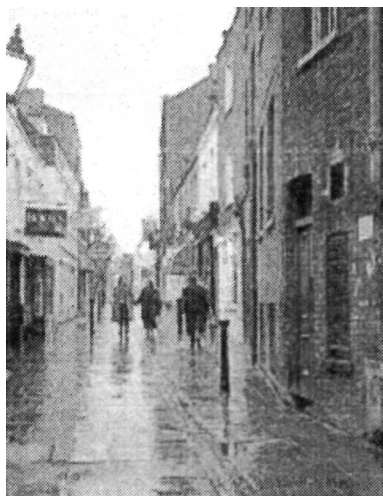
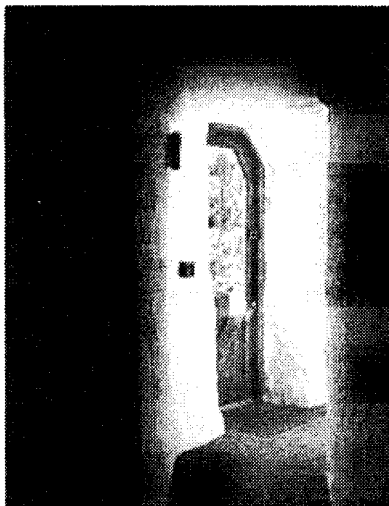
встречающиеся с землей под безразличным прямым углом, остаются всего лишь припаркованными.

Из всех видов встречи элементов этот - как именно здание встречается с землей - может быть, наиболее ответственный, но именно о нем задумываются куда реже, чем следовало бы. Вертикаль такого контакта под прямым углом (еще хуже, когда это бетонный столб) совершенно безразлична к задаче укоренения постройки в земле. В действительности или землю

или стену необходимо обработать в интересах такого контакта.

Привкус ловушки, соединенный с резкостью контакта между поверхностями стены и потолка, может быть устранен, и можно создать ощущение приглашающего укрытия, если потолок несколько выгнут. Еще большее значение имеет очертание оконных и дверных проемов - этих "очей" здания, этих рам, сквозь которые мы - или только наш взгляд - проходим вовне и внутрь. Легчайший выгиб надоконной перемычки, и жесткость рамы сразу смягчается. Это ведь и конструктивная форма, проявленная и в плоской кирпичной арке, и в том, как консольный выступ деревянной балки переходит в основной ее пролет.

Я стремлюсь к тому же подходу и к встрече поверхностей на плане, и если не могу избежать их контакта под прямым углом, то обычно обхожусь, скажем, размещением мебели таким образом, чтобы создать переход от одной стены к другой. Наши предки делали это всегда - ставя в угол буфеты, придавая конструктивным элементам форму модульонов, заворачивая доски обшивки. Нередко, чтобы смягчить жест-

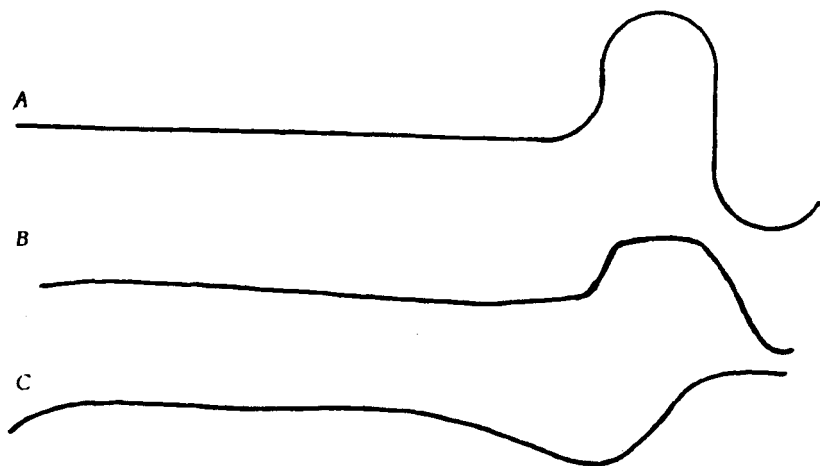
Насколько иначе выглядели бы эти коридор и улочка, будь они совершенно прямыми.

кость контакта, достаточно очень малых средств. Треугольные вставки размером 1х3 см, в углах прямоугольных окон или ручная затирка углов уже порождает радикально иное качество. Даже при ничтожной переакцентировке форма принимает на себя как бы отпечаток человеческого жеста: расположить вставку в углу рамы вертикально или горизонтально, чуть выгнуть сам потолок или продлить его выгиб так, чтобы охватить и стену, - в этом заключены огромной важности различия.

Встреча трех линий в одной точке уже тайно со-

держит в себе выгиб, завершаемый в том случае, если угол скруглен, а сами линии мягкие, может, даже слегка выгнутые. Прямое и выгнутое рождает радикально разнящиеся эффекты, первое несет с собой твердость и ясность ориентации, второе - струящееся качество самой жизни.

Движение воды в горном ручье полно такого наполненного жизнью и жизнетворящего движения. Здесь все линии и все движения отмечены единым ритмом - дыхания. Конечно, за ним вполне рациональное физическое основание, игра сил тяготения, инерции, трения и прочего. Но это также и манифестация переплетающихся взаимодействий стихий - воды, воздуха, земли. Вечно меня

И кривая и прямая линия односторонни и одномерны. Они нуждаются одна в другой, в взаимосочетании своих полярных свойств. Речь не просто о прибавлении [А], но скорее в том, чтобы прямая (твердое и организованное) обнаруживалось в кривой, а кривая (жизненная сила) - в прямой [В и С].

ющиеся пейзажи, формирующиеся в небе над нашими головами, тоже ведь лишь комбинации: воздуха, воды, тепла.

Есть однако и такие кривые, в которых формообразующие силы так и не вступают в собеседование: путаная! кривая, хотя и рожденная под пальцами человека, лишена иной формирующей силы. Органичные сочетания кривых несут в себе извест-

ный оттенок мечтательности, так что следить за бегом ручья можно часами, тогда как путаница или каракули оторваны от жизни совершенно и пригодны лишь как средство самоуспокоения.

Свободные кривые жизнеспособны, но лишь зачаровывают, уводя нас от

Окружение нашей деятельности управляется преимущественно прямыми линиями, тогда как объекты, состоящие между собой за наше внимание, очень часто имеют обтекаемую форму, вызывающую подсознательное стремление обладать.

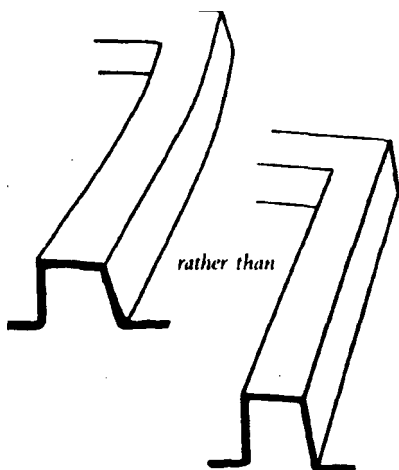
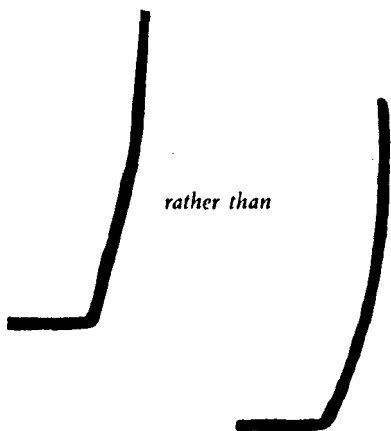

Немалая доля очарования традиционных мест сокрыта в том, что хотя и сложенные из прямоугольных элементов, линии никогда не идеальны

(дома в Лэвенхеме, графство Саффолк, и Кано - в Нигерии).

сонма дел и забот, от мира социальных обязанностей. Им

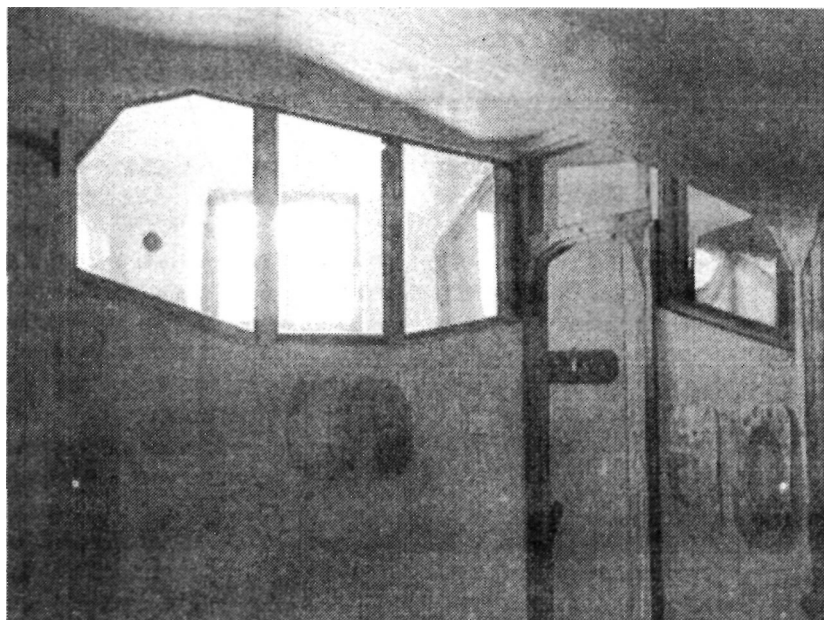
В качестве общего правила, легче превратить прямые в твердые изгибы и изогнутые - в полные жизни прямые линии, если довериться движению кисти и предплечья, которое в целом тяготеет к круговому.

в противоположность, прямые суть линии организации, часто - силы, но они высасывают жизнь. Здоровое человеческое существование местится где-то между обеими крайностями.

Иной раз нам нужна большая твердость в характере окружения, иной раз большая его текучесть, но никогда одна из них не может полностью доминировать. Не одни только прямоугольные перегородки и не одни лишь выгнутые, но сочетающие оба свойства. Необходимо привнести дополнительную жизненную силу в жесткость геометрии и придать твердости

непрямому, в особенности текучей форме. Первое достижимо путем смягчения зон контакта и самих встречающихся там поверхностей, второе - через принесение формообразующих начал в аморфные сами по себе формы. Последнее удастся, к примеру, когда очертания зримо отвечают силе тяжести или силе ускорения-торможения, что придает изгибу силу и жизненность, которых лишены дуги, являющиеся отрезком окружности.

Равновесие между организующим принципом и текучестью форм жизни не может трактоваться как просто еще одно качество, сила которого измеряется другими свойствами. Оно должно ежеминутно вплетаться в еди-

Различные поверхности и углы можно подтолкнуть к взаимодействию, в котором они, беседуя, формируют единое целое.

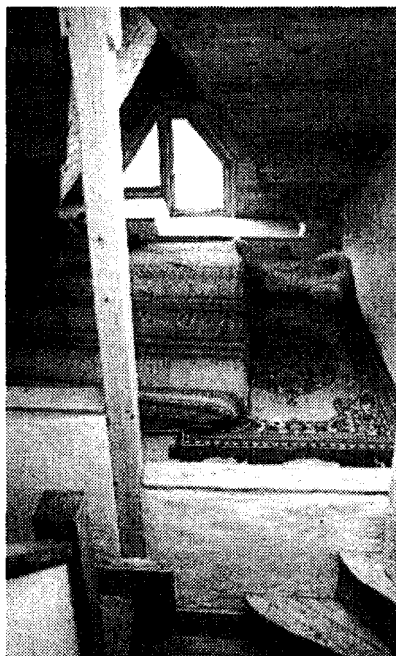
ное целое. Чересполосица из мертвых и аморфных предметов, подобная выстроенности вперемешку функционалистских и "органичных" сооружений вдоль улицы или кучку джунглей в виде зимнего сада, устроенного в суровой геометрии атриума, - это отнюдь не собеседование элементов.

Мы обитаем в мире, заполненном прямоугольниками сооружений. Вокруг нас немало и рукотворных обте-

каемых форм: потребительские товары (в особенности стильные автомобили) явно используют привлекающую способность округлости. Таким образом, наше окружение - особенно, если мы живем в городе - выстроено из стерильных призм и обманчиво убедительной, манипулятивной по характеру кривизны. Управляемый, утверждающий зависимость человека от других людей, преимущественно практический мир подчеркнуто прямоголен, объекты в этом мире, состязаясь за внимание покупателя или выражающие во-вне чье-то персональное начало, как правило приоб-

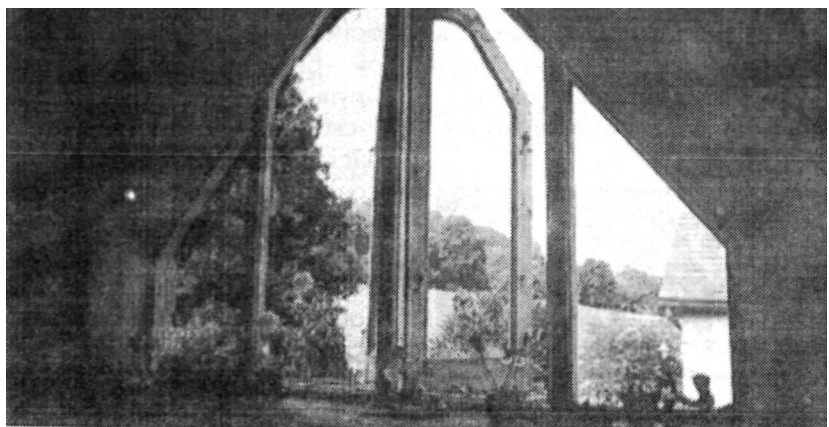
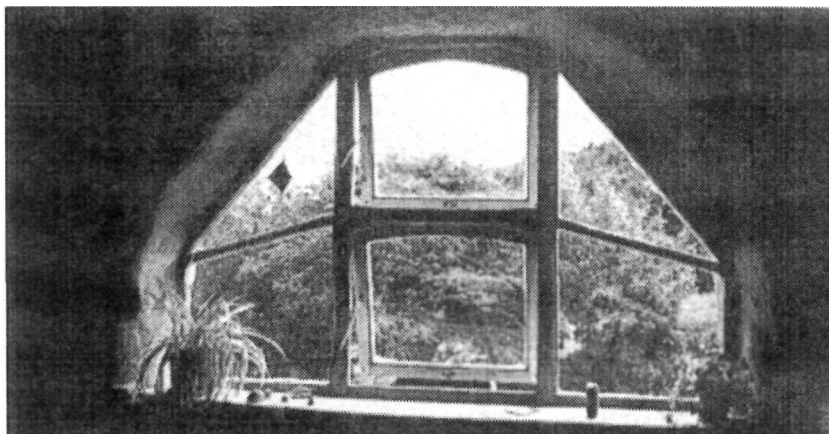

ретают обтекаемую форму. Ересь сверх-практичности и чувственное погружение в реакции внутреннего конфликта обрывает целостность человеческого существования.

Как при всякой полярной контрастности, и эта усложняет достижение гармонии; с каждой реакцией на внешний импульс мы утрачиваем толику свободы, потому что наши действия подчинены уже не осознанному выбору, а реакции на внешний раздражитель. Чтобы укрепить целостность, свободу и здоровье, необходимо найти способ, посредством которого сущность прямоугольного и сущность криволинейного могут быть осмысленно соединены.

Собеседование есть искусство вовлечения разобщенных частей в единое целое, возвышения каждой над тем уровнем, на котором она была загнана в тупик. Это относится к любому виду архитектурного отношения: ощущению перехода между внутренним и внешним, из одного пространство в другое, между соприкасающимися

ся зримо элементами. Это относится также и к взаимодействию между пользователем, архитектором и строителем.

Чтобы реально контактировать, отдельные элементы чаще всего нуждаются в некоторой модификации формы, чтобы отзываться на взаимность. Квадрат окна будет явно "выпадать" в сопоставлении с вогнутым потолком. При переходе из сводчатого коридора в помещение с другим очертанием потолка должно состояться некое перерождение, метаморфоза, чтобы их соотношение обросло значением. Это метаморфоза пространства и формы, способная отразить изменение в настроении, в опыте, который приобретаешь, переходя из пространства в пространство.

Этот единый принцип может быть привносим в любой вид контакта, так чтобы элементы не сталкивались между собой, а беседовали друг с другом, в идеале - чтобы они исполняли единую мелодию. Гармония окруже-

ния - отнюдь не излишество, не роскошь. Наше окружение являет собой каркас, который незаметно модулирует, организует и окрашивает самое повседневность. Гармоничность окружения дает опору и внешней, общественной, и внутренней или личностной гармонии. Гармония бывает достижима посредством верного применения правил, но сами правила без-жизненны. Гармония может также возникнуть и как неизбежное, полное жизни следствие вслушивания в беседу. Даже в той же самой группе людей разные моменты времени и разные места побуждают и разные формы беседы - тем естественнее это для несвязанных привычкой людей. Единый принцип способен порождать многообразие форм - отнюдь не обязательно таких, которые характерны для моей работы¹ Лишь само это вдохновляющее начало столь прочно угнездилось в ядре моего подхода к архитектуре, что я и не могу вообразить себе возможность работать без опоры на него.

7.

Обитаемое пространство

Мы обсуждали то, как взаимодействуют предметы, но что можно сказать о самих предметах, о пространственных интервалах между ними? Что можно сказать о воздействии самих форм предметов и пространств?

Если вылепить нечто из глины, залить сверху гипсом и затем выцарапать оттуда глину, получаются пустоты по форме точно такие же, как исходные тела. С формальной точки зрения можно было бы определить пространство как "негатив формы". Однако пустоты оказывают на нас совсем иное воздействие, чем формы тел. Ощущение пространства качественно отличается от восприятия формы. Что же тогда есть форма? И что - пространство? И в чем сущность их качественного различия?

Если на фоне обнаженного ландшафта обнаруживается объект - в особен-

ности рукотворный объект - он сразу же приковывает к себе взгляд. Даже если мы сознательно не хотим на него глядеть, наш взор непременно к нему вернется. В сугубо количественном выражении фабричная труба занимает исчезающе малую долю кругозора, но ее наличие окрашивает собой огромный по широте ландшафтный вид. Если в том же ландшафте обнаружится хотя бы намек на прикрытие, на замкнутость, в особенности там, где происходит встреча земли и воды или леса и поля, именно туда мы устремимся, чтобы сделать передышку в пути.

"Форма" есть свойство предметов, а предметы в некотором роде суть существования или даже существа. Сами по себе они мертвы, но их присутствие словно излучается во все стороны. Одни из них сильнее обозначают свое присутствие,

чем другие, как скажем, пластиковый стол, вторгшийся в уютную комнату. "Пространство" есть то, в чем обнаруживаются предметы и в чем могут быть существа. Здания представляют собой предметы - при виде снаружи и пространства изнутри. Их присутствие в среде лишь сильнее обозначено тем, что происходит внутри них. Иногда характер их предметной формы, включая единообразие, или отсутствие окон успешно скрывают происходящее внутри, и тогда такие постройки, особенно крупные, кажутся безжизненными великанами.

По всему миру эпоха благих намерений в области градостроительства оставила после себя пугающих, безжизненных монстров, возвышающихся среди огромных пустот не-пространства. В свое время и архитекторы и публика восстали против такого подхода, и теперь чаще встречается стремление к разнообразию форм сооружений. И все же еще очень сильно направление мысли, согласно которому индивидуально интересные сооружения улучшают окружение как таковые. Архитекторы думают о зданиях, смотрят на здания, реагируют на здания. Но ведь для всех прочих здания суть

лишь элемент ландшафта, а части зданий - фасады - суть элементы городского ландшафта и не более того.

Нас интересует то, что происходит внутри зданий или около них, сами же здания лишь задают настроение, что справедливо и для великой архитектуры. Люди заходили в средневековый собор не для того, чтобы разглядывать архитектуру, а чтобы принять участие в религиозном действии. Но это верно и для построек Ренессанса и для современных.

Тем не менее пойти на оперный спектакль, поставленный в голой сборной оболочке из железобетона, показалось бы несомненному большинству чем-то странным, как бы ни была хороша при этом акустика. Это и есть свойство архитектуры - установить модальность настроения. Точно таким же способом архитектура устанавливает пространственные границы для событий во внешнем городском мире - через застройку восприятия. Она воздействует на механику тела и на более тонкое отношение между настроением и душевным переживанием. Механика вхождения в контакт с другими людьми влияет несомненно на качество такого контакта, и сколь бы ни было

привлекательно архитектурное решение переполненного вокзала, толчея и суета в нем лишь усилят утомление, порождаемое уже самим фактом путешествия. И напротив - однажды клиент, заказавший проект ресторана, подчеркнул, что он хочет, чтобы посудомойка была обращена к залу, чтобы занятые мытьем посуды студенты ощущали себя частью собравшегося общества, а не были бы вытолкнуты из него на роль подсобных рабочих.

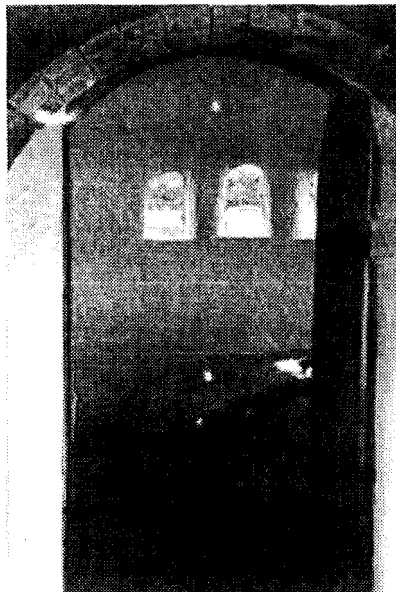
Форма влияет на взаимодействие. Округлый стол способствует тому, что едва знакомые люди втягиваются в общую беседу, тогда как прямоугольный - если за ним более шести мест - будет членить собрание на отдельные группки. У круга единственный фокус, и потому нет ничего легче, чем построить кирпичный купол - достаточно привязать левую руку, укладывая кирпичи, к столбику в будущем центре. Когда сидишь спиной к стене в круглом зале, его центр влечет к себе с той же силой, с какой был натянут шнур при разметке плана. Это прекрасное помещение для общины, для групповой медитации, для деревенских танцев или для общей дискуссии, но у такого пространство один порок -

жесткость, отсутствие гибкости.

Индейцу племени Сиу обитали в круглых жилищах, выстроенных по кругу, среди мира, который они мыслили себе круглым вместительством духов. Но фокус "тепе", каждого отдельного жилища - его очаг - никогда не располагался по центру, да и план жилища никогда не был совершенно круглым. Их мировой круг пересечен крестом сторон света, так что жесткая геометрия окружности оживает. Когда правительственные солдаты переселили индейцев - сначала в прямоугольные форты, затем в прямоугольные дома резервации, духовная связь Сиу с их окружением оказалась разорвана, и их культура оказалась подрублена под корень.

Обходя прямоугольную площадь по кругу, испытываешь всю резкость и некоторую регулярность изменений направления. При ориентации по странам света эта форма идеальна для того, чтобы сориентироваться самому, если утеряно внутреннее равновесие. Форма тверда и уравновешена. Освещение вносит в нее необходимый минимум разнохарактерности. Вот почему эта форма так естественна для

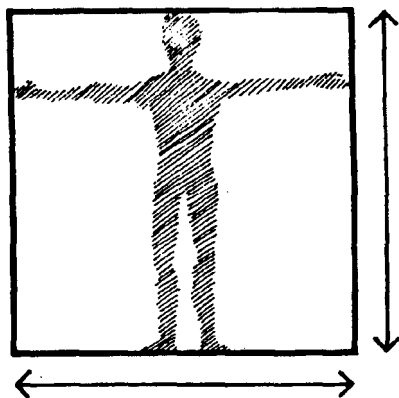
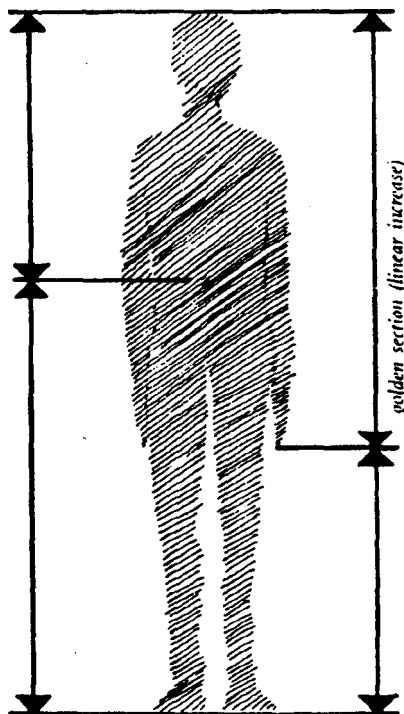

Круг - естественная форма для медитации или группового действия. Для того, чтобы оживить геометрическую статичность в этой круглой капелле, некоторый элемент осевого движения был задан группировкой оконных проемов. По чистой случайности ровность пола была нарушена скальным выступом, который здесь откопали. Мы обсуждали, не следует ли его убрать, но решили, что применение динамита вряд ли будет правильным духовным основанием для места, предназначенного к использованию в священных целях.

занятий лечебной эвритмией. Прямоугольные, тем более квадратные в плане помещения нуждаются в дополни-

тельных приемах, чтобы вдохнуть в них толику жизни - часто посредством скульптурной разработки потолка, поскольку плоский потолок превращает эти помещения в коробки. Во всяком случае, если квадрат лишен некоего смягчающего начала, излишне правилен, его непременно умертвит симметрия и точное повторение размеров по осям.

С чисто функциональной точки зрения, прямоугольные формы слабо соответствуют формам, движениям, потребностям в чувство защищенности, да и самому характеру мышления человеческого существа. Я отнюдь

1:1 (square)

форма и очертание пространства - в большинстве случаев за этот выбор ответственные лишь упрощение проектного процесса и приспособление конструкций к машинному производству.

Простейшая геометрия подчеркивает значение пропорций: в прямоугольной комнате пропорция очевидна каждому, но совсем иначе дело обстоит в пещере. В самой пропорции ничего мистического нет, так как классические пропорции обнаруживаются в строении человеческого тела, других природных тел, в отношении гармонизированных длин волны и уже затем в музыке и математике. Ничего удивительного в том, что именно такие пропорции нами воспринимается как гармонические. Они в известном

Одни пропорциональные отношения выводятся из строения человеческой фигуры в ее вертикальном положении, другие вовлекают и вертикаль роста и размах рук. Соответственно, все пропорции нечто означают.

не тяготею к проклятиям в адрес прямого угла, стараясь лишь добраться до его сущности. В наше время слишком уж много прямоугольности вокруг нас, куда больше, чем следовало бы. Лишь немногие прямоугольники были сознательно избраны как именно подходящая

смысле просто естественные. Осмысляя сооружение как внешнее тело, мы находим в нем естественность, если оно организовано в гармоническом отношении к человеческой фигуре. Но что, собственно, есть пропорция?

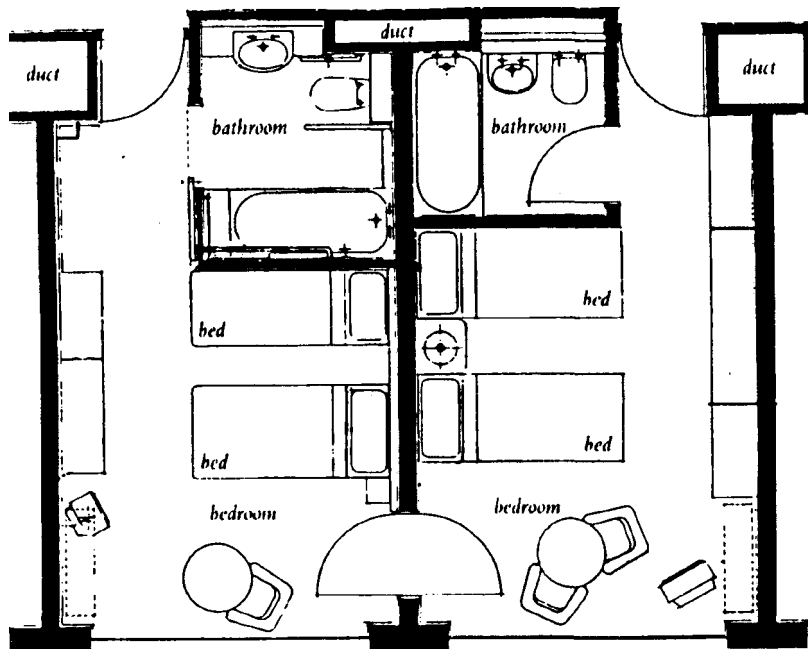
Пропорциональные ряды, используемые для пересечения под прямым углом, будут относиться к различным видам равновесия. Равновесие представляет собой некую форму динамической жизни, в нем движение скорее приостанавливается, чем застывает. Пропорциональные ряды, выстроенные в последовательности, будут относиться к различным формам разрастания. Соответственно, оба вида сочетаний различным способом относятся к различным состояниям бытия.

Соотношения между состояниями бытия и их поступательным нарастанием издавна трактуются как основание оккультных кодов. Великая культовая архитектура прошлого работала со значениями такого рода, вписывая письма в камень - во всяком случае и великие пирамиды и Шартрский собор интерпретировались многими таким именно образом. Но это тайные послания, явные лишь для посвященных. Но

они содержат в себе больше, чем просто самая устойчивая форма книжной записи, коль скоро и сегодня они несут в себе особые духовные качества, хотя мы, наверное, не можем в точности выразить, какие качества и почему.

Даже если мы и не понимаем их телесное происхождение, их космическое порождение или духовные значения, все же различные пропорции имеют и, так сказать, разный привкус. Если некто строит здание из прямоугольных элементов, организуемых по правилам геометрии, при полной свободе от критериев экономии пространства и функциональности, работать в опоре на пропорциональный ряд, несложно. Я так никогда не работал. Я стараюсь вырабатывать в себе чувство пропорции, чувство, в опоре на которое можно работать и тогда, когда элементы не поддаются определению в размерности. Такое случается во всех случаях, когда имеешь дело с выгибами или уклонами линий, когда - в зависимости от организации света - глаз читает или размер оконного проема или размер одного только стекла.

Есть вещи явно слишком низкие - уют может пе-

Иной раз планы зданий создают впечатление, что единственной заботой архитектора было "складирование" людей.

перерасти в угнетенность; есть чрезмерно высокие - помещение может приобрести беспокойную вытянутость вверх; есть слишком широкие и вид может оказаться черзчур широким, придавая комнате излишнюю раскрытость во-вне, вступающую в противоречие с ее функциями. У всего есть своя мера габаритов и пропорций. Стоит укоротить ручку ложки на 5мм, расширить окно на 5см или поднять карниз на

15см, и свойства целого изменятся весьма значительно. Если же сосредоточиться на состояниях души, на настроениях, которые хочется придать Месту, пропорциональные отношения возникнут сами собой. Они явно верны (или ложны) для той или иной духовной интерпретации функции, и обычно лишь пост-фактум их можно проверить математически.

Сакральная архитектура, будучи отображением Царствия Божьего на земле, всегда была миром пропорций. Извращение ее сути, получив мощный толчок со стороны механистического типа

мышления и промышленного производства элементов, составляет основу современной архитектуры. Хотя наследие сакрального строительства может порождать многообразие форм (подобно орнаментам Ислама), магистральным направлением и здесь была конвенция прямоугольности построек. Принимая во внимание разрастание материалистической философии и тем более обыденного мышления с Римских времен, в этом нет ничего случайного.

Прямоугольная решетка способна совладать с хаосом. Вставив внутрь книжных полок вертикальные перегородки, мы немедленно привносим порядок в первоначальное нагромождение. Божественная природа античной архитектуры нуждалась именно в такой строгой геометричности, чтобы воплотиться в земном материале. Римляне, глубоко поглощенные идеей привнесения порядка в материальный мир, пользовались геометрической решеткой именно в целях всемерного упорядочивания градостроительства. Колонизация Северной Америки, осуществлявшаяся правительствами, также и по тем же соображениям использовала геометрические сетки для разметки административных

районов, частных владений и, позже, дорожной сети. Хотя случайные сочетания жесткого рисунка плана с рельефом могут иногда порождать немалый эффект, в целом такие планировки несут в себе естественную тенденцию организации коробкообразных зданий в рамках прямоугольных кварталов. Остро недостает жизненных, возбуждающих воображение, разнообразных и вместе гармонизированных форм. Отнюдь не случайность, что США (и особенно в шестидесятые годы, время господства прямоугольника) оказались бесспорным лидером и по экзотичности обтекаемых автомобильных форм и по распространению галлюциногенов.

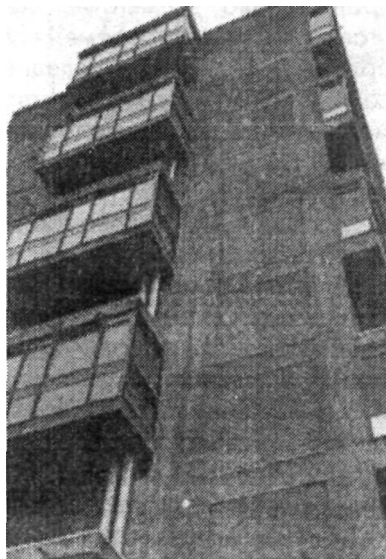
Во всех развитых странах мира, опорой которых является обладание материальной собственностью, господствующей формой дома остается брусок. На протяжении всей истории страны, где окружение основано на геометрической решетке, возглавляли технический прогресс - прикладную науку практической сферы. Прямоугольные пространства не слишком хороши для поддержания жизни, но зато как они удобны для складирования вещей. Стеллажи для папок, для "дел", которым была бы

придана органичная форма, были бы явно непрактичны.

В наши дни большинство помещений прямоугольны и ограничены жесткими, идеально выглаженными поверхностями. В них даже тех смягчающих черт, вроде орнаментации или раппорта рисунка, сочных обрамлений каминов, заглубленных стеллажей, дверных проемов, врезанных по диагонали, эркеров или разработанной лепнины, с помощью которых обитатели Викторианских домов смягчали их коробчатые формы. Нередко приходишь в помещения, в самом деле спроектированные как

"склады" для людей - это вычитывается прямо из анализа плана или стоит заглянуть внутрь.

Помещения такого рода можно сделать обитаемыми лишь с помощью мебели, домашних растений, декоративных предметов и всего прочего, что способно привлечь к себе внимание. Чтобы этого добиться, нужно как правило довольно много предметов. При минимуме обстановки, такие помещения вовсе не спокойные и священные Места, а всего лишь пустые и стерильные коробки. В таких пространствах, как в витринах магазинов, весь интерес заключен в разнообразии

При взгляде снаружи, здания, построенные таким образом, в глазах множества людей также выглядят как этажерки для складского хранения людей.

разии вещей. Случаются комнаты, в которых необходимо иметь множество - обычно весьма дорогих - вещей, чтобы сделать их наготу переносимой. Немало таких помещений и даже садов, где лишь орнаментация, лишенная иного назначения, способна привнести чувство обжитости.

Дело вовсе не в том, что прямоугольные помещения удобны для того, чтобы помещать в них вещи: им не-

обходимо множество вещей, чтобы вообще превратить их в комнаты, где можно жить. Они и результат и средство самоподдержания материалистической культуры.

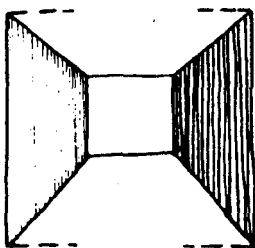
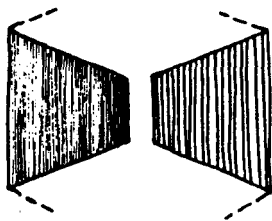
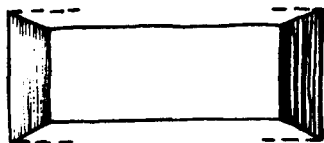
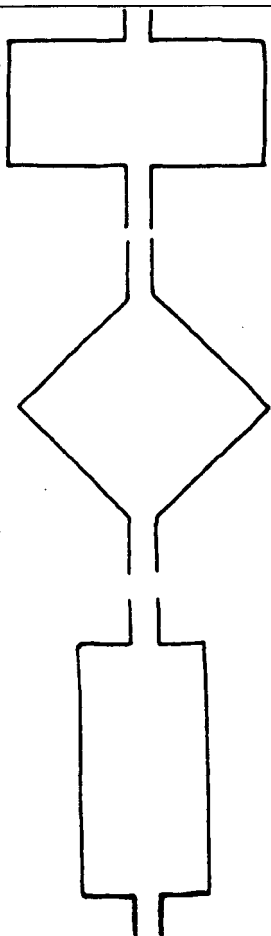
Необходимо особо подчеркнуть, что дело не в прямоугольности как таковой, но лишь в ее способности отсасывать жизнь у живого. Там, где материалы, фактуры, свет и цвет, живые линии и, главное, человеческая деятельность могут заново вдохнуть жизнь в такие формы и пространства, практически и нормативно-культурные свойства прямоугольного могут обращаться в достоинство. И все же в целом я ощущаю себя гораздо легче, работая с нерегулярными или смягченными в очертаниях пространствами.

При всей стерильности, при всей силе ассоциаций с сугубо материальным, прямоугольные сооружения составляют главную линию развития европейской архитектуры в течение тысячи лет. Однако раньше они не были идеальными прямоугольниками в плане, тогда как формы кровли в значительной степени смягчали форму целого. В наше время прямоугольники, их поверхности и линии кровель стали и тверже и геометрически правильнее.

Более того, внешнее пространство, ограниченное сооружениями, редко бывало в точности прямоугольным. Даже когда к этому стремились, некоторая живость привносилась уклонами рельефа и легкими различиями самих зданий. Типическая городская площадь оказывалась скорее "прямовидной", чем прямоугольной. Пространства или, другими словами, места, в которых протекает человеческая жизнь, делались живыми, а не мертвыми, какие порождаются одной геометрией.

Хотя законы геометрии лежат в основе строения форм живой природы, прямоугольных живых существ не бывает. Нет ничего более контрастного миру естественных форм, чем формы, образованные встречей прямых под прямым углом, - последние, во благо или во зло, рукотворны. Их применение в древней сакральной архитектуре есть язык взаимоотношения человека не с миром окружающей его природы, но только с миром космических сил и законов геометрии.

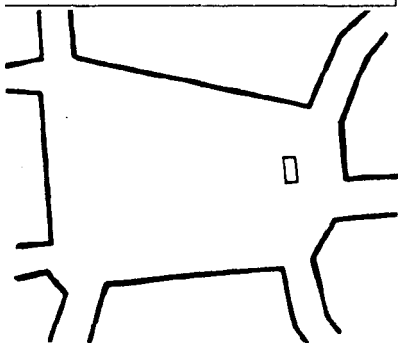
С течением времени эти формы приобрели самостоятельный социальный статус: дома знати, поверхности, выглаженные инструментом ремесленника, обособились

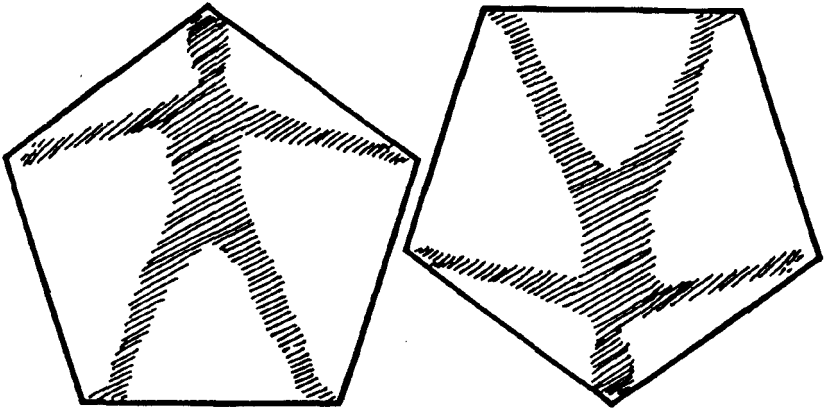
ПГ

То, как мы входим внутрь прямоугольного пространства, мощно влияет на то, как мы его воспринимаем.

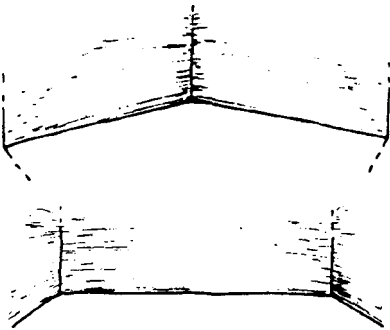
До наступления эпохи осмысленного градостроительного проектирования типичная городская площадь не имела обычно правильной геометрической формы.

*Что есть пентаграмма:
священное пространство или
печать дьявола?*

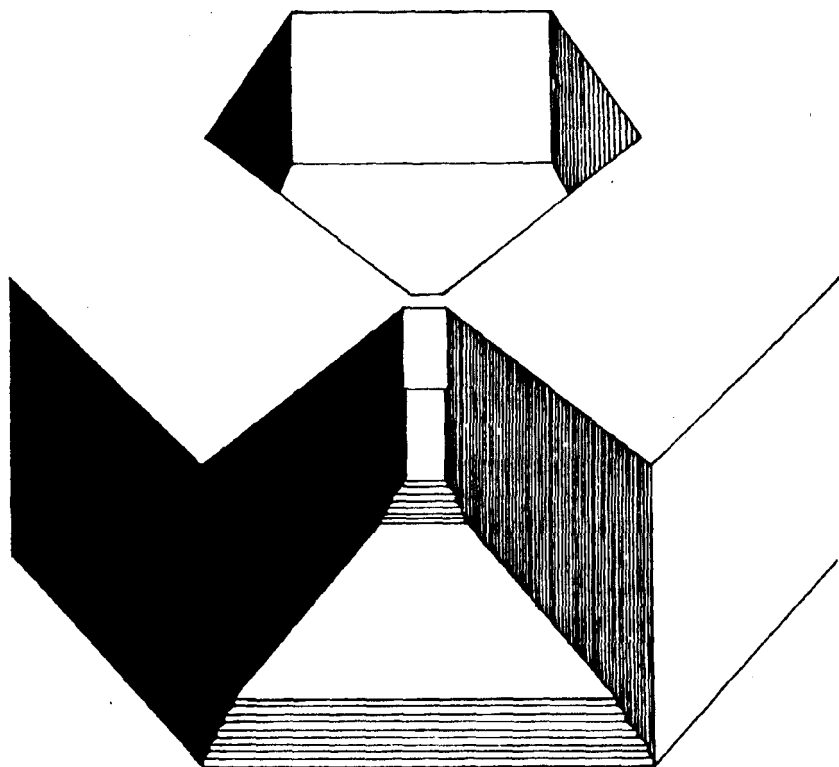

*Если мы войдем внутрь
пентаграммы через середину од-
ной из сторон, открывающееся
пространство приглашает
вовнутрь, если с угла - задняя
стенка будет резко противос-
тоять нашему движению.*

от крестьянской хижины прежде всего точностью формы, ее геометрической правильностью. В наше время прямолинейные формы и ком-

пьютерная графика идеально соответствуют машинному производству. Лишенные космической оправданности и заботливой ручной доводки, эти формы напрочь лишены жизненного начала. С другой стороны, чисто органические формы, свойственные окружающей природе, лишены печати сознания человека. Жизнетворные формы человеческого окружения должны обнаруживаться где-то между этими двумя крайностями, как это свойственно дуализму самой человеческой природы.

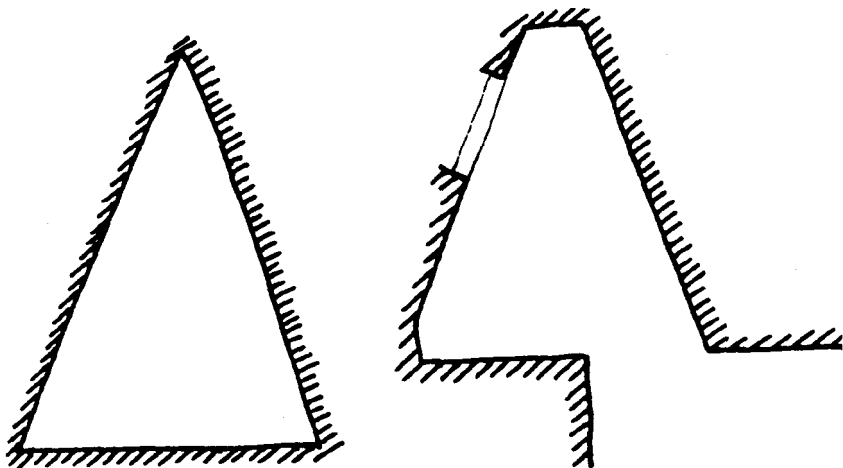
Места нашего обитания, места, которые мы используем, хотя бы ступень отделены от мира природы. В самом деле, большинство жилищ, включая и древнейшие с их земляным полом, отделены от внешнего мира хотя бы одной осмысленно выполненной ступенью, одним

"Пентаграммудьявола"
 несложно развить в мощное
 пространство с фашистской
 окраской.

оформленным шагом. Не случайно одним из профессиональных затруднений при проектировании входов, удобных для инвалидных колясок, является утрата осмысленного перепада уровней, который играет ключевую роль в определении перехода из одного места с его особым настроением в другое. Боль-

шая гостиная, в которую раскрываются и кухня и спальни, может быть и лишь своего рода транспортным перекрестком и местом отдохновения. Все будет зависеть от перемены уровней, от возможности сделать оформленный шаг вверх, к свету и бодрости, и вниз - к уютной замкнутости, к защищенности. Там, где невозможно организовать перепад уровней пола, я стремлюсь достичь того же эффекта, используя перепад высоты потолка, уровня освещенно-

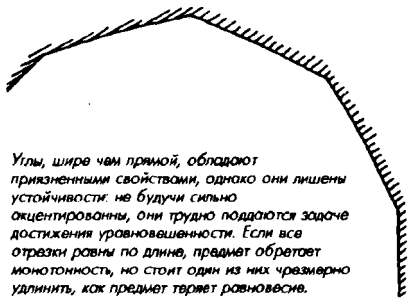
Даже крайне неприятную для места пребывания форму плана можно преобразовать в привлекательную, если ее острые углы срезать так, чтобы превратить их в парутупых углов. Теперь помещение превратилось в очень приватную емкость, особенно если асимметричным образом разместить окно на одной стене.

сти, соотношенности с уровнем земли снаружи и т.п.

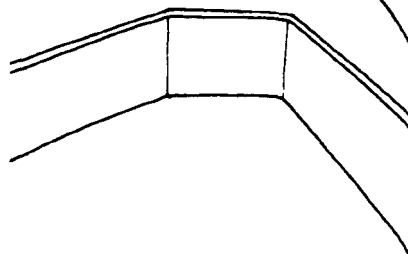
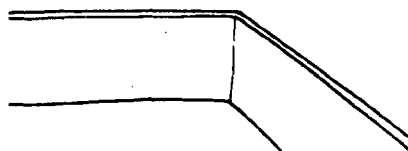
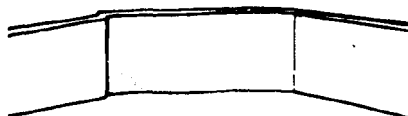
То, как мы заходим внутрь даже жесткого прямоугольного пространства, окажет сильное воздействие на наше восприятие. Это воздействие еще сильнее, если пространство не имеет правильной формы. Культурная традиция приписывает пентаграмме то священные, то демонические свойства в зависимости от того, прямо или в перевернутом виде она

рассматривается. Я не мог понять этого, пока не попытался вжиться в опыт восприятия встречи с этой формой. Входя посередине одной из сторон, мы видим перед собой влекущее внутрь замкнутое пространство, но войдя с угла, мы обнаружим перед собой несокрушимую благодаря симметричности, грубо противостоящую нам стену, сила которой сковывает всякую свободу личностного начала. Может быть, это излишние тонкости?

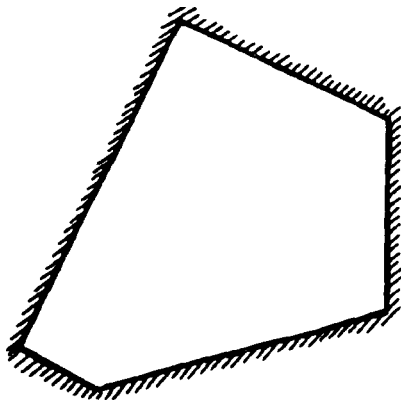
Не знаю, но если бы передо мной стояла задача создать сугубо фашистское переживание пространства судебного зала, к примеру, то я постарался бы усилить свойства перевернутой пентаграммы. Постарайтесь это вообразить! Возникающий эффект столь мощен, столь про-

Углы, шире чем прямой, обладают приязненными свойствами, однако они лишены устойчивости: не будучи сильно акцентированны, они трудно поддаются задаче достижения уравновешенности. Если все отрезки равны по длине, предмет обретает монотонность, но стоит один из них чрезмерно удлинить, как предмет теряет равновесие.

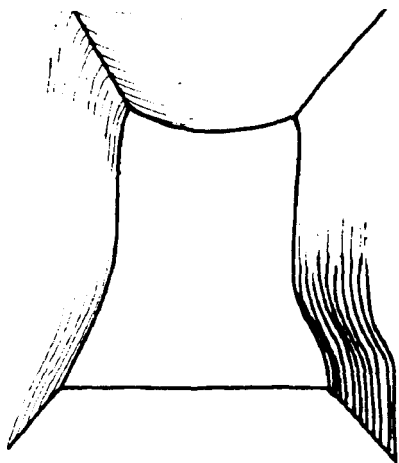

тивоположен чувству свободы, что нельзя не подивиться тому, что он не был исполь-

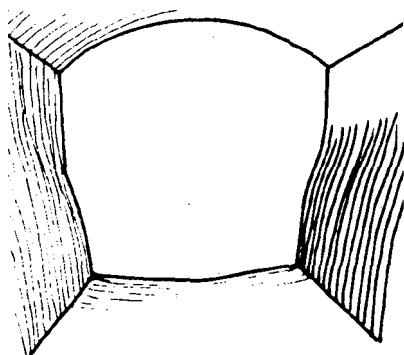

Чтобы обрести устойчивость, пространством такого типа необходимы один или два прямых угла в роли "якоря" - это, разумеется, отнюдь не правило: просто я нередко делаю это интуитивно, не задумываясь специально.

зован. Только сейчас, достигнув определенной зрелости, я начал всерьез переживать качества правильных геометрических форм и пространств. Именно поэтому я редко их использую - с ними опасно играть. Мне известно, что великие пирамиды строились и как пространство естественного бальзамирования, что в их силовом центре не только сохраняются без тления попавшие туда мыши, но что там фараон во время инициации мог пережить нечто, вроде физической смерти, не умирая. Мне известны опыта, когда люди строят пирамиды, в которых они "подзаряжают

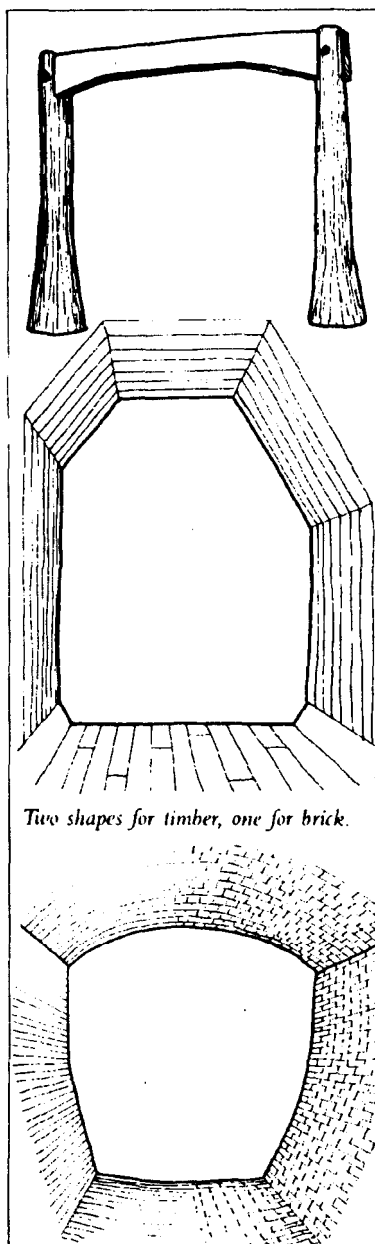

Такое пространство явно небезопасно: потолок провисает под тяжестью, стены продавлились и словно колеблются. Может это и недурно в полотне, но невыносимо в бетоне.

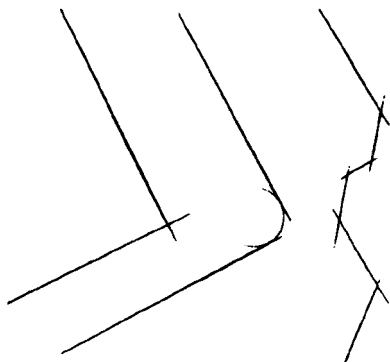

Напротив, такое пространство мы воспримем как устойчивое, надежно охватывающее, безопасное.

Две формы для выполнения в дереве, одна - для кирпича.

Two shapes for timber, one for brick.

В этих линиях акцентирована именно сама линия и ее прямизна, тогда как место их встречи скорее случайно. Меня учили, что архитектор должен чертить именно так. Эти линии "чувствуют" момент поворота, и сами линии служат лишь поддержке ключевому моменту. Когда их рисуешь, всем своим телом ощущаешь форму и то, как она поворачивается под карандашом.

Такой угол может состояться под любым углом встречи плоскостей или криволинейных поверхностей. При восприятии он может приглашать и обнимать или исключать, выталкивать или защемлять.

Так ощущается пространство, если свести его к плану, но те же формы воспринимаются совершенно иначе в разрезе. Здесь мы ищем стен, которые надежно покоятся на земле, потолка, который надежно прикрывает сверху. Конечно же, такие формы будут совсем иными в зависимости от материала.

ся", и где сами собой правятся лезвия бритв...все это слишком серьезные штучки, чтобы играть с ними, не зная твердо, что ты, собственно, делаешь! Я во всяком случае ощущаю себя на куда более прочном грунте, когда создаю архитектуру всего лишь из стен, пола и кровли.

Все такие формы как бы подразумевают замыкание кривыми, но лишь некоторые выполняются в криволинейных поверхностях. Другие образованы прямыми, хотя желательнее "не вполне прямыми".

Итак, мы немного поразмыслили на тему прямого угла. Теперь мне хочется остановиться на свойствах внутреннего угла как такового.

Мы обычно мыслим линиями, но глаз не видит самой линии. Он регистрирует грань, вдоль которой

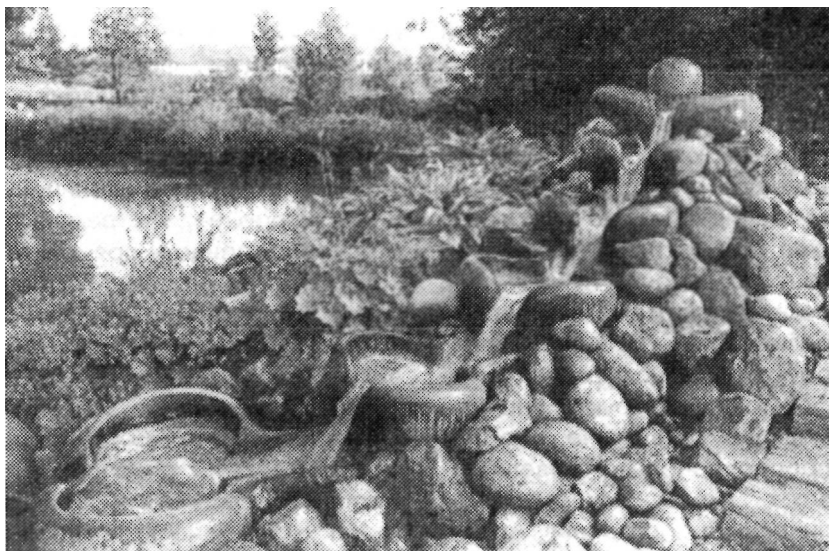
один цвет или тон встречается с другим. Линейный рисунок - не более, чем условный код для отображения того, что мы видим. Контуры блокируют восприятие, замещая его полноту застывшими "идеями", но все искусство архитектуры строится на контуре. Проект нуждается в работе с чертежом, а чертеж базируется на линии. Только работа в сугубо скульптурной формой, которую сначала моделируют в глине, а затем пропорционально увеличивают, может обойтись без линейного построения. Архитектура строится в линиях, но что это за линии? Одни являются собой чистую абстракцию, образуемую кончиком чертежного инструмента, другие же оживляют границу, которую описывают. Когда архитектор вычерчивает линию, она будет воплощена в материал независимо от того, была ли она изображена с чувством, внутренней энергией жеста, или безразличным образом.

Как правило дел обстоит так, что даже проектируя здание органичных форм, почти невозможно избежать хотя бы нескольких более или менее строго прямых линий. Иногда, ради достижения устойчивости, я сознательно избираю их вместо кривых.

Но я хочу, чтобы в них оставались жизнь и ее хрупкость. Применяя цвет, фактуру, модулирование формы, взаимопроникновение элементов, срезая углы, используя поверхности нечеткой криволинейности и прочее, я стремлюсь к одному - придать прямой те качества нежности, гармоничности и полноты жизни, которые характерны для кривых.

Если прямые привнесут отношения напряженности между четко очерченными жесткими предметами, кривые "поют". Они вносят в целое чувство полноты жизни и свободы - так полон жизни горный ручей, способный очиститься от биологических загрязнений на протяжении нескольких миль своего пути. Вода, истекающая из резервуаров по прямой - в канале или трубе, имеет ослабленную способность к поддержке жизни. В текучей воде выпусков из резервуаров или в трубе с гладкими стенками не живет ничто.

Именно эта жизнетворная сила трехмерной криволинейности и ритмически колеблющегося движения, столь характерных для естественных водных потоков, развита и усилена изобретением "фолуформ", на которые мы ссылались в главе 4.

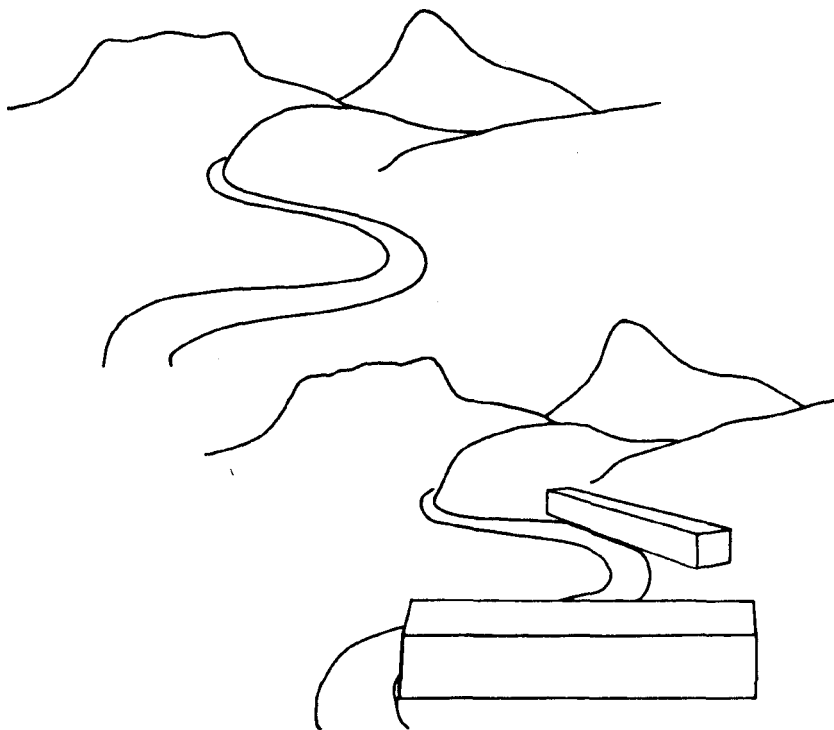
Остаточные жизненные потенции сточных вод многократно усилены их ритмически-колебательным движением по трехмерным поверхностям. Их пропускают через каскад "флоуформ" и открытых, заросших водоемов. Стоки, которые обычно трактуют как одностороннюю и чрезмерную биологическую нагрузку на среду, рождающую мертвые воды, здесь, за счет стимулированного биологического процесса, преобразуются в поток животворной воды.

В китайской традиции местности с гармоническим сочетанием качеств определяются как источник сил физического и душевного здоровья. Эти силы расходятся по ландшафту по системе кривых

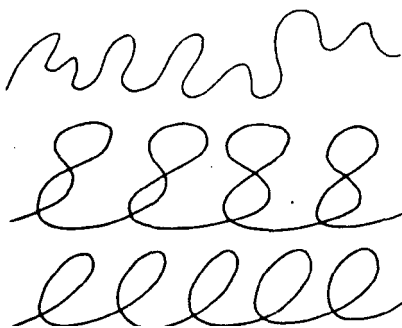
естественных, подобно рекам, и рукотворных, подобным улицам. Прямые блокируют распространение сил, придавая местности нездоровые свойства - именно такие участки задешево уступались западным колонистам.

Если однако все формы вокруг излишне мягкие, трудно помнить о мирских задачах, обязанность действовать, задачу служить нуждам других людей. Это формы, свойственные "перекати-полю", округлым укрытиям из веток и полотнищ. Мягко скругленные, подобные уютному чреву, это пространства, в которых можно просто "быть", но не места для труда, для концентрации мысли и дела. Ус-

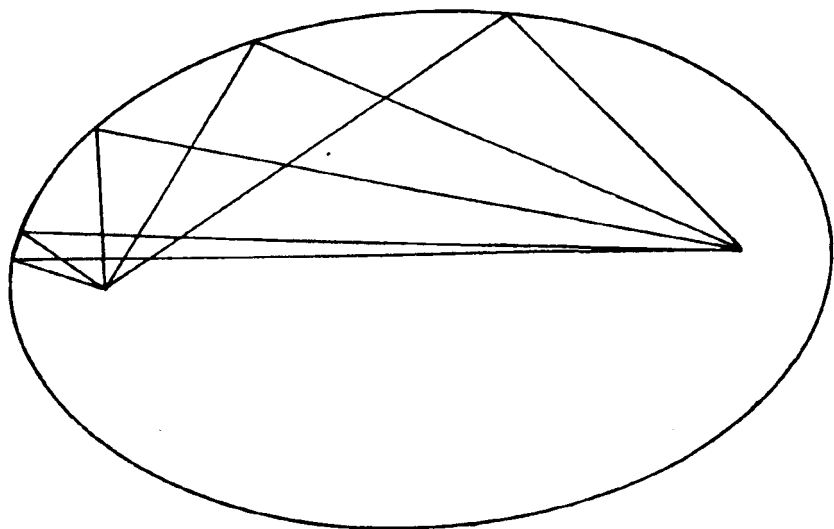

Китайскую традицию "чен-фу" можно прочесть как собеседование материи и космоса: считалось, что свойства разных планет, получая земное предметное воплощение и вступая между собой в правильные отношения, несут в себе животворную силу. Кривые несут в себе информацию о своем происхождении, о цели своего движения и о том, что встречается на их пути, в форме непрерывной беседы между собой. Прямые, с их бесчувственной, навязываемой и отчужденной натурой, перегораживают и разрушают такие гармонизированные жизнотворные силы.

тойчивость окружения (но не чрезмерная, не подавляющая) необходима нам по сугубо внутренним резонам - достаточное присутствие прямых

Эллипс привязан к двум своим фокусам по формуле ($a + b = c$). Чтобы его построить, достаточно нитки с гвоздиками, просунутыми в петли по концам, и карандаша, натягивающего нить при обходе обеих точек опоры.

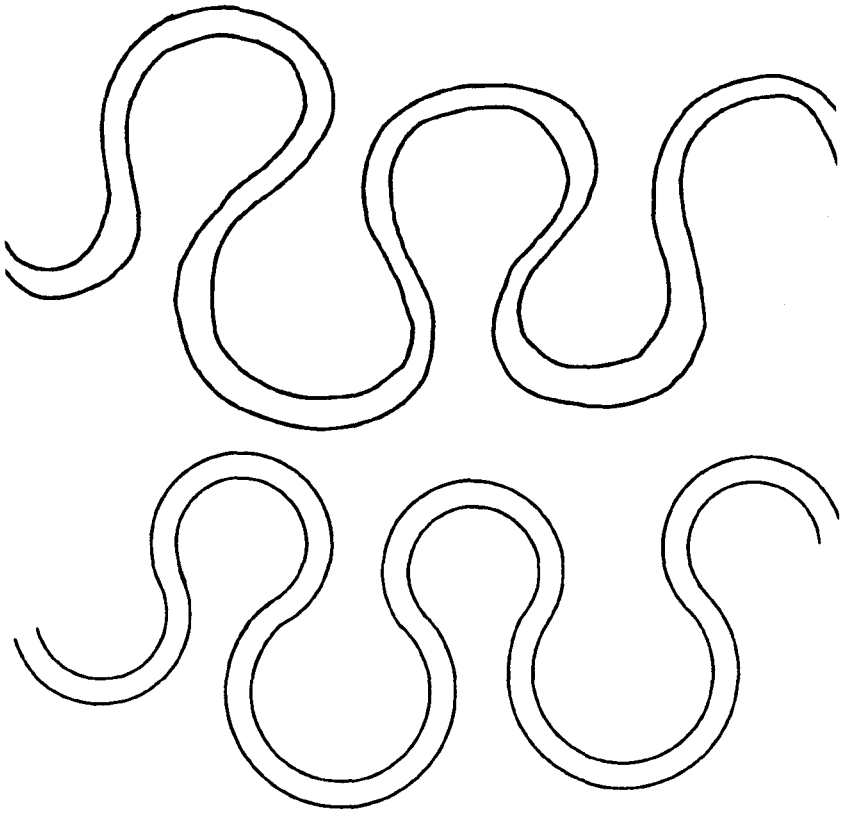
или их силы, переданной кривым, геометрии и конструктивным принципам позволяет ориентироваться в жизни, придает каркас повседневности существования.

Что я имеют в виду под "сильными" кривыми? Если начертить правильную дугу, в ней будет качество постоянства. Если руке будет позволено вывести свободные каракули, в линии не будет иной организации, чем та, что неизбежно привносится

движением нашего тела.

Если "дышать" линией - вдыхая, выдыхая, ускоряя и замедляя ритм, кривая всякий раз будет обладать другим свойством.

В этом скрыта основа кельтской или аналогичных "плетенок" в рисунке - вдыхание самой жизни в природу линии. Управляя видимым "дыханием" линий, кельты умели также модулировать их течение, как это происходит в устной речи с дыханием как таковым. Звуки нашей речи не так уж случайны: они физиологические соответствуют тому, как мы используем дыхание для создания интонаций, для выражения значений и настроений без помощи слов. Именно в этом смысле

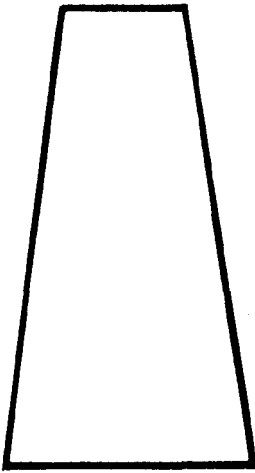

Чем медленнее течет река, тем сильнее рисунок меандра.

Меандр не строится на основе циркульных кривых.

можно интерпретировать готическую архитектуру с ее высоким напряжением кривых как речь без слов, как выдыхание смысла, вписанное в камень. Это, разумеется, лишь частичка целого - требовалось посвятить полжизни

окультным студиям, чтобы овладеть секретом профессии в готическую эпоху. В наши дни мы утратили какую бы то ни было связь с давним тайным знанием, но нам нужно самим найти доступ к воздействию разных форм, воспитывая в себе понимание собственных переживаний в пространствах различных форм. В пространствах, которые нас привлекают, отталкивают, которые полны напряженности,

Иерархическая, подавляющая форма трапеции.

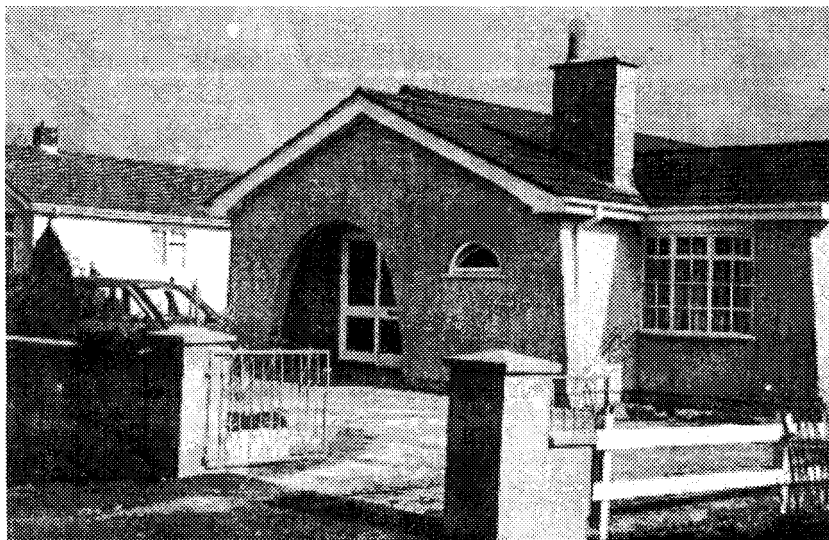
власти или успокаивают и расслабляют, которые дают нам возможность ощущать себя свободной личностью.

Чтобы лучше понимать природу кривых, можно установить с их миром контакт через математический мир науки. Как и окружность, эллипс строится одним отрезком нити, но при удвоении фокуса. Уже поэтому эллипс несет в себе свойства и одномерности и первичной двойственности. Именно поэтому, наверное, эллипс в плане так подходит иерархизированному пространству с некоторой претензией на демократичность - столы заседаний нередко имеют эту форму. Там, где иерар-

хическое начало сильнее, столу придают форму трапеции, и это очень практичная форма: всем видно главное лицо и ему видны все. Залы, аудитории нередко принимают эту форму как в плане, так и в разрезе. Это форма иерархического отношения - не случайно при стремлении превратить "лекцию" в дискуссию мы прежде всего стараемся сдвинуть стулья так, чтобы возник круг.

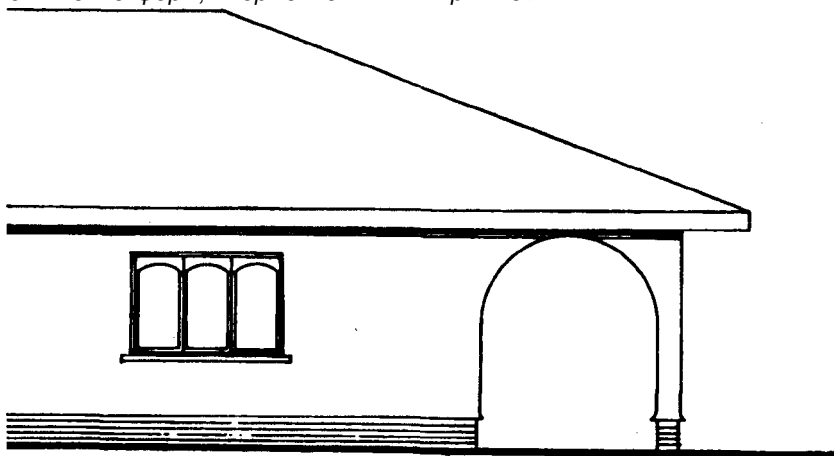
Строгие наблюдения проливают дополнительный свет на игру прямых и кривых. "Чертежные линии" - прямые пути к цели - суть абстракции. И животные и люди движутся по кривой. Мы отнюдь не меняем направление движения одним рывком, как это делается на экране компьютера. Мы осуществляем это изменение плавно, в процессе движения шаг за шагом. Изучение потоков жидкости показывает, что они всегда тяготеют к кривой, и ни одна река не течет по прямой без активного вмешательства человека. Чем медленнее поток, тем сильнее выражен рисунок меандра.

Подлинный меандр не являет собой сочетание циркульных кривых, будучи живым соединением движения, ускоряющегося при перетекании в кривую, с замедляющимся

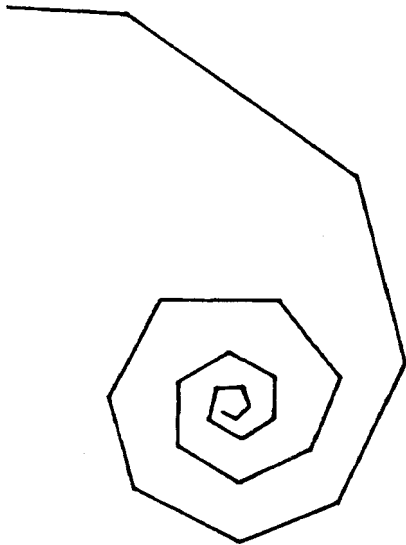
*Хотя в целом кривые
привносят в решение здания
смягчение форм, вторжение*

*чужеродных циркульных арок
раздражает взгляд сильнее, чем
прямые линии.*

*Циркулярные арки, не
имеющие в себе родства с
соседними формами.*

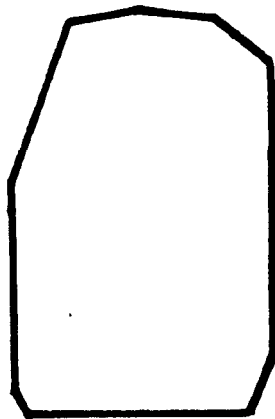
*движением по кривой при
перетекании ее сначала в
прямую, а затем в следующий
изгиб. Поэтому силы ускоре-
ния-замедления выражаются*

Ускоряющаяся кривая - спираль, образуемая прямыми линиями.

наличием скрытого напряжения между изогнутым и прямым следом движения. В отличие от этого, дуги, являющиеся отрезками окружности, всегда несут на себе отпечаток статичности.

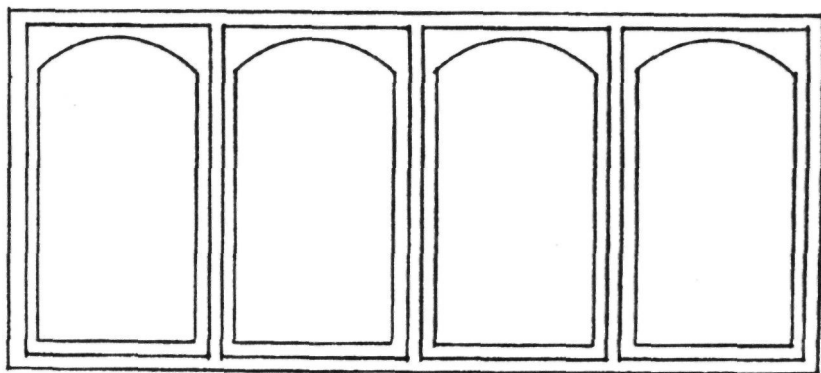
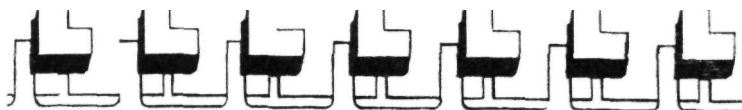
Время от времени строители спрашивают меня о величине радиуса кривой замыкания проема, а я не могу ответить на этот вопрос, поскольку попросту рисую форму, которая кажется мне верной. Теперь, осмысляя опыт, я точно могу сказать, что они никогда не бывают циркульными. Вопрос строителей не случаен - в последнее время в Англии распро-

Интерьер с криволинейными очертаниями, образуемыми применением материала с характерной плоскостной природой, вроде листов сухой штукатурки.

странилась мода на арочные формы в бесчисленных "бунгало", и это как правило циркульные арки, не имеющие никакой поддержки в других элементах фасадов.

Если рисуешь ускоряющую кривую или хотя бы проводишь вдоль нее кончик карандаша, не касаясь бумаги, возникает ощущение скрытой силы, которую линия словно встраивает в ту форму, что образуется в пределах линии. Когда чуткость к жизни, укрытой в кривой, выработана в достаточной степени, возникает чувство свободы соединения элементарных плоскостей посредством

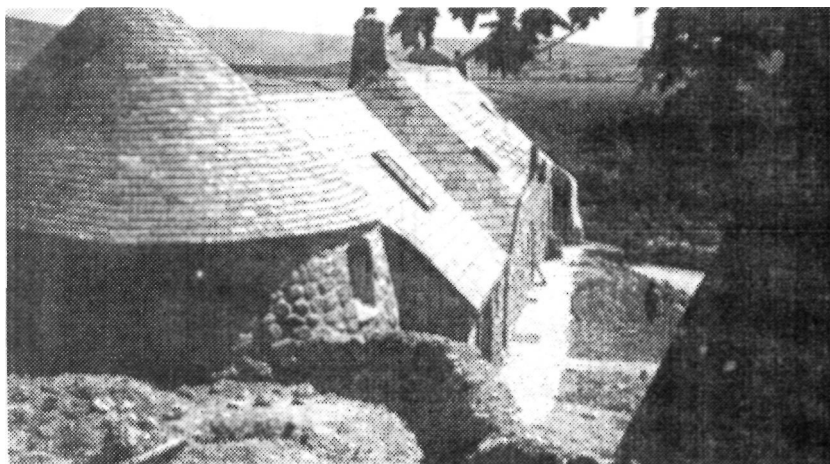
Подобно чрезмерно насыщенному цвету, повтор отнимает у зрителя толику его свободы. Трудно не уступить воздействию повторяющегося музыкального ритма. Ритм несет в себе первичное трансформирующее воздействие жизни, но лишь метаморфоза способна углубить это влияние.

криволинейных переходных звеньев.

Все это говорилось о пространствах, но и сами формы отличаются мощью воздействия на наше восприятие. Наш опыт велик, так что не требуется ехать в Москву, чтобы, ощутить, как ряды и ряды гигантских коробок откровенно стесняют индивидуальную свободу. Как и во всем мире, в Советском Со-

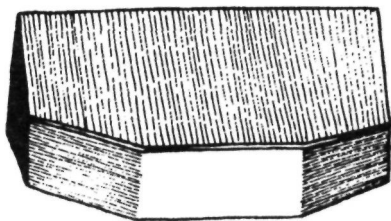
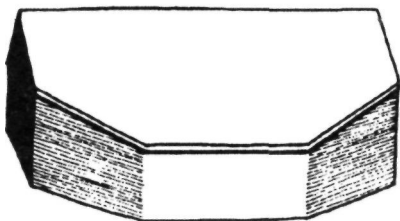
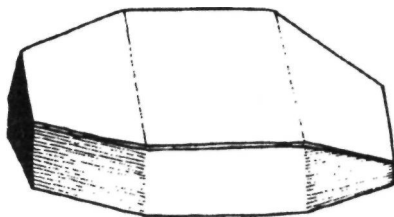
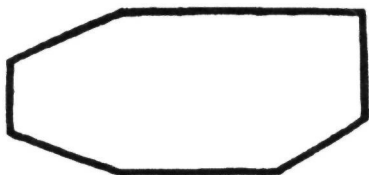
юзе целью было дать людям жилище. Но бюрократии не могут не относиться к людям иначе, чем как к статистической массе, почти тождественной массе материальных объектов. Сказывается также и тенденция исходить из идеи зависимости индивида от учреждения, которое предоставляет ему жилье. Многоэтажные коробки оказываются вполне естественной формой для выражения философии зависимости. За ними не стоит сознательный акт выбора именно этой формы, а коль скоро выбор не был осуществлен, возникший результат в известном смысле неизбежен.

Дело не только в самих коробках, огромности их размеров и утраты способно-

Внешние оболочки округлых пространств - цилиндрические или конические формы - трудно объединить, так чтобы создать целостную систему

Мест. Это достижимо, но значительно сложнее, чем при работе с формами прямолинейных очертаний,

Даже несложный план при его перекрытии кровлей дает основу для возникновения широкого диапазона форм.

сти отличить одно индивидуальное жилище от других - угнетающий эффект создается прежде всего повторяемос-

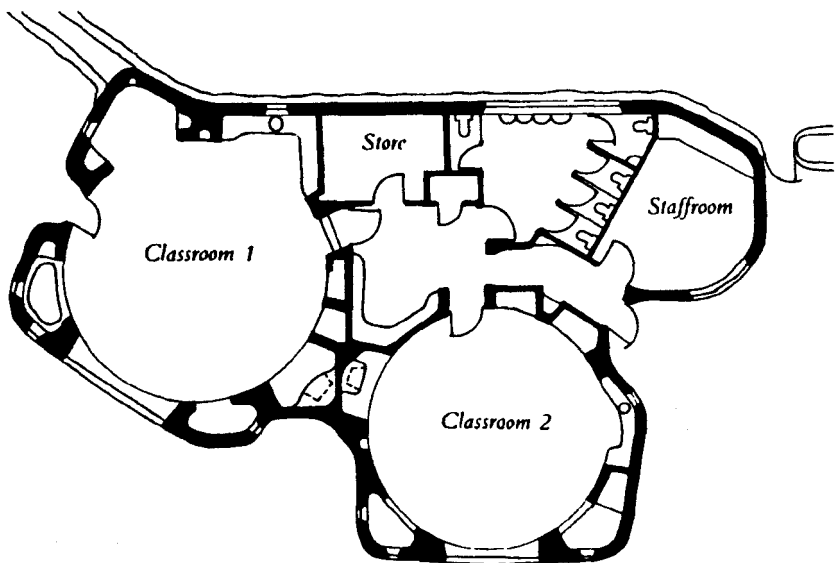

тью. В любой абстрактной концепции заложена способность к бесконечному самоповторению, пока она не вступит с действительностью в столь явное противоречие, что некая модификация замысла неотвратима. В каждом зернышке заложена, так сказать, чистая идея растения - архетип. По мере того, как растение развивается, специфичность его окружения, будь то почва или климат, начинает все сильнее воздействовать на архетип, видоизменяя его. При внимательном разглядывании даже соседние кочки на лугу не вполне схожи, тогда как деревья могут столь различаться между собой, что мы умеем обнаруживать в них подлинную индивидуальность. Само движение во времени являет собой процесс метаморфозы, так что молодая или зрелая, ранняя или поздняя листва образует совершенно различные формы якобы одного и того же.

Когда мы строим объекты, не способные развиваться, мы тем самым противостоим жизненным процессам, отрицаем живую реакцию на окружение, на контекст. В этих случаях мы навязываем миру одни мертвые концепции, не способные даже видоизменяться под об-

ратной реакцией материала - так, как в природе нередко облака воспроизводят рельеф или форму ландшафта, в свою очередь образованного метаморфизмом целых серий или типов форм.

Повторения вполне обычны в строительстве. Если повторять и предметы и интервалы между ними, сам собой возникает ритм. Если ни предметы, ни промежутки не изменяются, ритм оборачивается удушающе ровным метром, мертвым и отталкивающим. Чтобы оставить зрителю или слушателю некую свободу, и предметы и интервалы должны как-то эволюционировать, начать переключку друг с другом. Именно так активный слушатель участвует в ритмах жизни, в росте и увядании, усилении, обогащении, переворотах качества и пр. Переплетенность с ритмикой самого тела, его пульсом и дыханием, сопряженность с душевным строем через реакцию слухового аппарата на звук, - вот, что отличает музыку как искусства от музыки как средства манипуляции. Ритм, не подверженный метаморфозам, тупо отображающий ритмы тела, заглушает душу напором сугубо плотских устремлений, подавляет способность индивидуальной оценки.

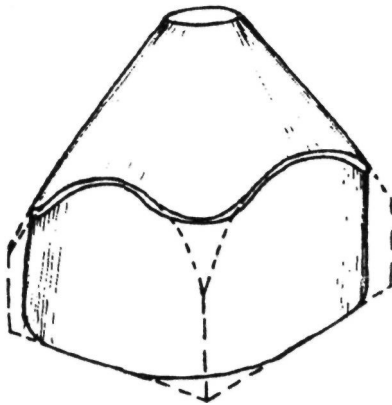
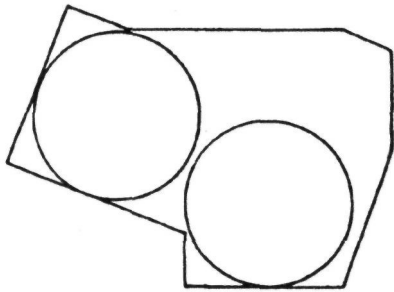
План штейнеровского детского сада.

Отнюдь не случайно во все времена армии маршируют под барабанный бой.

Если мы повторяем одну и ту же форму оконного проема без каких бы то ни было ее модуляций, мы игнорируем различие ее соотношенности с процессами внутри здания и вне его. Каждый из позвонков нашего хребта несет чуть иной груз и принимает на себя несколько иное движение тела. Позвонки не идентичны. Каждый оконный проем тоже должен соответствовать индивидуальному набору потребностей, если, разумеется, не ставить задачей производство контей-

неров для людей, пусть даже вполне изощренных. Разумеется, было бы странно придавать каждому окну индивидуальную форму ради самого их многообразия, но еще более удивительно придавать им единообразие исключительно ради единообразия или навязывания фасаду некоего абстрактного раппорта.

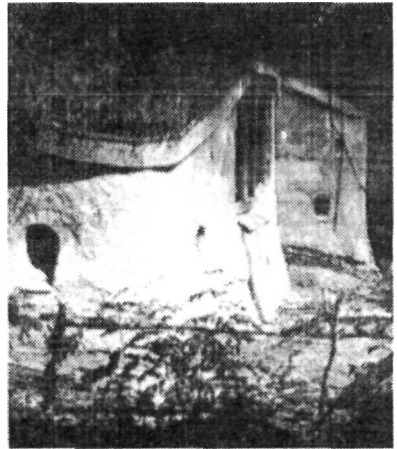
Повтор является основанием ритма, и он может привносить в целое организуемую его структуру, однако организация структуры с помощью одного повтора не может быть ничем иным, кроме упорного навязывания целому безжизненной системности - достаточно вспомнить эффект, производимый рядом одинаково подстри-

Детский сад скомпонован в плане из общественных (округлых) и индивидуальных (углы) форм, в трехмерном выражении образуя два конуса на базе квадрата.

Взаимодействие между конусом и квадратом (со скругленными углами) придает свесу кровли плавную волну изгиба.

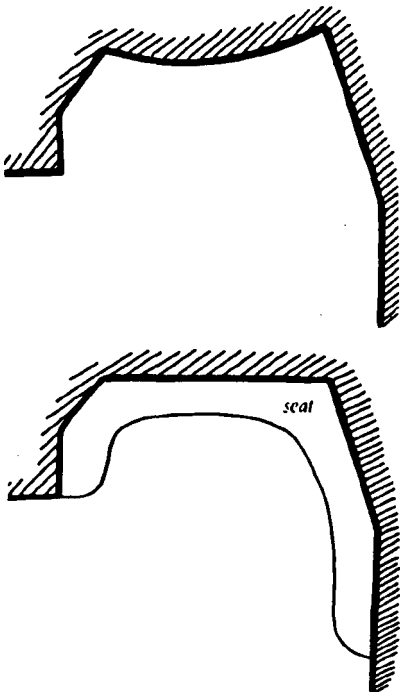
женных деревьев вдоль улицы. Организация целого через метаморфизм, через введение внутренних преобразований напротив вырастает из про

Сами изгибы становятся жестами приглашения вовнутрь и проявлением характера здания при взгляде снаружи.

цессов самой жизни, и тогда сама жизнь объединяет разобщенные предметы.

Не столь уж сложно проектировать мощные формы - особенно, если речь идет об очень крупном. По-настоящему трудно внести в эти формы жизненную энергию, сделать их "соседями", с которыми хочется поселиться рядом. Динамика формы может легко порождать чувство беспокойства, особенно когда оно усилено двумерностью композиции, опирающейся на геометрическую сетку плана. Такая динамика является в большей мере результатом акцентирования внешней формы, чем сосре-

Проблема сочетания возникает не только между постройками, но и внутри каждой из них, когда сталкиваешься с обратной стороной оболочки какого-то пространства, вторгающейся в иные помещения. В этом случае план несущих стен (вверху) нуждается в переработке - чтобы отталкивающий жест был преобразован в приглашающий.

доточения на формообразующем процессе.

При работе над скульптурой можно строить форму извне, оперируя в первую очередь сечениями, но можно работать и так, как

это делал Джакометти, в скульптурах которого жизненная энергия словно прорывается изнутри формы наружу. Можно словно оборачивать форму вокруг оси, так что одна форма перерастает в другую. Точно также и с проектированием зданий в трех разных модальностях: навязывание формы извне, в результате чего возникают трехмерные предметы, но, строго говоря, еще не формы, но можно также "позволить" нерегулярным планам и разрезам (в которых представлено пространственное переживание) порождать иррегулярные же формы. Уже эти последние, переведенные в форму глиняной модели, становится интересно поворачивать кругом, добиваясь разнообразия.

В глине можно вылепить почти все, так что вслед за глиняной моделью необходимо выполнить и структурный макет. Есть конечно и опасность увлечься более формой, чем пространством в ходе развития проекта, поэтому я обычно стараюсь одновременно работать и над глиняной моделью и над рисунком разрезов для помещений. Когда работа разворачивается изнутри-наружу, то даже простейший план с простой скатной кровлей может привести к возникновению множества

различных форм в зависимости хотя бы от того, где провести линию "хребта", придать ли его завершениям горизонтальность или нет, сохранять ли постоянство угла наклона.

В еще большей степени это относится к случаю использования конических сечений. Композиция штейн-еровского детского сада, который я строю во время работы над книгой, основана на сочетании двух конусов, поднятых над прямоугольными "базами" плана, но угол схождения сторон в плане не является прямым, отрезки прямых имеют разную длину, и два основных ядра вместе с простой кровлей над прочими фрагментами плана участвуют в сложном собеседовании друг с другом.

Все формы такого типа более самодостаточны, чем простые призмы. Каждая из них тяготеет к тому, чтобы быть вполне самостоятельным объектом, и потому из них сложнее организовать оболочку для общего пространства. Так, мне не встретился еще пример удовлетворительной общей, охватывающей поверхности для сферических в своей основе форм. Хотя яйцевидные "жилые блюдца" или гео-

дезические купола каждый в отдельности высвобождают внутренне пространство, результат, возникающий при их группировке, не лучше, чем обычная современная субурбия: россыпь объектов с промежутками пространства, словно оставленными случайно незаполненными.

Нерегулярные пространства несут в себе больше жизненной силы как при восприятии извне, так и изнутри. Однако с ними гораздо сложнее работать как с оболочками для пространства - сложнее, но не невозможно. Проблема не в прямоугольности и нерегулярности как таковых - зачем было бы стремиться к тому, что отличается от привычного, без серьезного к тому основания? Проблема в противостоянии безжизненных и жизнотворящих форм и пространств, жизнотворного и омертвляющего окружения. Срезка углов, придание форме иррегулярности или криволинейности - все это было бы простой манерностью или экстравагантностью как таковой, если мы не задумаемся всерьез над вопросом, какой же язык форм соответствует человеческой потребности, а значит и его духовным устремлениям.

8.

Проектирование как вслушивание и соучастие: клиенты и строители.

Мы рассуждали о том, каковы свойства пространства, и как делать пространство отвечающим типу его использования. Однако адекватность пространства - это лишь самое начало. Если ты не архитектор, то перехода из пространства в пространство нет - есть только переход с места на место, перемещение. Но как возникают Места?

В прошлом места вырастали из небытия неспешно, когда всякое новое здание, каждая поправка, да и само чувство места служили ответом изменению потребности. Нередко вначале был один брод через реку или перекресток и несколько построек, затем строили мост. Затем у него появлялся трактир, кузница невдалеке, площадка для торга, а чуть подальше - водяная мельница, еще дома, зажатые между рекой и

склоном холма, затем - водонаборный фонтан, чтобы поить лошадей, церковь и т.д. Проходило время, и место, образованное различными под-местами, развивало отчетливо индивидуальные свойства. Различные обстоятельства, политические, географические, экономические, культурные, влияли на рисунок и последовательность стадий роста, результатом чего становились очень разные формы поселений. И все же базисный принцип всякого органичного роста един: предметная форма вырастает из деятельности, из факта сотрудничества пользователей и окружения.

В наше время так случается крайне редко.

Процессы и проектирования и строительства резко ускорились. Нет достаточного места для эволю-

ции-, мало возможностей для того, чтобы поправить, даже если еще в процессе строительства стало очевидно, что поправки необходимы. Отдельные владельцы заявляют свои потребности, которые могут как-то соотноситься с нуждами самого места или не иметь с ними ничего общего. И здания и пространственные паузы между ними все чаще не являют собой ничего более, чем материальные емкости для исчисляемых пространств, соотносимых с деятельностью: столько-то кубических метров для того или иного.

Я счастлив тем, что люди такого типа редко ко мне обращаются. Если это все же случается, мы быстро обнаруживаем, что мы не разделяем те же ценности и потому не в состоянии работать вместе, и если они сами этого не понимают, мне приходится говорить им, что работать с ними я не могу.

Когда кто-то обращается к профессионалу в роли советчика, уже устанавливаются отношения специалист-заказчик. Обычно клиент обозначает определенные функциональные пожелания, а специалист свободен в нахождении наиболее удовлетворительной формы для выказанных потребностей. В

архитектуре свобода такого рода может пониматься как возможность привнесения личного начала в проектирование, придание индивидуальности его результату. Отношение делегирования полномочий, когда работа архитектора разворачивается обособленно от заказчика, весьма усиливает такой архитектуроцентристский подход.

Я не могу и не хочу так работать: моя работа полностью зависит от моего клиента. Я не признаю за собой права принимать решения, если они не имеют опоры в поддержке клиентов. В конечном счете, ведь это они несут огромные расходы, связанные со строительством, и потому я просто не имею права всего лишь навязывать им мои собственные прихоти. С другой стороны, я - надеюсь - обладаю развитой способностью отличить всего лишь персональные предпочтения от более глубоких и универсальных реакций людей на качества окружения. Поскольку я знаю, что окружение может оказывать вредное или жизнетворное воздействие на пользователей, моя первейшая ответственность - перед этими людьми. Многие из них я никогда не встречаю, многие из них вообще еще не родились - соответственно, я

также не вправе стремиться к тому, чтобы удовлетворить любой каприз клиента. Именно поэтому так важно, чтобы мы разделяли с ним одну систему ценностей.

В многих малых проектах мои клиент и пользователь совпадают в одном лице, и это упрощает ситуацию. Тем не менее, их образ собственных потребностей как правило искажен некими жесткими представлениями о том, что они хотели бы выстроить.

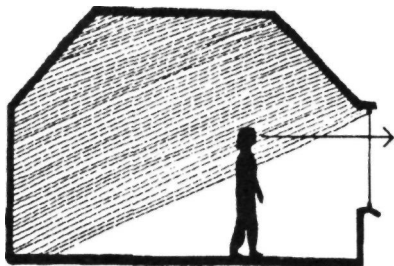
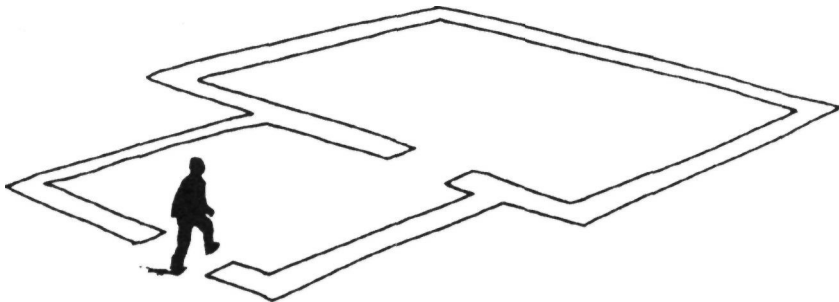
Процесс проектирования в малом масштабе, будь то односемейный дом, мастерская, кафе или ферма, разворачивается обычно так: заказчик-пользователь и я усаживаемся вместе для общего "проектного разговора", который (я-то знаю, но они как правило поначалу этому не верят) длится часов пять, а то и все восемь. Перед нами будет множество листов кальки и масштабный план участка, и мы уже к тому времени успеем обойти его кругом, приглядываясь и обсуждая возможности и ограничения, которые с ним связаны. Конечно же, они всегда заранее знают, чего хотят. Они это видели - где-то по соседству или вдалеке или на картинке к рекламному объявлению. Они хотят как-то соединить все эти "штуки", а

это уже мое дело. Так ли? Действительно ли эти застывшие образы суть то, что им нужно, даже то, чего они на самом деле хотят для себя?

Я пытаюсь раскрыть перед ними привходящие обстоятельства, сопряженные с тем, что составляет сущность ими высказанных пожеланий. Мы обозначаем взаимопротивоположные требования и пробуем определить приоритеты. Мы пытаемся добраться до природы качеств того, к чему они стремятся, тех качеств, что застыли в их сознании, будто примерзнув к объектам, как будто прилагательные застыли в роли имен существительных. Вникнув в природу качеств, мы уже ближе подбираемся к тому, чего они действительно хотят.

Я описываю все это в словах, но на практике большая часть разыгрывается в карандашных эскизах. Все время я стараюсь описать - иногда словами, указаниями на примеры, которые нам обоим известны, но в основном рисунками - границы, пределы для каждого предложения и возможности, которое оно в себе несет. Процесс рисования попеременно разыгрывается то в наложении друг на друга планов, показывающих, как собраны вместе предметы, то в разре-

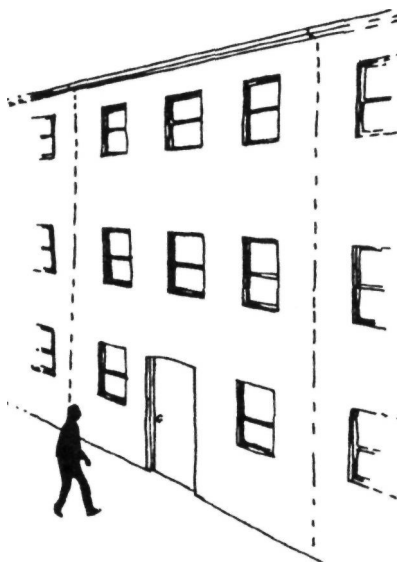

План, разрез и фасад воспринимаются нами качественно иначе. Планы говорят о соотношенности одного вида деятельности или поведения с другими; разрезы повествуют о качествах пространства и способе, каким свет входит внутрь, а взгляд - наружу; фасады же мы видим только, когда они встречаются нас "в лоб" - это бывает редко и потому мы редко их замечаем.

Мои собственные приоритеты в проектировании суть место, отношения и последовательность восприятия. Трудно привнести упорядоченность в процесс, когда все время совершаются скачки от одного настроения, одной модальности к другим, и для решения этой задачи все идет в ход: обход участка, планы и разрезы, лепка формы в глине, наброски (модальность и последовательность) и наконец макетирование в бумаге или картоне (пространство). Фасады - главный предмет моей заботы в период учебы - не более чем служебное выражение опыта, который я стремлюсь создать.

зах, показывающих структуру пространства, в котором мы живем, свет, виды из окна и

Пластилин позволяет с высокой скоростью смоделировать и форму здания и особенности участка, легко вносить изменения. Уже после можно снять чертежи с модели и разработать в соответствии с конструктивными и прочими требованиями, точности которых не может удовлетворить материал модели.

Рабочая модель в тонком картоне хорошо отображает конструктивные пределы деревянной конструкции. Если в пластилине легко вылепить любую поверхность, то в картоне придется делать каркас почти так же, как в реальном строительном процессе.

У всех макетов есть однако тот крупный недостаток, что мы столь часто смотрим на них сверху, что нелегко держать в памяти то очевидное обстоятельство, что в реальности мы будем считывать и форму и пространство в сокращенном виде

(ракурсы). Так, трудно уделить достаточно внимания малым деталям, вроде перголы или вьющейся зелени на вертикальной решетке, тогда как в реальности они вполне эффективно блокируют взгляд. Есть еще и сезонные колебания: несколько сучьев зимой обернутся массой зелени летом. Наконец, объем и скорость движения транспорта могут превратить незначительный по габаритам пространственный промежуток в мощный барьер, сузив наше восприятие в соответствии с тем, на какой стороне этого почти невидимого барьера мы окажемся.

прочее, то в набросках интерьеров или наружных пространств, где предъявлено, как это все будет выглядеть.

Время от времени мы встаем от стола, чтобы мелом обозначить границы помеще-

нии на полу - достаточно ли они велики? не слишком ли велики? Мы обмеряем хорошо знакомые помещения и двигаем мебель, чтобы понять, что же за габариты будут у той или иной комнаты и т.д. Если участок не слишком далеко, мы получаем возможность воткнуть в землю заостренные рейки, чтобы увидеть, где будут стоять здания, что за вид будет открываться между ними и обок, как они охватят собой внешнее пространство, как пройдут дорожки. Когда речь идет о реконструкции, мы мелом обозначим форму окон на стене, выложим досками контуры стен, мы можем встать на месте и постараться увидеть вид сквозь стену, которой здесь больше не будет...

Вообще-то нелегко пробить путем воображения границы непосредственного наблюдаемого, и потому непременно наступает момент, когда нам нужна абстрактность бумаги, чтобы мыслить свободно за гранью настоящего момента. Есть еще много вещей, которые можно постичь только на листе бумаги, вроде структуры постройки за непроницаемыми для взгляда барьерами - потолков в особенности. На чертеже легко проверять разные сюжеты - может быть, как раз

настало время вырезать из бумаги очертания отдельных элементов обстановки, вроде прадедушкиного письменного стола - встанет ли? пройдет ли через дверной проем?

Мы уже начали приближаться к согласованному проектному решению, однако никогда не поздно словно сделать шаг в сторону и испытать возможности совершенно другой схемы. В большинстве проектов мы разрабатывали несколько "семейств" планов, пока не совершали окончательный выбор в пользу одного.

К концу такого собеседования мы все бываем совершенно измучены. Но то, чего мы достигли важно: мы нечто проектировали вместе! Это не мой проект и ничей иной в отдельности. Каждый из нас привнес в него нечто свое, рожденное индивидуальностью биографии, вложив это свое в общее. Проектный замысел возник из собеседования между нами. Результат всегда лучше, чем то, что я мог бы достичь в одиночку. Вот почему я говорю, что завишу от клиента, и почему мы должны разделять некие фундаментальные ценности (обычно невысказываемые прямо), если даже мои клиенты придерживаются совершенно иного стиля жизни.

В самой сути процесса оказывается вслушивание - одна из самых трудных вещей на свете! Чтобы слушать, необходимо отложить собственные мысли и оценки в сторону и вслушиваться в то, что кто-другой имеет в виду - даже если он не в состоянии высказать это точно и даже если вам совсем не нравится то, что он имеет в виду. Вслушивание является прямой противоположностью спору. Спор всегда поляризует позиции - настолько, что в какой-то момент спорящие не в состоянии вообще слушать, но при этом никогда ничего не создается! Мне никогда не удалось никого ни в чем убедить в споре (и меня никто не мог убедить), независимо от того, выиграл я или проиграл его. Но в процессе вслушивания рождаются верные вопросы, тогда как весь процесс "разговорного проектирования" зависит от верности вопросов.

Для меня этот вид проектирования совершенно очевиден. Даже больше - для меня процесс проектирования невозможен, если нет потенциального пользователя, с которым можно беседовать. Я никогда не находил в себе силы участвовать в конкурсах - именно по этой причине. В полном одиночестве я не мо-

гу задать вопрос. Поэтому я не могу и продвигаться - тогда в моем распоряжении только собственные представления и затеи, а их не стоит и пытаться как-то приспособить к чьим-то еще потребностям.

"Разговорному проектированию" легче всего учиться в паре. Один берет на себя роль пользователя и стремится отвечать как можно искреннее, не задумываясь. Другой - в роли архитектора - должен отбросить собственные предпочтения и только предлагать: а что, если? или - вы нечто такое имеете в виду? Клиент говорит с помощью слов, тогда как архитектор подкрепляет любое свое слово наброском - чем меньше слов и чем больше карандаша, тем лучше. Чтобы придать наброскам смысл, можно измерить комнаты и начертить их контуры мелом на полу.

"Разговорное проектирование" в значительной степени сводится к тому, чтобы отыскать определенные качества, то есть прилагательные, даже если клиент сначала требует все время предметов, имен существительных. А затем, в опоре на чувство, воображение и опыт, придать этим качествам возможные для них формы. Речь не о том, чтобы выдумы-

вать качества и связывать их в индивидуальное самовыражение.

Именно так я работаю с клиентами-пользователями, когда это два-три человека, и речь идет об относительно небольших построениях. Конечно же, это куда сложнее с большими группами людей и большими зданиями.

Большие объекты слишком сложны, чтобы проектный процесс мог осуществляться на месте. Большие группы людей требуют очень продолжительного времени, чтобы о чем-то договориться. Есть еще и та проблема, что на одну встречу приходят одни, о чем-то договариваются, а затем на следующую встречу придут другие и пожелают чего-то совершенно иного. И еще сложность в том, что люди обычно слишком заняты, чтобы всерьез принять участие в проектом процессе. Многие учреждения предпочитают отдать проектный процесс на сторону и ждать результатов - однако если они хоть раз попытались пережить проектный процесс, вовлекаемые в него социальные, средовые и сугубо практические вопросы начинают порождать воображение и даже вдохновение. Люди тогда приходят к выво-

ду: так это могло бы быть, так это должно быть, и вместе мы можем это осуществить.

Одни аспекты проекта нуждаются в вовлечении всех, кому это интересно, другие затрагивают лишь более специальных пользователей - сиделок, поваров, учителей. Поэтому я всегда стараюсь определить заранее, какие вопросы должно разрабатывать всем вместе, а какие требуют участия лишь нескольких из нас. Я всегда подчеркиваю, что любой, кто ощущает себя вовлеченным, может включиться во все и всегда, но что включение означает отдачу времени. Если люди столь заняты, что не готовы принимать участия в проектом процессе, а лишь стремятся бросить взгляд на результат и критиковать его, одни только негативные оттенки "соучастия" выйдут на поверхность. Я стремлюсь к позитивности процесса.

Прежде всего необходимо понять, что же в данном случае является организующим началом. Независимо от того, способны ли люди выразить его в понятиях, это организующее начало непременно имеет характер качественной оценки. Множество форм деятельности нуждаются в адекватной им пространственной оболочке: од-

ним по роду занятий важно иметь возможность тесного взаимодействия, другим - по особым требованиям к условиям - подходят те или иные места на участке; третьи могут располагаться где угодно, но всякая форма деятельности обладает своим набором качеств. Каждое качество в свою очередь имеет специфическую окраску, настроение, в силу чего, скажем, элитарный ресторан в погребеке имеет немного общего с типовым "Макдональдсом", одна библиотека вызывает в нас ассоциацию с Рембрандтом, а другая - с Мондрианом. Когда мы соединяем эти "настроения" в той или иной комбинации, возникают внутренние дворы, аллеи, места с яркой индивидуальностью и напротив - принципиально анонимные.. В средневековых городах были всегда улицы седельников, ювелиров, башмачников, сенные рынки... я не говорю о непереносимом градостроительном зонировании: зона это то, через что надо ехать, тогда как улочку можно пройти за несколько минут.

Не так давно меня пригласили для консультаций относительно планов расширения штейнеровской школы. Участок являет собой длинную полосу вдоль склона

холма - фактически улицу. Школа в свою очередь представляет собой некий набор деятельностей, каждая из которых "окрашивает" собой фрагмент пространства, на который она раскрывается во-вне. Вполне естественно в этом случае, вместо дороги, вдоль которой выстраиваются отдельные здания, сформировать пешеходную улочку, перетекающую в разные дворики, каждый с собственным "колоритом", своим духом.

Когда мы сколько-то продвинемся в обсуждении форм и видов деятельности и сумеем преодолеть стереотипы, согласно которым нечто должно расположиться здесь, а нечто иное не может ни в коем случае располагаться в другом месте, можно уже выйти на участок и начать прикидывать на глазок: какие формы деятельности подходят этому месту и как при этом преобразится окружение. В чем особый привкус данного занятия сумеет использовать потенциал места и что он сможет привнести в его обогащение.

Когда своего рода "карта состояний" для участка составлена в первом приближении, можно уже зайти внутрь и собраться вокруг стола, на котором разложен план участка - в масштабе

1/50, если возможно. Еще нам понадобится немного разноцветной бумаги, чтобы обозначить разные "семейства" деятельности, и много дешевой кальки под тушь. Несложно вырезать из цветной бумаги примерные очертания и габариты основных функциональных пространств, вроде классов, кухонь или мастерских. Конечно, действительные помещения не будут иметь такой именно формы, но можно во всяком случае грубо прикинуть, верны ли их габариты. Листы кальки позволят нам накладывать один на другой эскизы расположения построек на участке. По мере обсуждения я могу тут же набросать эскиз того, как может выглядеть то, что мы только что изобразили на плане. К концу собеседования можно надеяться получить планировочную схему того, что мы все хотели бы видеть на месте. Теперь можно снять и отложить в сторону кипу калек и "пройти" процесс строительства в наиболее вероятной последовательности его стадий. Правильно ли все это будет расти? Удастся ли достичь хорошего результата даже в том случае, если проектную программу окажется невозможным выполнить в полном объеме?

И вновь пора выходить на участок - вещи никогда не выглядят так, какими они отпечатались в памяти. Новые эскизы - уже с определенных точек: виды, как они раскроются отсюда в будущем, проходы, порталы или арки, ступени, повороты, смены фактур, с помощью которых артикулируется пространство.

Еще до этого, нередко есть смысл предпринять попытку выработать колористическое предощущение типа окружения, отвечающего той или иной деятельности. Мы стараемся в этом случае писать цветом настроение места или последовательную смену настроений в его пределах, не воспроизводя, разумеется, цветности материала будущих построек и не изображая объектов. Речь идет только о цвете. Это требует, чтобы мы отбросили любые конвенции, преходящие представления о должном, и потому трудно. Живопись, возникающая в результате, может и не быть шедевром, но сам процесс работы над ней помогает уловить то настроение, ту душу места, что лежит в основе удачного проектного решения.

Обычно это момент, когда я должен отойти в сторону и выполнить сам проект. По мере работы, разумеется,

становится очевидным, что и тут и там необходимы поправки, нередко очень существенные - одни затеи невыполнимы без чрезмерных потерь, вроде открытых площадок или чрезмерной затененности участка. Для таких случаев необходимо сохранять контакт с небольшой группой лидеров, способных быстро принять решение, так чтобы работа шла без задержки.

На этой стадии не следует пользоваться пластилиновыми моделями в качестве проектного средства, так как их слишком легко видоизменять, чтобы посмотреть, на что будет похоже альтернативное решение. Макет из тонкого картона выполняется легко, но он обладает достаточной жесткостью, чтобы закреплять замыслы. Модель в пластилине превосходна как средство обучения самих пользователей, однако я нашел это слишком сложным, если только речь не идет о студенческой учебной группе.

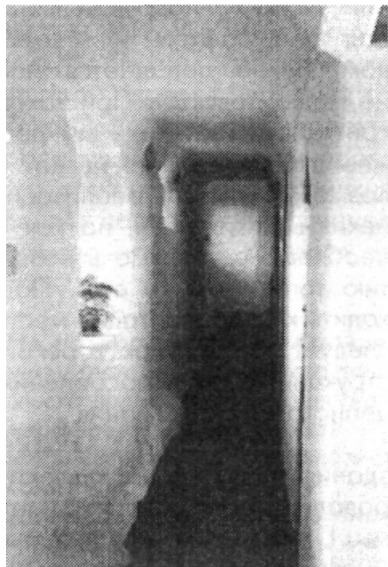
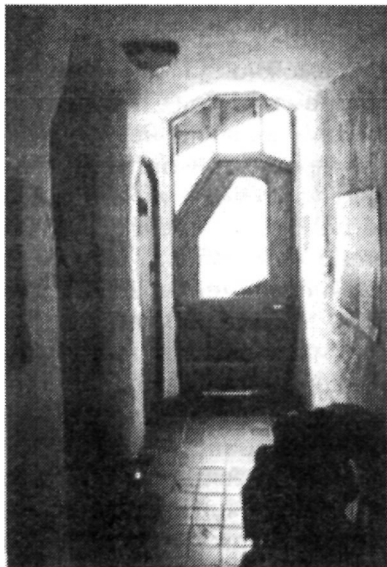
Теперь наступает момент для следующей встречи с большой группой, когда ей представляешь уже достаточно детализованные, но все еще достаточно гибкие эскизы - люди понимают именно эскизы. Несколько подвигав

объекты на плане, снова обойдя участок и (будем надеяться) договорившись о главном, можно перейти к обсуждению отдельных зон или участков с их конкретными пользователями.

Не всякая группа оказывается готова к такой мере включенности - оно требует значительных затрат времени. Гораздо чаще избирается кто-то один, чтобы переговорить с архитектором, ответить в свою очередь на его вопросы, возникшие в ходе проектной работы, а затем собирается комиссия для обсуждения готового проектного предложения. Эта схема всегда приводит к тому, что негативные аспекты всякого социального взаимодействия выходят на первый план. Если же мы хотим развить в первую очередь позитивные аспекты контакта, необходима другая структура отношений и более живой процесс их установления.

Главным элементом такого процесса становится вслушивание в то, как встречаются между собой замыслы, "окраска", которую он привносит в проект, и то окружение, что уже есть на месте. Это вслушивание в то, как вырастает самый дух проекта, тот невидимый идеал, что всегда больше

Ручные операции важны еще и тем, что дают рабочим возможность художественным образом включаться в процесс. Они позволяют осуществлять часть проектных операций на месте, так, что - как на этой фотографии - форма потолка может меняться от ситуации к ситуации с той свободой, которая недостижима на чертеже. Чертеж в лучшем случае отобразить живое движение в застывшей форме диаграммы. Если возникает возможность высвободить стоимость работ из-под диктата обычной формулы "время - деньги", за счет усиления творческого компонента в договорных отношениях, цена целого отнюдь не обязательно возрастает. Для этой школы, выстроенной добровольцами, отказавшимися от оплаты их труда, сум-

марные затраты составили примерно 1/7 от стандартной сметы.

суммы отдельных компонентов и отдельных функциональных требований. Всегда есть возможность умножить способность к этому, присматриваясь к хорошо известным местам и размышляя о том, какая форма деятельности, а значит и какие качества зданий или обработки ландшафта "пошли" бы этому месту, позволили бы ему стать лучше, чем оно есть сейчас.

Конечно, нам необходимо весьма критически подходить к такого рода соображениям, в противном случае легко найти оправда-

ние любому надругательству над ландшафтом или городом, какое попадаетеся нам на глаза повсюду. При таком критическом подходе мы должны думать о месте не как о возможности для реализации неких великих идей, но как о необходимости помочь развитию того, что уже есть. Подходить к переадаптации места следует так же, как к реконструкции и приспособлению ценного старого здания.

Раньше или позже, здания, которые мы проектировали, строят. Тогда все, что мы осмыслили, закрепляя мысль на листе бумаги или - в лучшем случае - видели снаружи и сверху, становится реальным пространством. По мере того, как дело идет к завершению, многое начинает проступать наружу.

Все, что раньше мы могли только неотчетливо представлять, теперь можно увидеть! Пользователи начинают видеть, как они смогут ощущать себя в этих комнатах, и...обнаруживать ошибки, которые я совершил. Мы теперь видим еще и множество вещей, о характере которых могли раньше только догадываться: окажется, что достаточно спилить несколько сучьев, чтобы поправить вид и усилить доступ солнца внутрь. Такие вещи ни предвидеть в

полноте, ни как-то отобразить на бумаге практически невозможно. Пока мы не встанем внутри полудостроенного здания, не увидишь, что просматривается с верхних этажей, и то, как встречаются между собой стены, потолок, двери и прочие элементы целого. Теперь можно вооружиться мелом или рейкой с гвоздем на конце, чтобы процарапать уточнения формы, ввести их в собеседование между собой. Можно развить в себе способность прислушиваться к тому, в каком направлении место "хочет" развиваться. Поэтому очень любопытно бывает заходить в недостроенные здания, не видевши архитектурного проекта, и воображать, как можно было бы развить формы, пространства, способы взаимодействия элементов.

По месте роста здания мы можем наконец действительно ощутить вход в него и последовательность движения, форму фокусировки внимания, способ освещения в разное время дня и еще многое другое, что никак нельзя было представить зрителю раньше. Перед нами возникает возможность подчеркнуть или напротив смягчить эти особенности восприятия.

Однажды решив трактовать создание Места как процесс, мы не можем не признать, что коль скоро Место должно развиваться здоровым образом, каждая стадия, каждая ступень должна нечто позитивное добавлять к результатам предыдущих шагов. Мы начали, таким образом, осмыслять архитектуру не только как развитие потребностей людей и самого места, но и как конструктивную детализацию того же, строительный процесс, начало обживания завершенной постройки.

Каждый шаг процесса опирается на предыдущую стадию и открывает путь к следующей. Отсюда огромное значение наследия предшествующих шагов для точки отсчета дальнейшего процесса. Вся архитектура являет собой именно это - установление взаимосвязи между контекстом с его предысторией и жизнью будущих жильцов или пользователей. Стоит упустить из вида то или другое, и архитектура утрачивает релевантность, непременно порождая недовольство. Теряется вплетенность в жизненный процесс, в поток времени. Напротив, если мы в состоянии сплести в общий узор то, что было раньше, средовой контекст, и то, что

должно еще только стать, если мы сможем художественным образом поднять качество всех ингредиентов такой смеси в ходе проектирования и реализации проекта, есть шанс для возникновения нового, осмысленного образа развития каждого места.

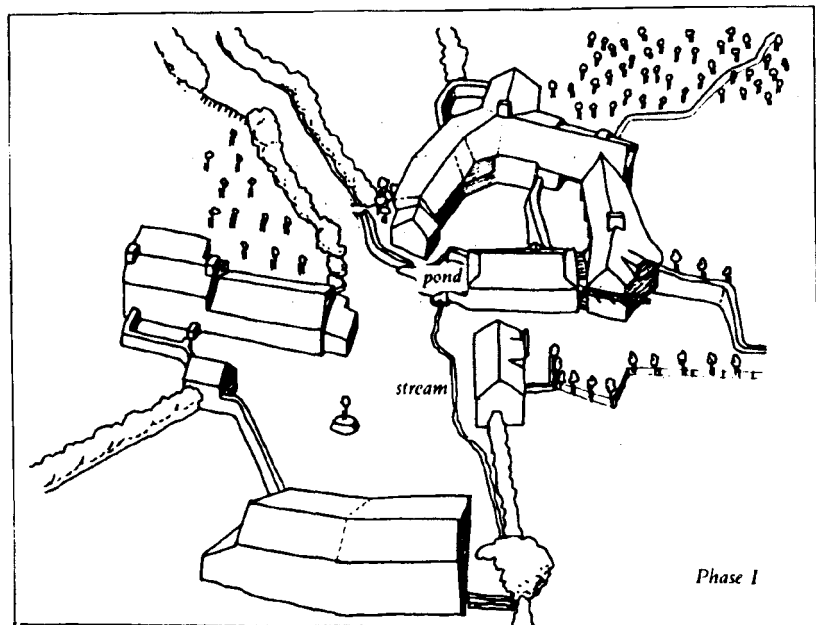
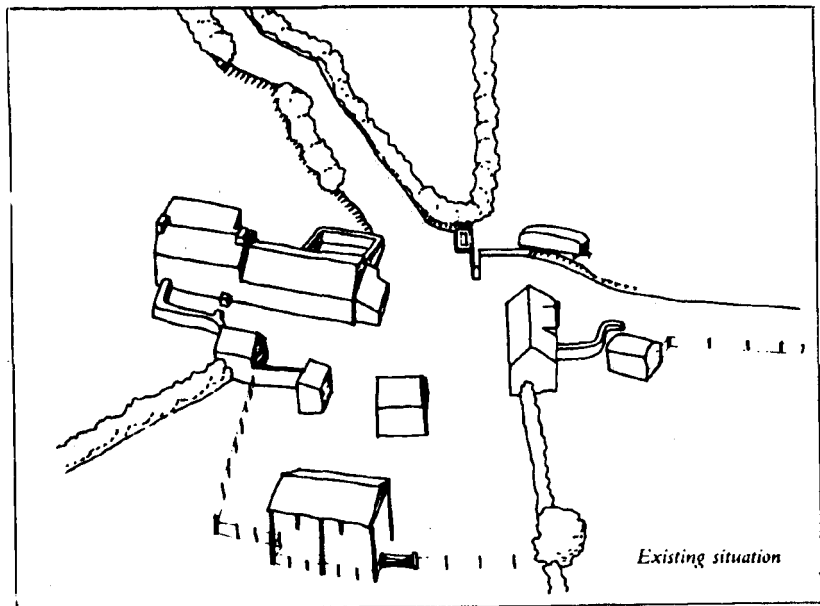
На развороте: *помогая рождению Места: на каждой стадии Место должно быть в известной мере завершенным, то есть иметь свойство принадлежать контексту - неотъемлемое качество причастности к вечному - и открывать возможность для будущего роста. Настоящее, вырастая из прошлого, нуждается в некоторой самостоятельности и открытости в будущее. В свое время я построил слишком много зданий, закрытых для будущего роста, - теперь, будучи более чутким к Месту и жизни внутри него, я стараюсь этого избежать: живые, растущие места вырастают на месте встречи деятельности, личности пользователей и средового контекста. Здесь воспроизведен Центр оздоровления с фермерским трудом для городских детей и взрослых с ослабленными жизненными функциями.*

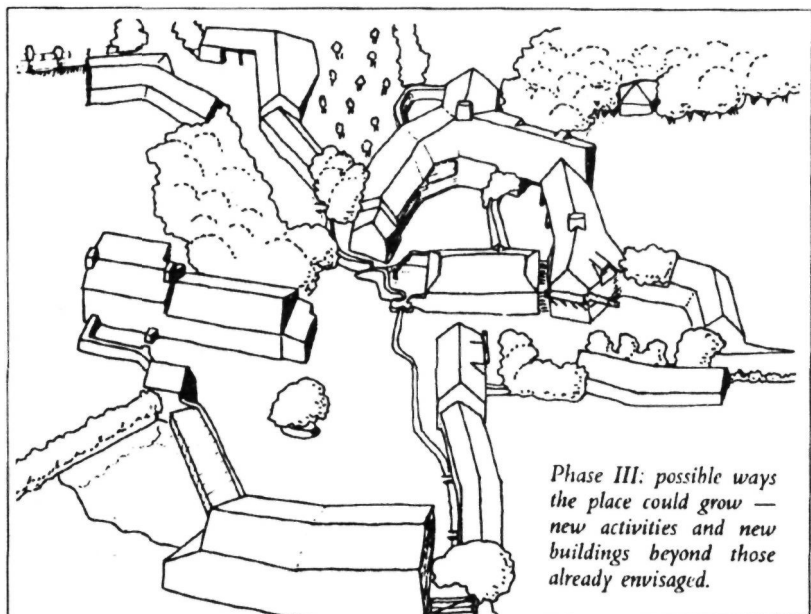
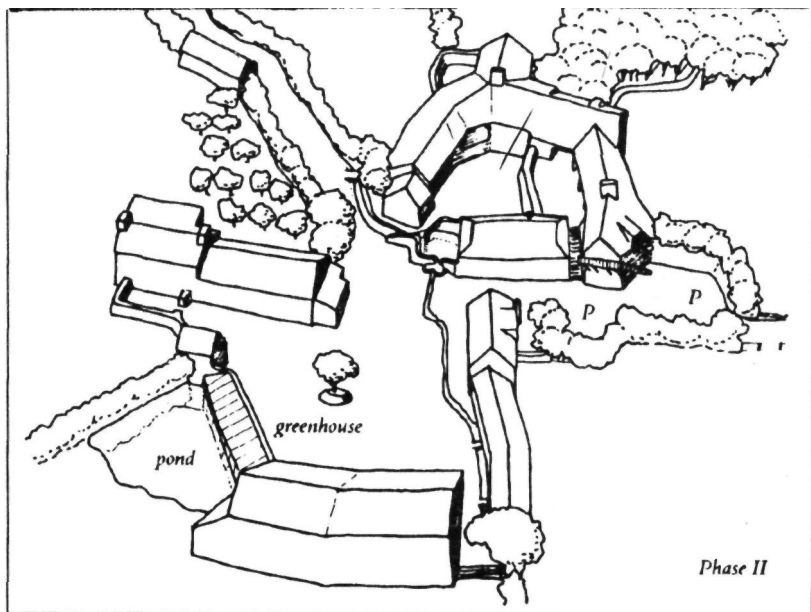
-Существующее положение

-Первая стадия

-Вторая стадия

-Третья стадия: *возможный путь развития места - новые виды деятельности и новые постройки, за чертой нынешней программы.*

Одухотворение постройки

Когда стоишь перед новым зданием или заходишь внутрь, то в наши дни обычное ощущение - некая опустошенность. Здание словно ждет, что кто-то придет и привнесет в него любовное отношение, уют, индивидуальность, повесит занавески на окна, выставит цветы на балкон, что комнаты оживут. Так и должно быть. Пока кто-то не появился, большинство построек безжизненны. Они не предлагают ничего, кроме ограничений и сугубо архитектурных качеств, вроде пространства или освещенности, с которыми еще нужно работать, на которых еще предстоит строить жизненный процесс. Эти постройки сами не могут начать процесс одухотворения.

В чем же состоит процесс наделения постройки душой?

Одухотворенность может постепенно проникать

в постройку по мере того, как оно обретает плоть, заимствуя ее у замысла, проекта, конструктивной схемы, строительного процесса и освоения. Каждый этот этап развивает, углубляет и расширяет то, что достигнуто предыдущим. Здесь нет стадий практической и эстетической. Эти элементы нераздельны в сквозном процессе движения по ступеням одухотворения материала, пока мы, архитекторы, не завершим нашу работу, оставив оболочку, внутри которой будет продолжаться развитие жизни.

Каждый знает, как быстро обращаются в трущобу постройки, спроектированные и построенные без любви, способ поддержания которых препятствует проявлению реальной заботы со стороны обитателей, замещая ее односторонней зависимостью от безличного или корыстолюбивого владельца. Лет тридцать

назад под трущобами имелись в виду кварталы зданий, пришедших в физический упадок. Сегодняшние трущобы это прежде всего постройки, о которых не проявляют подлинной заботы.

Старые постройки редко бывают просто музейными экспонатами определенной эпохи. В них есть физическое присутствие разных времен, вплоть до нынешнего, они несут на себе видимый и невидимый отпечаток множества обитателей, сменявших друг друга стилей жизни и систем ценностей. Когда это гармоническая последовательность и новое скорее строится в опоре на прошлое, чем вырывает его с корнем, растаптывает или отшвыривает прочь, здания несут в себе очарование и притягивают взор.

Люди стремятся поселиться в старых зданиях. Конечно, они могут избирать и другой тип застройки, но обычно по другим, практически и экономическим, причинам.

То, что сказано о постройках, справедливо и для ландшафтов, ведь все, что мы строим вновь, включается в существующий природный и городской ландшафт, сформированный долгим историческим процессом. То, что

обычно именуется участком, в действительности является местом, которому история придала собственную душу.

Дух места - трудноуловимое чувство, складывающееся из такого множества компонентов, что охватить его в понятиях не удастся. Место может быть сонным, пахнуть сосновой хвоей, обладать дружелюбностью, в нем легко дышится, спокойно, его дороги и тропы никуда не спешат, а мягко извиваются, так что все, что видишь, каждый раз выглядит чуть иначе. Уже на эту смесь чувственных впечатлений накладываются исторические ассоциации: "под этими часами всегда встречались влюбленные, включая прадеда и его невесту", "здесь когда-то была большая верфь"... В целом мы начинаем постигать, что в этом месте есть что-то особенное, специфическим образом развивающееся и меняющееся, но устойчивое перед потоком некрупных перемен. Это уже самостоятельное существо. Это свойство я называю духом места. У каждого места должен быть свой дух, у каждого он и есть, если только он не был разрушен грубым и безответственным вторжением.

Дети знают всегда каждый уголок в месте своих

постоянных игр и отсюда они черпают радость и жизненные силы, которые понесут с собой во взрослую жизнь. Для маленького ребенка это целый мир, каждая часть которого индивидуальна и обширна. Стоит оказаться на том же месте во взрослом состоянии, и это место непременно съезживается, мельчает. Стоит посетить то же место в роли коммерческого землепользователя, и ... "здесь можно складировать бетонные изделия, здесь арматуру, нужно только сначала выровнять участок". В наше время так много земли просто используется и так мало, так редко ею любуются.

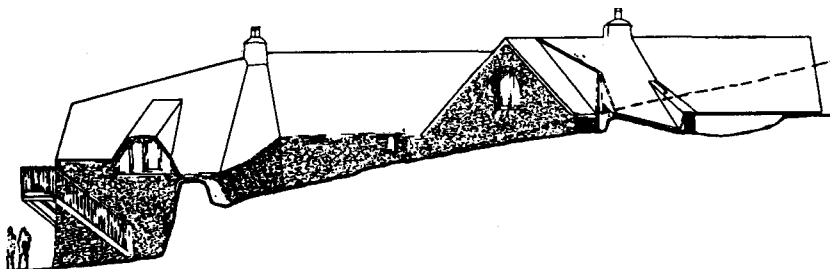
Когда задумаешься о современных крупных проектах, будь то перепланировка городов, жилых районов, автомобильных развязок, создание нефтеналивных терминалов или аэропортов, осознаешь, как много мест с уникальностью их особого жизнетворящего духа исчезает каждый день. Что и где бы ни строили, на нас лежит ответственность перед духом места! Обязанность добавлять ему силы. У древних греков ощущение этих мест-существ было столь сильным, что об особенных уголках они говорили: здесь обитает боже-

ство. Именно такое место они огораживали и упорочняли, ставя там святилище, храм.

Наши постройки служат различным функциям - внутри и снаружи. Внутри - дать пространственные условия для целевой концепции: больницы, магазина, жилого дома. Снаружи они скрепляют, подчеркивают, фокусируют или видоизменяют внешнее пространство, где усиливая наличествующий дух места, а где изгоняя его. Нередко наружное пространство служит обеим этим функциям - целевому назначению (паркинга, внутреннего двора или сада для медитаций) и "ответу на запрос места".

Поскольку внутренние пространство, виды деятельности и свойства здания и его внешние поверхности, самый облик, взаимодействуют, все сооружение и вся деятельность в нем и вокруг должны быть вовлечены в собеседование. Собеседование целевой функции, формы использования с местом, того, что будет, с тем, что уже есть. Материальной сущности, воплощающей концепцию, - с невидимым духом места, порождаемым физическими свойствами средового контекста. В этом существо ответственности в любом действии,

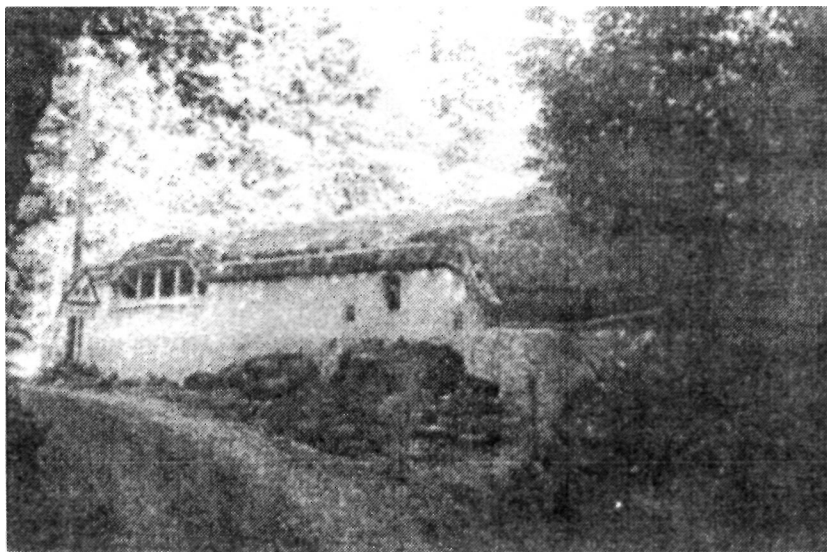

предпринимаемым архитектором. С первого взгляда может показаться, что такая ответственность слишком тяжела, но я и не пытаюсь подойти к ней в категориях чистого разума. Я лишь стараюсь прислушаться к месту, вслушаться в существо концепции и найти пути, которыми их можно во всяком случае сделать совместимыми. В идеальном случае они начинают укреплять друг друга. После этого я пытаюсь проектировать здание так, чтобы придать ему соответствующие качества. В случае открытого ландшафта это нередко означает по возможности сократить видимые габариты сооружений, уменьшить его масштаб. Это достигается применением низких свесов кровли (лучше всего ниже уровня глаз), встраиванием его в складки рельефа или размещением его так, чтобы оно продолжало собой линии живых изгородей или склонов и перепадов высот.

В городском ландшафте требования меняются. Возможно, главным стано-

вится здесь найти верный масштаб и интенсивность наблюдаемой активности и вместе с тем сократить по возможности побочные эффекты, вроде затененности или шума, в особенности в пределах плотной жилой застройки с ее сверхчувствительностью. Замыкания, сжатия пространства и напротив открытость, солнце, наблюдаемая активность поведения, растительность, мостики и переходы, особые текстуры (вроде досчатых тротуаров-мостков) и т.п. - место может требовать всех этих вещей по отдельности или вместе, чтобы усилить те черты, что ему уже были присущи. Свет, включая в него цветность, жизнь, в особенности представленная зеленью, качества воздуха и снижение уровня шума (в особенности акустических шумов, но следует также иметь в виду и визуальный "шум"), наконец, привлечение многообразия, столь существенного для души человека, - все это становится основной палитрой

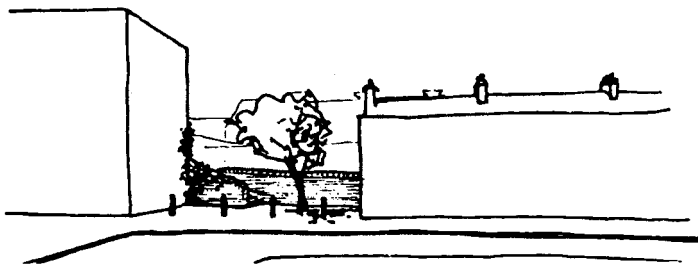
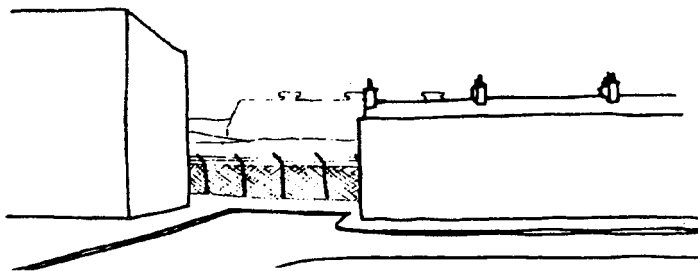
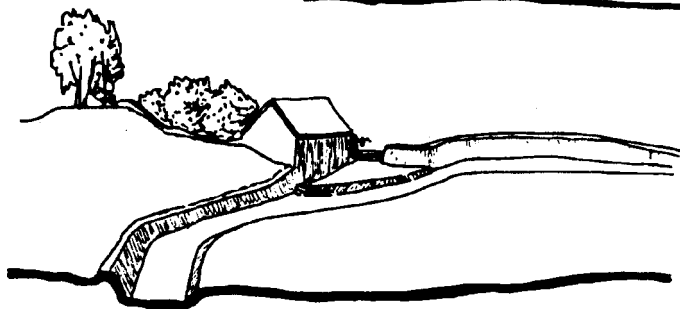
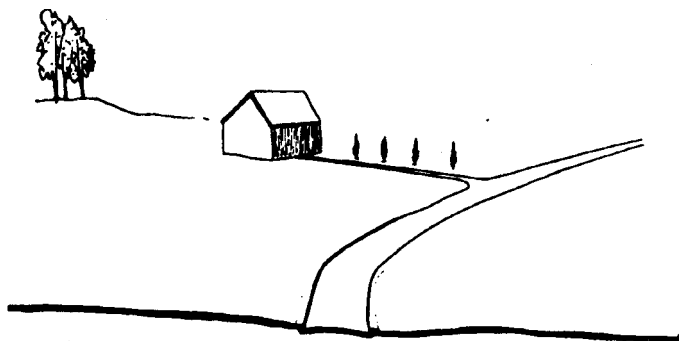

Устойчивые местные предметы, вроде дорог, живых изгородей или аллей, не только "привязывают" здание к месту: нередко эти местные особенности прямо "взывают" к тому, чтобы здание вошло в ландшафт.

работы. Само сооружение нуждается в определенных качествах, влияющих и на то, как оно смотрится извне и как оно окрашивает активность и внутри и вокруг себя - эта активность может даже сильнее влиять на окружение, чем само здание! Это, в свою очередь, вызывает особые требования к строительному материалу. Раньше местный материал, посредством художественной его обработки,

превращался в постройки, тогда как теперь мы свободны в выборе. Но чтобы "вписаться", материал должен соответствовать именно этому месту, а не любому иному. Приходя на новую площадку, я начинаю обычно ощущать, каменное или деревянное здание будут уместны здесь. Или, может, для лучшего выполнения своей функции, оно должно чуть сильнее подчеркнуть свой характер и обрести некую особую солидность монолита, а здесь, возможно, ему следует быть более городским на вид, и для этой цели лучше всего послужит кирпич.

Зданию нужны формы и очертания - особенно линии конька и свеса кровли, -

частной, более свободной деятельности обитателей, и именно по поводу безжизненных задних фасадов я прихожу в отчаяние: в небрежений оказывается столько места, способного рожать живое!

которые, отнюдь не обязательно их копируя, были бы в родстве или в контрасте с линиями в окружении. Именно это, дополняясь разработкой формы в плане, порождает соответствующий "жест": приветствия и открытости, приватности, насыщенности действием или полузастылости в легкой дремоте. А это, в свою очередь, во многом зависит от ощущений, сопряженных с тем, как мы подходим к зданию и входим в него. Дороги, дорожки, тропы, ограждения (в особенности живая изгородь или опушка леса) а также сами особенности рельефа - в частности, место соединения склона и ровной площадки, - привязывают здание к ландшафту.

Последнее особенно важно, так как "ключ" к укреплению эрозии и вместе усилению плодородия земли находится обычно в ключевой же топографической точке - линии перелома от крутого склона к пологому. Эта система, разработанная П.Иоумансом для особых условий австралийского кли-

Даже в относительно небольшой стране, вроде Великобритании, много земли растрачивается впустую. Кругом без счета забытых мест: за беседкой в саду, по внешнюю сторону фабричного забора, за помойками. Иные из них обладают свойствами миниатюрных убежищ, но в большинстве случаев это просто захламленность. Дети нуждаются в укрытых местах, но не в их уродствах, служащих отбросами цивилизации. Повернуться спиной к месту, делать вид, что оно не существует, это совсем иное, чем сознательно устранившись от вмешательства. Англия не без основания гордится задними дворами: во многих странах у домов есть лишь фасады кругом. Но задняя стена дома - это фасад для более

мата, широко и успешно применяется теперь для восстановления и облагораживания сухих мест, которым угрожают редкие, но сильные ливни. В целом, взаиморасположение границ леса, дорог и ограждений имеет чрезвычайное значение. От этого будет во многом зависеть, сможет ли новая застройка вписаться в ландшафт или она будет и экологическим и духовным насилием над ним. Эти ключевые признаки либо уже есть на месте, привязывая к себе возникающее заново, либо их расположение будет подсказано отношениями взаимосвязи между существовавшей ранее ситуацией и новым сооружением.

Я заметил, что подсознательно очень часто предпочитал располагать здания ближе на краю участка, где есть что-то - стенка, место контакта разных свойств места, из чего можно "вырастить" новую постройку. При этом на участке остается больше незанятого пространства, с которым можно сделать нечто привлекательное, чем в случае равномерного окружения здания полоской из пустых площадок.

В зонах плотной застройки, где открытая площадка и прямой солнечный свет особенно ценны, размещение

зданий так, чтобы они явно господствовали над территорией и в пространственном и в экономическом смысле являются роскошью, которую редко можно себе позволить. Здания, размещенные так, чтобы отдавать преимущество месту, которое они окаймляют, дают обычно больший эффект - и средовой и экономический.

Когда приближаешься к зданию, наступает момент, когда замечаешь воздействие его активности на среду. Это порог. Здесь уместен мостик или портал, или выстроенный или образованный кронами деревьев, смыкающимися поверху, или сформированный силами сжатия и фокусировки, излучаемыми самими архитектурными формами здания. Есть множество способов подчеркнуть значение порога, вроде использования поворота дорожки за угол дома, группы деревьев, склона или смены текстуры самой земли, как это бывает при переходе с дикого разнотравья на стриженный газон или с гравия на кирпичную замостку. Ворота, порталы, ступени всегда служили формой организации порога.

Если мы должны привнести в место нечто новое, так чтобы его улучшить а не ухудшить, новое должно об-

ладать художественным качеством. Искусство возникает всегда, когда вдохновение пытается преодолеть сопротивление материального. Когда художник пишет картину, любой предварительный замысел уступает место тому, что возникает на холсте: материальное и дух сплетаются в одно целое. Сам по себе замысел существовал по ту сторону земной реальности - процесс живописи придает ему реальность жизни.

В архитектуре этот процесс столь же интенсивен, как и в любом из искусств. Сначала обнаруживаешь некую потребность или целый веер потребностей; затем возникает замысел - как выйти им навстречу; затем полноценный проект, конструктивная схема, процесс строительства, растягивающийся на большее время, чем предварительные проектные стадии, и поглощающий больше денег и сил; наконец обживание, длящееся еще дольше, в ходе которого здание воздействует на своих обитателей изо дня в день.

Обычно художественно-проектный процесс приостанавливается с завершением проекта или только чуть позже. Но ведь основная работа еще впереди. Если какой-то продукт должен вос-

приниматься как продукт искусства, люди, которые его создают в материале, должны быть вовлечены в сам художественный процесс. Конечно же, за плечами строителей нет того долгого процесса отработки чувствительности к прекрасному, которая свойственна архитектору, но дело явно обстоит не так просто.

Часто можно услышать: "что скверно в этих местах, так это отсутствие общего планировочного решения!". Мы и впрямь живем хотя и в локальном окружении, но испытываем серьезную зависимость от пространственной структуры региона. Наш малый мир есть обычно пассивная жертва крупномасштабных планировочных решений с наилучшими намерениями: вслед за районной планировкой идет детальная планировка микрорайона (здесь-то уже видны результаты) и только затем - архитектурные решения. Архитектор склонен соглашаться с важностью такой именно последовательности. Только затем приходит очередь текстур, любовного ремесла (или чего-то прямо противоположного), затем уход за постройкой. Только после этого - обживание или домостроительство, дома или на работе, может быть, самая важная стадия из

всех, в эффекте которой места становятся привлекательными и превращают жизнь в них в наслаждение, - или напротив! Если забыть об этой замыкающей стадии, все предшествовавшее может быть сведено на-нет, независимо от качеств процесса.

Поколения жизнью и заботы придали очарование старым зданиям; отсутствие заботы способно быстро превратить их в трущобы. Собственно архитектурные качества играют весьма скромную роль в формировании особенного духа места. Я вспоминаю об этом всякий раз, когда вижу привлекательный, но пустой летний дом. Все, что происходило здесь раньше, предопределяет - будут ли место любить и лелеять или не любить и презирать. Лишь около одного столетия весь этот естественный процесс расчленили до такой степени, что эстетическое отводится одной только стадии архитектурного проектного решения. Но как отвратительно бывает жить среди даже великих идей, если те были скверно, небрежно и без любви воплощены в материал. Огромная часть результирующих качеств зависит именно от того, как сделаны вещи.

Многие наиболее тон-

кие качества пространства - сложность контакта форм и поверхностей, перетекание одной формы или одного пространства в другие, эффекты естественного и искусственного освещения - удастся предвосхитить лишь частично и неточно. Их надо сделать!

Идеальные прямые так утомительно безжизненны. Чтобы вдохнуть в них жизнь, нужны не дряблость, слабость или случайность линии, а след чувствительных пальцев. Их надо сделать. Это та область, где одни лишь строительные рабочие могут создать или погубить здание. Когда вещь делается руками, просто невозможно повторить ее в точности такой же в разном материале без потери качества. В другом материале она нуждается в иной структуре, иной форме, иначе ее не ощутить правильной.

Делать, строить - это стадия, на которой замысел архитектора встречается с материалом. В этой встрече возможен взаимный компромисс, но возможно и слияние, в котором и первый и второй подтягиваются на уровень. Лепить скульптуру в воображении начисто лишено смысла. Без дыхания искусности камни, привезенные из каменоломни, не более чем груда

Отношение, будь оно художественным и заботливым или совсем иным, с которым строится здание, едва ли не полностью предопределяет конечный результат.

раздробленной на куски скалы. На самом деле, все же несколько больше, так как эти камни все же несколько больше, чем груда обломков, поскольку в каждом материале есть нечто дремлющее в ожидании того, что ему найдут верные место и форму. Не во всяком камне, конечно, укрыт "Давид" Микеланджело, но в каждом есть свойство "каменности". Насилие, совершенное в каменоломне, оставило на нем зазубрины,

но в нем можно снова пробудить заглухшее качество несокрушимой скалы

У каждого материала свои индивидуальные свойства. Дерево теплое, оно хранит в себе след жизни, хотя ствол, из которого оно происходит, давно повален наземь. Кирпич сохраняет - на глаз и на ощупь - остаточное тепло печи, в которой его сделали. Сталь тверда и холодна, храня на себе отпечаток мощных машин, которые ее давили и прокатывали. Пластмассы несут в себе нечто от чуждой молекулярной структуры, пребывающей по ту сторону живого и потому, подобно железобетону, она ускользает из подчинения каким-то ясным структурным принципам. Благодаря всем этим качествам материалы отнюдь не немые. Трудно сделать "холодное" пространство при обшивке из некрашеного дерева, но трудно и придать тепло помещению, отлитому из бетона.

Материалы суть сырой ингредиент искусства, но они и такими способны воздействовать на наше чувство. Посредственная архитектура, при условии, что ее масштабность не подавляет, может быть вполне приятна для глаза, будь она выполнена в

Атмосфера места в гораздо большей степени создается материалами и игрой света на них, чем архитектурой.

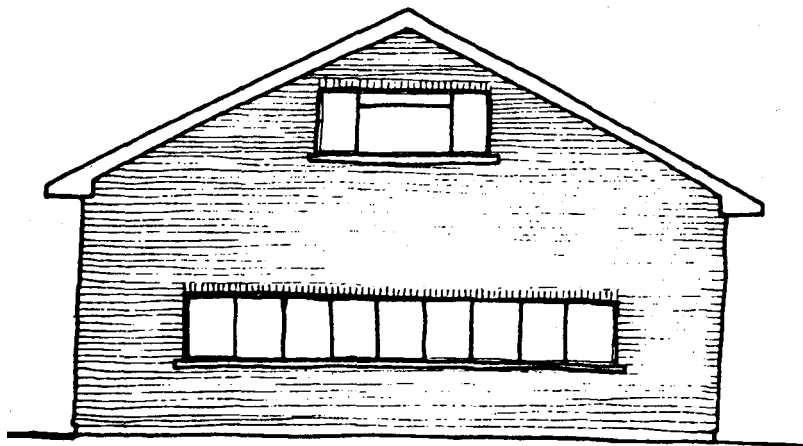
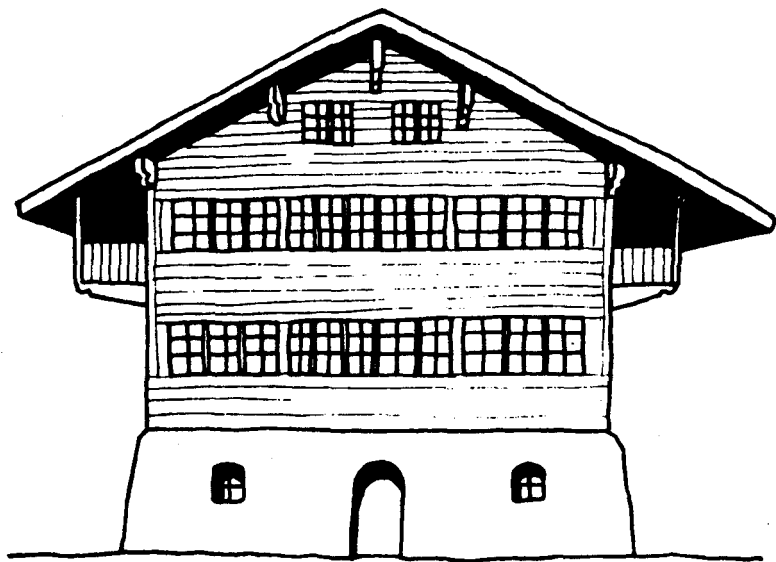

Текстура мощения и

зелень чаще всего самые недорогие позиции архитектурной сметы, они же могут быть экономным и весьма эффективным элементом формирования Места.

дереве или лицевом кирпиче, но она же превращается в чудовище в бетоне или асбоцементе.

Вообще-то люди как правило не смотрят ни на архитектуру, ни на материалы - они их "впитывают" без размышлений. Архитектура создает для них не зрелище, а скорее атмосферу. Когда смотришь на фотографию какого-то привлекательного места, замечаешь, сколь большая часть изображения занята землей. Поле нашего видения включает больше земли, чем неба, и наши ноги идут по земле. Поэтому мате-

В дереве длинные горизонтальные проемы выглядят совершенно естественно. Совсем иначе в каменной кладке, где вертикальность проемов имеет вразумительность конструктивной логики.

рой мы ступаем, по меньше мере так же важен, как и материал стен.

* Наша реакция на происхождение и сущность материала, проступающие в его поверхности, выходит за рамки персональных пред-

риал поверхности, по кото-

почтении. Эти реакции вовсе не случайны, они вызываются тем, насколько эта сущность отвечает душевной потребности. Эти реакции также теснейшим образом связаны с тем, каков эффект прикосновения к материалу.

И с биологической и с эмоциональной точки зрения скверно жить среди железобетона, металла и пластика, и замечательно - среди дерева. В наше время, произнося слово дерево, мы редко имеем в виду изгиб сучьев или развилки, которые предпочитали корабелы и строители сельских хижин, - перед нашими глазами доски и брусья машинного производства. Из досок получаются замечательные плоскости, но не изогнутые поверхности - прямая противоположность кирпичу, в котором изгиб придает даже тонкой и высокой стенке такую прочность, что опрокинуть ее невозможно. Работая в дереве, я обычно выражаю криволинейное движение с помощью отрезков прямых, поскольку трехдольные арки или многоугольные пространственные фигуры придают форме гораздо большую зрительную прочность, чем кривые, выполненные с помощью цепной механической пилы. Это удачно подходит к целям со-

здания смягченной поверхности, свободной от сил отталкивания. Кривые, набранные из досок, могут выглядеть глуповато, но когда это кривые прочности, обладающие конструктивным смыслом - как в строении лодки - они выглядят превосходно. Я не имею резких возражений против гнутого дерева, но прогибам нужна сила. Если вручную выпаривать изгибы или вручную вырезать их, ограничения, создаваемые взаимодействием материала и инструмента - если же использовать легкость движений цепной или ленточной пилы, пристойный результат возможен лишь в том случае, если есть опыт ручной работы.

Издавна было известно, что дерево позволяет использовать длинные горизонтальные ряды окон при том, что зрительно нет утраты конструктивной прочности. Иной раз, сама конструкция набирается из одних окон. Дерево - это для жизни над уровнем земли. Ему нужно основание из каменной кладки, чтобы укрепить в земле - тяжелое, с некоторым уклоном внутрь, основание, по возможности частью прикрытое зеленью. Линейность, характерная для дерева, при желании может быть усилена или смягчена цветом - так

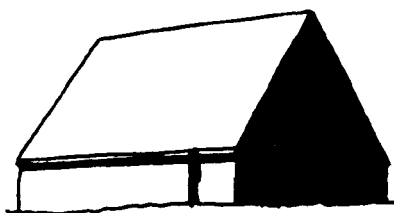
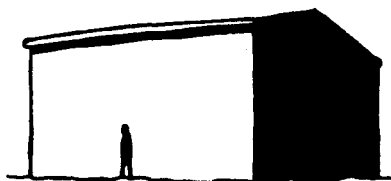
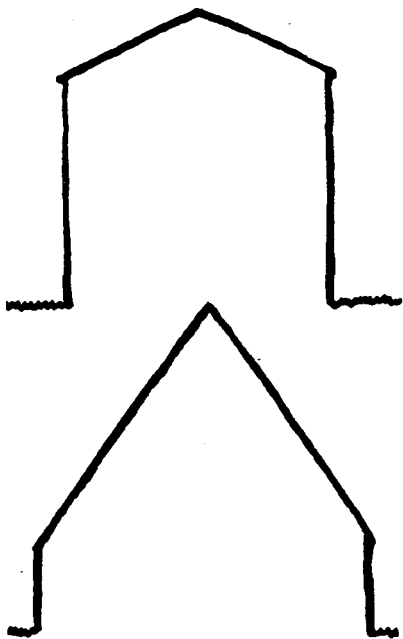
белые фаски и вертикальные доски, крепящие угол, подчеркивают контуры формы больше, чем любой другой цвет - только желтый или оранжевый могут поспорить с этим решением. Мягкие оттенки цвета и в особенности цветовой эффект старения некрашеного дерева замечательно смягчают форму. Даже совершенно кубистические постройки мягко вписываются в ландшафт, когда у них естественный серый цвет: он так полон жизни, этот серый, ничем не напоминающий серые пигменты. К несчастью, это отнюдь не всегда наилучшее решение для сохранности деревянной конструкции.

Я, конечно, не одинок в том, что только с естественными материалами чувствую себя хорошо. Под естественностью я имею в виду видоизмененную природу. Дерево пилят и выравнивают, глину обжигают, чтобы превратить ее в кирпич и черепицу, но все же и при этом сохраняется преимуществом связь конечного облика (иногда также запахом и ощущением прикосновения) с исходной материей.

Естественные материалы "естественны" для человеческого окружения. Они

помогают нам осознать связанность с истоками собственной культуры. Поиск "корней" нередко приводит к попыткам возрождения ушедших стилей архитектуры, однако, как бы тщательно ни производилась реконструкция во внешних формах, но при этом в современных материалах - в железобетоне, фиброгласе, искусственном камне, дереволаминатах - они выглядят такими же пустыми и полыми, как звук, которым они откликаются на удар.

Важной чертой традиционных строительных материалов следует признать их сыгранность с масштабом человеческого тела: размер кирпича пригнан к человеческой руке, тогда как размеры панели заводского изготовления - к подъемному крану. По сравнению со стандартными бетонными плитками мощения (хотя я их и не люблю), бетонные покрытия, отливаемые на месте, и расчлененные только швами, остающимися от опалубки, являют собой огромный шаг в сторону от человеческого масштаба. Обширная плоская кровля может быть по крайней мере приемлемой, если не привлекательной при укладке чуть варьирующих размером плиток, но подавляет и стерилизует место при

Здания сопоставимого объема могут при восприятии обретать весьма отличные габариты: стена противостоит наблюдателю и выражает объем используемого внутри пространства значительно сильнее, чем кровля. К тому же, эффекты вертикальной перспективы могут значительно уменьшать видимую высоту конька кровли.

однородной закатке асфальтом.

Когда проект разрабатывается на бумаге, мы невольно начинаем оценивать размеры в количественном выражении, и, скажем, отрезок в 2,2 м всего лишь на 10% длиннее, чем 2 м. В жиз-

ни мы, однако, ощущаем размерности антропометрически. При стандартных двух метрах высоты дверного проема, стоит увеличить ее на десять процентов, и это - почти под самым потолком обычных комнат, так что прохода и не заметишь. Десять процентов меньше, и - по крайней мере психологически - придется подныривать под притолку. В этих-то нескольких сантиметрах, которые довольно трудно отобразить на чертеже, заключено все различие. (Мы можем достичь соединения и безопасности и ощущения пересечения порога, когда

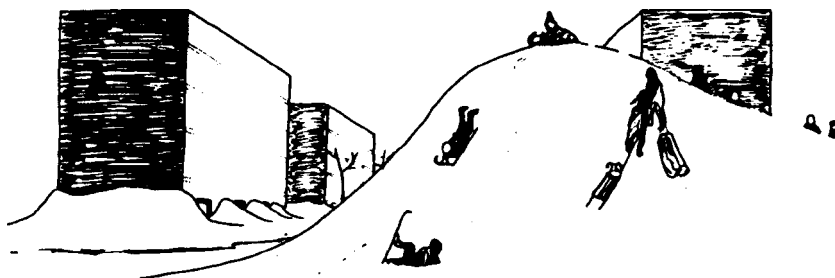
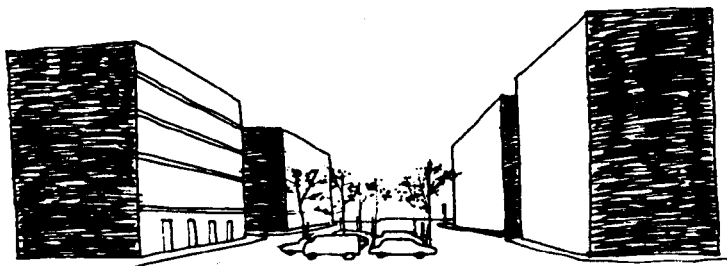
придаем проему арочное завершение, которое достаточно высоко, чтобы пройти с комфортов, но кажется ниже, чем прямая перемычка). Точно так же, дюймом больше или дюймом меньше при определении высоты подступенка создает драматическое различие ощущения подъема и спуска по лестнице.

Малые изменения размеров имеют первостепенное значение при их соотношении с уровнем глаз. Изменение высоты стены на пару дюймов радикально преобразует ощущение пространства. Сами предметы мы тоже осмысливаем антропометрически. Мы можем ощутить кусочек сахара в ладоне, что-то крупнее - взвешивая на руке, но если предмет несколько крупнее, так что ни увидеть его целиком, ни ощутить невозможно, не обойдя его кругом, то наше восприятие меняется принципиальным образом. Даже мельчайшие сооружения, вроде автобусных остановок, уже относятся к этому второму классу предметов, но при проектировании их довольно трудно чертить, макетировать или осмысливать как непосредственно воспринимаемые объекты.

То, насколько крупным будет выглядеть сооружение

на фоне ландшафта, зависит и от отношения видимой массы кровли к массе стены, и от времени года. Стены смотрят прямо на нас, тогда как кровля соскальзывает назад, да еще испытывает зрительное сокращение за счет перспективы. Жест, который несет в себе крутая кровля, прочнее привязывает здание к земле, тогда как уплощенная кровля с большим выносом карниза обрамляет и подчеркивает плоскость стены.

В городе, где вид обычно так загроможден, что мы не видим верхних частей зданий, если только на смотрим вдоль улицы, другие факторы привносятся в восприятие масштаба. Дистанция по горизонтали в отношении к тому, что оказалось в поле зрения, масштабность текстур и соотношенность размеров отчетливо выраженных кварталов, озеленение и видимый участок неба явно играют здесь ведущую роль. Там, где мы можем их увидеть, силуэты, подчеркнутые поверху парапетом, увеличивают видимую высоту и тем подчеркивают городской характер застройки. Видимые (с преувеличенной крутизной) кровли производят обратное впечатление. Там, где мы захотим зрительно уменьшить плот-

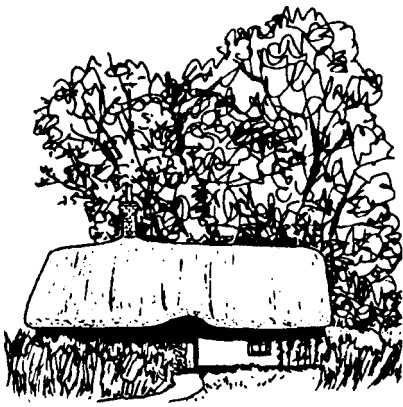

Снежные горки могут привести разительное изменение в видимый масштаб застройки.

ность застройки, которая прочно ассоциируется с толпой и стрессом от тесноты, мы скорее всего изберем крутые двускатные кровли. Там, где на первом плане всемерное стимулирование городской суety, это вряд ли будет удачным решением.

Сезонные колебания массы листвы или строительство снежных горок в состоянии привести радикальную перемену в видимые размеры предметов. Стены старых жилых домов, их низкие входы и карнизы нередко уступают

ростом некоторым однолетникам среди растений. За три недели весны или за одну ночь снегопада такие дома способны утратить роль местных ориентиров и почти исчезнуть из вида. Жизнь людей испытывала те же переходы, будучи отстроена от смены времен года и погоды. Наше время искусственно сгладило резкость таких переменов за счет регулярности рабочего ритма на протяжении всего года, увеличив размерность застройки, подняв линию карниза, предпочитая сады с низкорослой растительностью или вообще ограничиваясь стриженным газоном. Может быть, именно

Видимый размер зданий меняется от сезона к сезону. Растения-однолетники способны вырастать вровень с человеком за один месяц; листва преобразует ствол с ветвящимися сучьями в тяжелую массу кроны, которая в состоянии полностью закрыть от глаз сооружение-ориентир, которое кажется крупным объектом зимой. Снег тоже может изменить размер предметов и перенести акцент с одного элемента ландшафта на другой.

поэтому множество людей в наши дни ищут опоры в традиции, в прослеживании кор-

ней и деталей семейной истории. Вечно возобновляющиеся ритмы природы помогают нам осознать себя во времени и пространстве, но сколько среди городских детей знают сегодня, что такое цветение травы? Каждые две недели заметно отличаются от предыдущих и последующих. Почти всякая неделя года достаточно определена, но во многих местах удается заметить одну только смену времен года. Пока я жил в Лондоне, у месяцев не было индивидуальности - *остава-

лось отличие зимы от лета, не более.

Сезонные перемены природных ритмов в одном и том же месте обладают способностью уравнивать, укоренять, приносить чувство стабильности. Сегодняшняя гонка за сезонами, вроде зимних каникул на пляжах Туниса или летнее катание на лыжах в Скандинавии подобны покупке овощей, независимо от времени года, и столь же явственно стимулируется безумием современной мировой экономики. Чтобы поднять прибыль, и фермеры и рыночные торговцы стараются выбросить на рынок продукцию вне сезона, и часто среди продуктов, попадающих на кухонный стол, не узнаешь ничего, что когда-либо росло на земле. Та же роль обманки отведена туристической гостинице в рыбацкой деревушке или лыжному курорту на месте, где были места летнего выпаса скота. Не единожды меня просили заняться "восстановлением корней" и делать проекты городских ферм, где городские дети могли бы понять, откуда берется еда, что происходит в то или иное время года, как это делается, как они сами могут это делать - чтобы ориентироваться в мире хоть чуть полнее.

Места придают людям укорененность, якорь, необходимый в особенности в нынешнее бескорневое время, когда одно за другим - кодексы поведения, старинные учреждения, формы мировоззрения - ставятся под вопрос. Внутренняя уверенность, стабильность в браке, надежды на место работы - все это теперь гораздо менее надежно, чем во времена наших родителей.

Сооружения могут угрожать Месту, разрушать его, равно как и усиливать и создавать. Поэтому первейшей обязанностью сооружения является способствовать Месту, развивать и культивировать его специфический дух, который в свою очередь подпитывает нам душу. Интерьеры зданий также порождают Места, и у каждого помещения есть собственный дух. Он начинается с архитектуры и развивается с ходом обживания.

Войдя по очереди в полной темноте в две комнаты незнакомого дома, мы сразу же поймем, где спальня, а где ванная комната, - мы улавливаем акустическое отличие. Архитектурное несходство начинается с простейших чувственных реакций, однако дело сложнее. Могут быть помещения с

одинаковыми пространственными характеристиками скажем, это две сборных постройки в пределах военного городка, но одна служит лекционным залом, а другая - церковью: место для обучения войне и место мира. Различие их духа вскоре начинает быть заметным. Если здание из поколения в поколение использовалось для одной цели - будь то церковь или камера пыток - ощущение духа места значительно усиливается. Место проникнуто этим духом - сколько бы Хиросима ни становилась городом в хромированном металле и пластике, кто в состоянии посетить ее и не вспомнить?

Целые Места формируют особую атмосферу, в которой живет их дух, но так же ведут себя и помещения внутри одного дома - одна комната или даже часть одной комнаты, например, представляет собой очаг, горячее общее сердце дома, а не просто центральная точка здания.

Пространство в наше время стоит дорого, и потом мы проектируем не только в пространстве, но и во времени, так что по крайней мере часть помещений многофункциональны. Приходится думать о некотором регулировании в пространстве-вре-

мени, и иногда я вынужден говорить клиентам, что им нужно не столько дополнительное пространство, сколько изменение в распорядке дня. Большая часть Мест пустует больше, чем используется, и тем не менее нам следует внимательно осмыслить дух этих мест прежде, чем рискнуть подсказкой относительно многофункционального их использования.

В иных случаях дух Места настолько устойчив, что ему не страшно использование под многообразные нужды. В других - он чрезвычайно хрупок. Так, трасса кросса наносит мало урона лесу и полям, но она же останется шрамом на теле одиноко стоящего в глуши холма, сохраняя эхо использованности - не восхищения, а эксплуатации! Даже среди людей, напрочь отрицающих какое бы то ни было духовное начало в нашем окружении, многие склонны согласиться с тем, что невозможно поставить игральные автоматы в центр медитации, даже когда тот пустует. И точно также мягкая атмосфера детского сада будет необратима нарушена, если по вечерам устраивать в его помещениях горячие дискуссии об экономических проблемах.

Но что мы можем сде-

Если мы хотя бы без ухищрений, но прочувствованно работаем со светом, фактурой и пространством, то даже самые заурядные помещения могут быть одухотворены, могут превратиться в привлекательные Места - без необходимости прибегать к помощи дополнительных предметов, декора, персональности вещей. Если не работать с этими духовными качествами осознанно, то в лучшем случае мы способны воспроизвести стандарт, норму - архитектуру, которая нуждается в расширении потребления излишеств, чтобы как-то очеловечить места пребывания людей.

лать сугубо архитектурными средствами, чтобы деликатно поддерживать дух Места? Говоря о внешнем облике

сооружении, это вопрос согласованности между тем, что уже есть, и тем новым замыслом, что мы сюда привносим, - замыслом, берущим взаймы у будущего, у мира идей. Мысля о внутреннем пространстве, мы обращаем внимание прежде всего на стабильные материальные ограничители существования обитателей: стены, полы, потолки. Нам необходимо привнести сюда нечто животворное, переменчивое, вечно обновляющееся, нечто, несущее в себе скорее космические ритмы, чем ритмику человеческого поведения - это, разумеется, естественный свет.

Мы часто склонны мыслить архитектуру в кате-

горячих материальности, но эта материальная сущность сама по себе не более чем безжизненная минерализованная емкость. Свет - дающее жизнь начало, так что его объем и качество имеют безусловно ключевое значение для нашего самоощущения. Хотя свет с равной силой воздействует и на разум и на тело, его эффект наиболее остро воспринимается чувством. Подобно тому, как тепло во многом определяет работоспособность и волю (что каждый может заметить при попытке работать в перегретом помещении), свет пребывает в родственной связи с царством чувства. Это столь заметно, что мы часто описываем качества света в категориях собственного состояния: мрачный, нежный, ласковый, резкий, теплый...

Неадекватное освещение связывают с депрессиями и статистикой самоубийств, однако нам нельзя допускать трактовку света как только количественно измеряемого блага. Бесконечно важна его жизнотворная сущность. Мы в состоянии усилить это естество света за счет разработки текстуры, формы и цвета пространственного тела, принимающего в себя свет, поскольку мы ведь не

видим самого света, видя его встречу с материальным. Иные из весьма привлекательных материалов всасывают свет столь интенсивно, что место остается мрачным даже при ярко сияющих окнах. Такую же роль играют неверно расположенные или неглубоко посаженные окна, не дающие тонального преобразования света, жесткий геометризм или бликующие гладкие поверхности.

Свет дает жизнь интерьеру. Его может быть слишком много - как в классах со сплошным остеклением стены, модным одно время, - или слишком мало. Помещения, вообще лишенные естественного света (была мода и на аудитории, вообще лишенные окон) оказывают разрушающее воздействие на физическое, психическое, даже на социальное здоровье. Лабораторные крысы, помещенные в такие условия, начинают свирепо истреблять друг друга или наносить увечья самим себе. Ряд исследователей заметили близкое поведение и в незаконных школьных классах.

Поверхность остекления, достаточная для известного уровня освещенности, меняется сообразно географической широте, ориентации, особенностям климата,

рельефа, окружающей растительности, равно как зависит от проектного решения интерьера и размещения оконных проемов. Объем светового потока также зависит от того, где мы находимся. Горожанам нужно больше, чем в деревне. Больше света нужно северянам или в местах, где господствует пасмурная погода, тогда как в Средиземноморье издавна применяют перфорированные глухие ставни или жалюзи, чтобы притенить помещения, превращая их в спокойные, прохладные укрытия от слепящего жара снаружи.

Если окна малы, то легко определить, когда в комнате мало света, но когда окна большие, это сделать труднее. В Голландии принято высаживать деревья и кусты прямо перед окном, и хотя окна обычно велики, свет в интерьере очень мягок. Комната, освещенная слабой электрической лампой, будет невероятно унылой и мрачной, но та же комната будет живой и привлекательной, если ее освещает гораздо более слабая одинокая свеча. Лучик света, отраженный от беленой стены, будет восприниматься так же, как и эффект свечи. Таким образом, вдохнуть светом жизнь в помещение -

значит, в гораздо большей степени думать о качестве света, чем о его количестве. Дух человека нуждается в живом свете, душа его жаждет такого света. И даже телу нужен именно живой свет для физического здоровья.

Свет неба, идущий с разных направлений, и солнечный свет в разное время дня обладают различными свойствами, и эти свойства передаются нам ежедневно, влияя на настроение. В количественном выражении световой поток западного света может совпадать с восточным, но их качество различается существенно. Сезонные качества света влияют на весеннее пробуждение нашего организма, тогда как зимой уменьшение объема "летнего" света пробуждает в нас углубленную внутреннюю работу.

Культовые сооружения - круги камней, храмы, соборы - всегда строились в соответствии с ориентацией по ключевым точкам великого космического ритма. И теперь, уже в целях получения чисто чувственного удовольствия, мы стремимся ориентировать окна так, чтобы поймать лучи рассвета в начале весны, поймать свет, отраженный от водной глади в

Солнечный свет, проходящий через листву, придает свету в интерьере мягкую окрашенность и легкую неравномерность.

летний полдень, уловить глубоко проникающие лучи зимнего солнца. Работа с отраженным светом любопытна, но требует осторожности. Так, свет, отраженный от поверхности снега, может эффективно нагреть трубки теплоэлемента или высветить глубину темной комнаты, но это холодный свет, к тому же есть риск рези в глазах или необходимости щуриться. Отражение света в зеркалах может создавать проблемы

ориентации в пространстве. Некоторые проектировщики любят играть с этим, однако обманки не лучший путь к укреплению чувства связанности с Местом, укорененности в нем. Мы можем широко использовать отражение света от естественных материалов и красочного слоя - как я уже подчеркивал, легкая голубизна при отражении от лессировки дает свету гораздо больше наполненности жизнью, чем плотный кроющий пигмент, подчеркивающий непроницаемость поверхности.

Стоит упомянуть отражение, и сюжет материальности, материала, вновь привлекает к себе внимание. Здание создается верным подбором материалов: в эпоху черно-белой фотографии я часто обнаружил, что фотография привлекательной деревенской улочки заставляла проступить всю посредственность архитектуры. Цвет, цветной свет, возникающий при взаимодействии солнца и материала поверхностей, не говоря уже о сугубо чувственных эффектах, которые не передаст никакая фотография, - вот, что, собственно, создает Место в таких случаях.

Материалы и свет суть две полярности, нерастор-

жимо связанные между собой. Мощные стены, когда солнечный луч врывается внутрь через небольшие окошки, темные скалы в спокойной воде, пронизанной светом, деревья в ореоле света, при солнце позади их фронта - все это несет с собой радость духа. Это не воспроизводимо фотографией в полноте, потому что все это - живое. Свет и материал - величайшие полярности в архитектуре, в них отражена полярность космического и материального начал: одно привнесит всеоживляющие, всеобновляющие ритмы, другое - вечное, стабильное, укорененное в пространстве и времени. В этой полярности - ключ к архитектуре, несущей в себе оздоровление, поскольку здоровье имеет опору в единстве стабильности, равновесия и обновления. Друиды в древности разрабатывали эту полярность скалы и солнца, веря, что из напряженности их вза-

имодействия вырастает жизненная сила. Я во всяком случае стараюсь работать с такой полярностью в качественном смысле, и скорее чувствительность к многообразию качеств, чем жажда индивидуальности концепций, повела меня в этом направлении. Я начал с того, что стал ощущать все эти вещи. С тех пор я совершил множество ошибок, но пройденный путь во всяком случае близок к тому, что необходимо для работы в унисон с духом Места.

Первым шагом на этом пути становится развитие способности ощущать верное настроение Места, а затем стремления сформировать силу его индивидуальной души с помощью материалов и опыта понимания того, какие их качества сюда "подходят". Она безусловно начинается с чувства - архитектура, "выстроенная из прилагательных" - архитектура, питающая душу.

10.

Строительство как процесс оздоровления

Многие относятся к стройке как просто неизбежному злу, избежать которое невозможно, и тема здоровья кажется им посторонней для обсуждения строительного процесса. Да, и что может быть нездорового в заурядном строительстве?

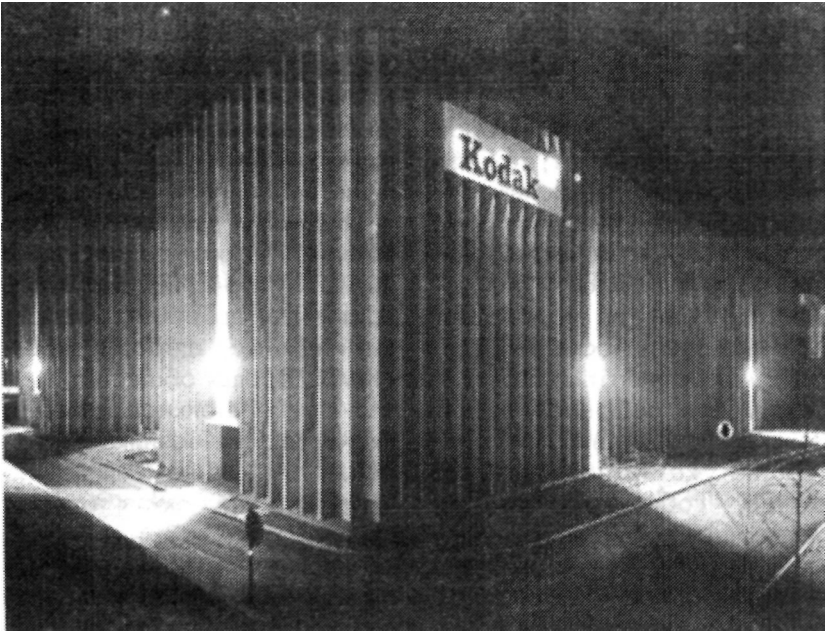
Строительные работы преимущественно односторонних: только интеллект на стороне управляющих (и архитекторов), физическая сила и сноровка на стороне рабочих. Не удивительно, что здания, сооруженные таким образом, как-то по-особому стерильны.

Это процесс материального воплощения замысла - нередко излишне быстрый и заходящий дальше, чем следовало бы. Слишком скорый, потому что часто замысел воплощается в бетоне и засыхает в нем до того, как со-

стоялась встреча с особенностями окружения и потребностями людей. Сооружения, какие как правило при этом возникают, навязывают себя окружению и разрушают и его и социальный контекст одновременно. Дальше, чем следовало бы - потому что принятие решений управляется в первую очередь финансовыми соображениями. Отношения между партнерами также, ибо и здесь господствует принцип прямой выгоды. Есть отчетливая тенденция вытягивать максимум из любой ситуации. Иными словами, это классическое отношение эксплуатации. Никто не любит, когда его неприкрыто эксплуатируют, и редко из этого произрастает нечто привлекательное.

Если мы задались задачей добиться оздоровляющего характера процесса,

Идея-фикс, навязанная окружению как объект: особенности места и индивидуальность пользователей, равно как движение времени из прошлого в будущее - все это не имеет отношения к такому зданию.

придется начать с признания за каждым человеческим существом права на осознанность, целостность и признание "я". Осознанность вырастает из ситуации, когда некто приносит другим людям пользу - когда отдает. Из одного только глагола "брать" осознанность не проистекает. Давать - совсем не то, что навязывать, брать - совсем

иное, чем получать. В одном заключено бескорыстное движение во-вне, в другом - эгоистическое движение к себе. И в естественном и в городском ландшафте и в сообществе людей дар, привнесение придает значение и месту, и личности, тогда как эксплуатирующее отягчение лишает их значительности.

Ничто из того, что мы даем, ничто из того, что мы ощущаем в процессе работы, не станет здоровым изнутри, если мы не сможем вложить в это действие все собственное существо. Здоровый труд вовлекает в себя не только руки, но также и голову и сердце.

И это непременно передается всем, кто будет пользоваться результатами так выстроенного труда.

Мера, с которой строители понимают то, что они строят, то, насколько им это нравится, проявляется в исполнении, в качестве финального продукта и ощущениях, которые он порождает. Очень и очень часто мы сталкиваемся с негативными эффектами, и рефреном звучит повсюду: "В наши дни мастера уже не найдешь!" Но откуда, собственно, взяться мастерству, если нет ничего, что могло бы вдохновить строителя, подпитывать его? То, что строят для себя сами, добровольные работы предоставляют возможность соединить движения ума и сердца с движением руки - возможность, которая в целом отвергается современной системой найма по контракту. В общем случае, клиент редко способен привнести в работу художественное начало, а если это и происходит, то как правило за счет привлечения специалистов. Подрядчик достигает прибыльности за счет привлечения мастеров, которые так хорошо знают, что и где делать, что им не приходится размышлять, и их чувства находятся по другую сторону, вне рабочего места.

Чтобы возникла целостность, полярности существования должны сцепляться прочно - интеллект и телесные движения вступают в гармоническое отношение лишь в пределах царства эстетических и этических чувств. Именно такого рода равновесие и гармония жизненно важны для здоровья - здоровья индивида, здоровья экосистем, здоровья общества.

Из столкновения полярностей не возникает гармония: ничем не смягченные плоскости врубаются одна в другую под прямым углом; концепции, которым уже заранее придана жесткость, лишены податливости, врезаются в ландшафт; картинки будущего опрокидываются на городской ландшафт, развивавшийся из прошлого в настоящее. Здесь гармонии нет места.

Но, подобно тому, как встреча поверхностей или сооружений с их окружением может состояться в форме собеседования, намерения архитектора могут вступить во взаимодействие с мыслями, чувством и мастерством рабочего-строителя. И снаружи и изнутри, формы оконных проемов и формы кровель должны соответствовать друг другу. Внутри оформление потолка, обрамление вида

наружу, освещение и все прочее, что создает помещение, должны примкнуть к такому собеседованию, а при взгляде снаружи в общий хор должны вплестись еще и другие голоса. Конечно же, я стремлюсь достичь подобного на бумаге - задолго до начала строительства, но я не могу увидеть ВСЕ на бумаге. Я постоянно убеждаюсь в том, что окончательной "настройки" целого можно добиться только на месте, в натуральную величину, то есть вовлекая людей, которые работают на стройке в то, что следует назвать использование здания все время развивающейся моделью самого себя.

Всякая ситуация строительства уникальна. Уникальна сама соотнесенность здания и его окружения; его будущие пользователи, которых мы можем и не знать лично, индивидуальны. Если проектант вполне принимает на себя ответственность перед ними, он должен вслушиваться в уникальный набор потребностей каждого конкретного окружения, каждой конкретной группы пользователей. Если же нет..., мы видим предостаточно массовой застройки, грубо навязанной природному или городскому ландшафту! Если слушаешь с

должным вниманием, понимаешь, что нет двух одинаковых участков и нет двух идентичных пользователей. У них, конечно, могут быть близкие черты, но они не тождественны друг другу. Никакая модель не в состоянии подойти в каждой ситуации - есть только одна из ситуаций, к которой модель подойдет совершенно. Хотя нам нужно обращаться к моделям, будь то примеры из истории или места, изученные нами как собственный дом, за конкретной информацией или общим расширением личного опыта, мы не можем их попросту воспроизводить.

Важнейшей особенностью моделей или макетов является свобода их видоизменения. Мы можем видеть, как нечто смотрится с одной или с другой стороны. Если макет мал по размеру, такая работа идет легко и быстро, но столь многое остается вне поля внимания! Макет форма, но не пространство, мы воспринимаем его извне, но не изнутри, объект, а не объем, в котором можно жить. Только при выполнении в натуральную величину множество вещей обретают наглядность. И ведь нет непреодолимых препятствий тому, чтобы модифицировать проектное решение по мере

Всякий клиент, пользователь, жилец, включая и тех, кто еще не рожден, представляет собой индивидуальность, человеческую личность, а не бесчувственную статистическую единицу, нуждающуюся в упаковке. Им нужно собственное Место - как дом для души, но не как ящик для тела.

его воплощения. В известных конструктивных, композиционных и юридически допустимых пределах это, с моей точки зрения, наиболее естественная форма работы - проблема лишь в нахождении возможности выполнять ее.

В ходе исторической эволюции строительства к нынешней форме подряда стадия проектирования оказалась "заморожена" в своей обособленности. Все должно

быть однозначно описано в проектной документации, что ограничивает возможность восприятия тем, что можно вычитать из плоского чертежа и макета. Другими словами, из документации вычитываются формы и очертания, но не пространство!

В обычном строительстве время - деньги. Допущение гибкости означает увеличение сроков и, к тому же, затрудняет построение жесткой сметы и в целом увеличивает степень финансового риска. Значит, все должно быть закреплено на бумаге, и мы вынуждены как правило принимать эти правила игры.

Есть однако и иные формы подряда. Немало мелких строительных компаний, которые работают только по схеме "время плюс материал". Честно говоря, это справедливее, чем точная фиксация стоимости: строителю не нужно идти на излишний риск или компенсировать неизбежные потери по "правилу удвоения" (К примеру, если это нестандартные двери, удвой стандартную цену, а затем - учитывая проблемы навески и пригонки - удвой вторично. Фактические дополнительные затраты составят 50% добавочного труда на дверь и не более, чем столько-же, - на

материал и время подгонки. Суммарные затраты для строителя составят 12,5%, но для клиента - 100%).

Подряд по схеме "время плюс материал" осуществим при условиях доверия, честности и относительно гибких границах сметы расходов. Здесь нет финансового стимулирования максимизации эффективности организации работ или для рыскания в поисках наименьшей цены материалов, для розыска наиболее выгодных субподрядчиков. С другой стороны, обычные договоры подряда, где ускорение поощряется с финансовой стороны, непременно увеличивает риск потери качества операций.

Меж этих крайних схем я постарался выработать свою систему расценок, которая создает условия для качественной работы и где

Например:

Расчет: 100 часов x 5 фунтов/час - целевая расценка 500 фунтов
колебание: 1 фунт/час

По факту:

- А. 140 час. x (5 & - 1 &) 4 &/час - 560 &
- Б. 105 час. x (5 & - 1 &) 4 &/час - 420 & } - 500 &
или 500 & }
- В. 85 час. x (5 & + 1 &) 6 &/час - 510 & }
или 500 & } - 500 &
- Г. 75 час. x (5 & + 1 &) 6 &/час - 450 &

Это не более чем схема, и она отнюдь не освобождает от проблем, в частности, за-

известные заранее колебания цен или демпинг не должны чрезмерно нарушать интересы клиента, подрядчика и строителей. То, что я называю "целевой расценкой", строится на схеме "время плюс материал":

Расчетное время x почасовая ставка - целевая расценка.

Если работа длится дольше или короче, чем было рассчитано, почасовая ставка может быть уменьшена или увеличена в заранее установленных по договоренности пределах, однако стоимость не должна выйти за рамки "целевой расценки", если работа опередила расчет или, напротив, отстала от него. Незаслуженные прибыль или потери в таком случае не выходят за рамки общей договоренности.

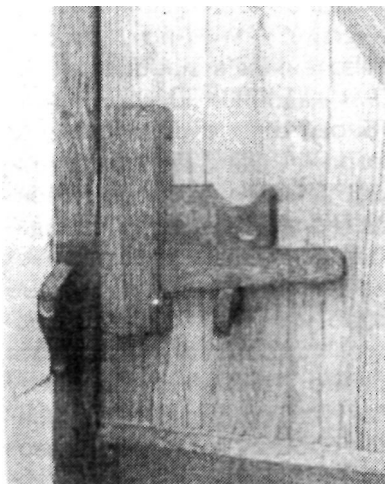
подряда возиться довольно скучно, но их конкретность весьма и весьма влияет на природу рабочих контактов и на качество финального продукта. Сегодня остро ощущается потребность в обновлении форм подряда, чтобы высвободить творческую активность и ценность работы как дара (хотя и оплачиваемого), вместо сегодняшней сковывающей сделки.

Хотя рабочие отношения по договору подряда неустранимы, любая их схема до некоторой степени препятствует строительному рабочему включиться в процесс в художественном смысле. Есть и иной путь. Если время освобождают от денежного выражения, оно может расходоваться на то, чтобы проектное решение развивалось на строительной площадке, вовлекая те возможности, что открываются только в работе в натуральную величину, чтобы всемерно повысить качество результата - видимое и невидимое. "Самострой" дает такую возможность, если в его основе лежит вдохновенность замысла. Мне довелось работать с клиентом, который - по его собственному выражению - "строил скульптуру, чтобы поселиться в ней". Если же источником вдохновения яв-

ляются сугубо меркантильные соображения, такой возможности не существует в мире, где время - деньги.

Особые возможности порождает добровольный общественный работа над постройками, где потраченное время эквивалентно сэкономленным деньгам и вместе с тем может быть расходуемо с художественным напряжением. Группа, в которой я участвовал, приобрела ту, заброшенную в течение двадцати лет постройку, которая стала теперь штейнеровской школой Нант-и-Квим (она послужила моделью для множества иллюстраций в этой книге). После того, как руина была приобретена, у нас оставалось всего 36 &, чтобы оплатить ремонт и приспособление, без чего здание нельзя было использовать никак. Перед нами был предельно простой выбор: или начать с работ, стоимость которых на 95% состоит из рабочей силы, или отказаться от всего предприятия.

Мы начали работу - поначалу всего вдвоем - и эта работа привела к тому, что были и жертвования и прямая помощь со стороны людей, которых мы никогда раньше не встречали. В конечном счете возникла не только сама школа, которой

Как только мы признаем уникальность каждой ситуации и как только строители начинают работать не в роли механических исполнителей чужих распоряжений, а как художественные индивидуальности, всякая мелкая деталь, вроде дверной ручки, обретет отличие от других, подобных.

не могло бы быть без дарового труда, но также и финансовый капкан вначале процесса сменился условиями художественной деятельности.

Особенностью этого проекта стали вместе и качественные и экономические ограничения. Как и воспитательный процесс здесь, здание должно создать среду, питательную для детской души. Архитектура не должна была давить, напротив от нее ожидали, чтобы у

детей была возможность существовать в своем детском мире и чтобы к каждому было легко отнестись как к личности.

Само здание, в связи с этим, должно было выразить в максимальной степени внимание к индивидуальному началу: все вместе должно было сплавиться в гармоническую, ласковую по отношению к детям. Достичь этого без индивидуального, особенного отношения со стороны строителей. Вторжение в такое здание стандартных деталей заводского про-

изводства совершенно невыполнимо.

Но что значит особенное? Выполненные чуткой рукой любые две дверные ручки не будут совершенно одинаковыми. Вполне возможно - подобными, но не идентичными. Не будет двух одинаковых дверей. Каждая возникнет в результате собеседования между характером стены и формой проема, между одним пространством и другим, встречи у портала, станет фиксирующей точкой в нашем движении, в последовательной смене ощущений, будет Оком - закрытым или открытым - дверью.

Что касается экономических условий, то здесь все было четко: строить с минимальными затратами! Это означало огромный объем добровольного труда. Труд ничего не стоил, что позволило нам свободно применять трудоемкие ручные работы, уделить особое внимание каждой детали, затратить столько времени, сколько нужно, чтобы каждый элемент начал перекликаться с другими. Таким образом, экономические требования, интерпретированные несколькими необычным способом, оказались опорой реализации эстетических требований.

Работа в этой манере

оказала существенное воздействие и на людей, вовлеченных в процесс, и на само здание. Вскоре всем становится очевидно, что опорой для добровольной работы является вдохновенная воля. Отсюда необходимость подпитывать вдохновение - в противном случае скоро не осталось бы ни одного добровольца! Хотя обычно добровольную работу трактуют как односторонний процесс отдачи, отдавания, в действительности обстановка работы должна многое отдавать самим добровольцам. На организаторов ложится, в связи с этим, особая ответственность за то, чтобы разыгрывание работы было всемерно на это настроено.

Как предводитель добровольного строительного процесса я научился во всяком случае пытаться описывать даже самые скромные операции таким образом, чтобы было видно, каково их место в функционировании целого, и чтобы исполнители пришли к пониманию того, почему они должны нечто делать так, а не иначе. Так, я объясняю, почему и каким именно образом *тонкости* гидроизоляции, теплоизоляции или акустики столь важны, почему те или иные операции

следует осуществлять в определенной последовательности и т.п. Важно, чтобы каждый день был обозначен каким-то очевидным достижением - это часто означает организацию работы в группах, где каждый, независимо от своих умений или силы, может вложить свой вклад в общее дело и к концу дня увидеть, что было совершено. Так, например, укладка мелких блоков может занять сразу пять человек: подносить и подшлифовывать блоки, мешать раствор, вести кладку стены, выравнивать, проверять правильность рядов и швов.

И все же, наверное, важнее всего постоянная работа о том, чтобы культивировалась художественная заангажированность каждого - я говорю культивировалась, потому что в душе каждого в зародыше присутствует способность к художественному творчеству. Строительство по сути своей представляет крупномасштабный художественный процесс, сопровождаемый большим числом добавочных или вторичных функций, чем живопись или работа над скульптурой. Лишь из нашей эстетической настрйки произрастает то, как, каким именно образом, возникает нечто - скажем, оштукатуренная стена. Поверх-

ность штукатурки может быть мертвой, словной липкой, дряблой или напротив - столь же полной жизнью и гармоничной, как упругие формы, рожденные ландшафтом. Я, конечно, могу описать словами, как этого добиться, но только опыт делания этого может поселиться в душе человека и пробудить его эстетическое чувство.

В этом, пожалуй, сокрыт наибольший возвратный дар, который могут получить добровольцы. Они сами развивают этот внутренний дар, добавляя к некоторому приобретенному мастерству и чувству осмысленности труда еще и понимание того, что всякий труд может быть художественным.

Не менее существенны и те выгоды, которые приходится на долю постройки. Даровая работа в основе своей противоположна подрядной. Обычно вдохновение, замысел, образ, имеющийся в сознании и клиента и архитектора, последовательно, шаг за шагом преобразуется: чертежи, сметы, спецификации материалов - до тех пор, пока не остается одно только денежное описание - контракт. Подрядчик ищет выгоду, рабочие - заработок, и хотя проект начинался как замысел, он в

конечном счете окрашивается в цвета принципа финансовой прибыли. Духовные ценности редуцируются при этом до монетарных, собственно качества замещаются предметами, прилагательные вытесняются именами существительными. Говоря словами Писания, хлеб обращается в камень.

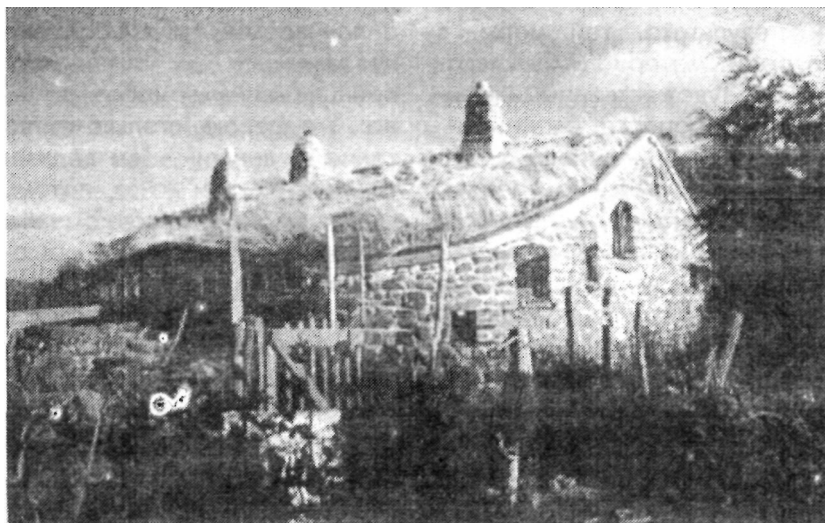
При даровом труде все происходит прямо противоположным образом. Через акт дарения строительный материал поднимается до ранга произведения искусства. Я вообще не верю в возможность создания произведений искусства без вложенного в них элемента дарения. Художник дарит самого себя. Этот дар может быть и оплачен (иногда это и необходимо), но плата является чем-то вторичным.

Возведение-возвышение - вот ключевое начало. Если постройка должна дать пищу душе, материальные ее элементы должны быть возвышены, одухотворены через сугубо художественные средства. Сама повседневная пища может рассматриваться таким же образом: чтобы обрести питательность, химические элементы возвышаются через жизненный процесс, пока не становятся питательными веществами. Если

процесс такого восхождения завершен лишь наполовину, белки и углеводы могут отравить, как, скажем, это происходит со шпинатом, если его выращивать в тепле, но без достаточного освещения. Затем питательные вещества проходят еще одну стадию восхождения - на кухне. И вновь, полуприготовленные, они несъедобны. Приготовленные без любви, без удовольствия, они лишь наполняют желудок, но не питают нас. Окружающая среда имеет точно такую же питательную природу.

При таком подходе материальная субстанция пронизывается духовным содержанием замысла и искусности и они вместе становятся вкладом и в саму постройку, и в тех, кто на ней работает, и в будущих ее обитателей. Невидимое, трудно уловимое качество здания, построенного как дар, с любовью, всегда будет отличаться от качества постройки, возведенной без любви - для одной прибыли.

Для чистой воды "реалиста" эти достоинства не существуют, ибо они трудноизмеримы, однако экономические выгоды здесь тоже есть. Школа, о которой я говорил выше, была построена за примерно 17% ее

Постройки обходятся дорогой ценой затраченного времени. Если строишь собственный дом, то во всех его элементах это займет два или три года. Если покупаешь дом, построенный другими, его цена соизмерима с временем, затраченным на зарабатывание нужных денег. Мы как-то слишком легко соглашаемся с тем, что в прошлом люди строили красиво, но как они могли себе это позволить?

Конечно, едва ли не половина стоимости постройки ложится на удобства и связанные с ними монтажные работы, о чем нашим предкам заботиться не приходилось. Но многое из привычного комфорта покупается ценой эстетических качеств всего остального - сегодня мы не можем позволить себе жить без удобств, зато не можем по-

зволить себе красоту - во всяком случае нечто подобное слышишь постоянно.

подрядной стоимости, так что иной раз такой "непрактичный" подход оказывается единственным практическим путем получения результата. В этом конкретном случае само отсутствие средств послужило усилению художественного импульса. Не полное отсутствие, разумеется, но уж избытка не было во всяком случае! Недостаток денег имел, конечно, и свою неприятную сторону - масса необязательной возни, вроде приготовления раствора вручную, неэффективной последовательности некоторых работ и многократных задержек. Однако это не

уменьшило реальной ценности результата, той меры, в которой материал был возвышен художественными ценностями процесса.

Когда слышишь, что "не было достаточно средств, чтобы добиться эстетически удовлетворительного качества постройки", то это попросту неправда. То, что говорящие так в действительности имеют в виду, - это отсутствие необходимого желания или низкая оценка художественных свойств как таковых. Экономия средств для них на первом месте, эстетика - дело вторичное и... мы слишком хорошо знаем, что за этим следует!

Из' этого отнюдь не следует, что средства мало-существенны. Никким образом. Однако, если деньги становятся главным критерием и целью проекта является вложение капитала, то материальные цели становятся единственными целями, потому что быстро вытесняют все прочее. Ответственность перед ценностью окружения и, наконец, сами пользователи тоже оказываются вторичными, результатом чего - в более или менее очевидной форме - становится общее разрушение.

Тот подход к труду, что характерен для ситуации

дарения, сложнее вложить в оплачиваемый труд, но это не невозможно. Включается принцип соизмеримого обмена: " я делаю столько-то за такие-то деньги" - "вы должны сделать то-то и то-то, потому что я вам за это плачу".

В любом звене общественной жизни, в любом виде работы именно подход, отношение является ключевым: искусство или прибыль, служение или эксплуатация, осуществление потребности или возможности рынка, материальное добро и духовные ценности. Подобно тому, как принцип дарения может быть распространен на всякий труд, всякая работа в идеале может стать художественным действием, почти священнодействием. Однако множество видов работы отнюдь не очевидным образом способствуют такого рода отношению: каждый должен выработать его сам, и отнюдь не каждый преуспел в этом.

Реализация замысла на основе дарового труда создает наиболее благоприятные условия для такого внутреннего процесса развития личности. Блага, привносимые благотворительностью в общество, отнюдь не сводятся к прямым ее функциям. Еще важнее то, что люди, участвующие в ней, обретают

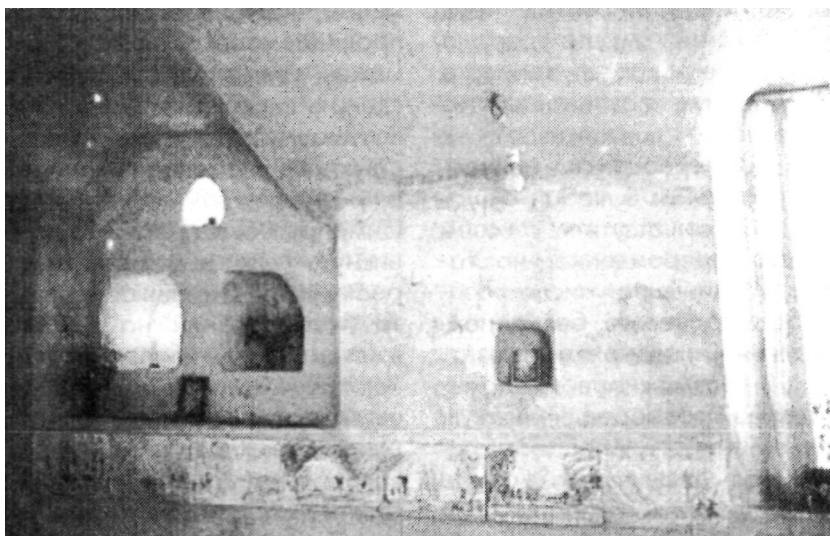
возможность пережить труд как полный смысла дар, а созидание - как служение, а не обычную повинность, что исподволь подталкивает к общей переоценке ценностей. Каждый и в любой ситуации может ощутить 'в себе такое перерождение, но гораздо меньшее число способно на некое без дополнительной поддержки извне.

Возможность художественной самореализации и вовлеченность в процесс достижения результата - самое существо такой опоры. Для того, чтобы ее усилить, организация работы должна быть особой. Акцент делается не столько на производительность, сколько на художественные последствия работы. В этом ключ к успеху добровольных проектов и необходимость - коль скоро труд есть дар, этим поддерживается энтузиазм. В связи с этим есть вполне практические причины для того, чтобы привычное расчленение на элементы в организующем мышлении и в рабочих взаимоотношениях уступило место целостности подхода.

Что это означает практически? Реконструкция старых построек дает широчайшие возможности для схематического макетирования в натуре, для разметки

мелом, вслушивания в звукопроницаемость и прочего: мы можем увидеть, что надлежит сделать впоследствии. Если мы вслушаемся в то, как существующее здание должно встретиться со своим будущим, результат может возникнуть как художественная реакция на ситуацию. Проекты новых зданий на первый взгляд гораздо более сковывают воображение, так как связанность проекта в единое целое кажется прочной в его закреплённости на бумаге. Однако проектное решение на бумаге - это в действительности лишь точка отсчета.

В работе над детским садом я окончательно утвердился в том, что точные очертания планов, линия выгиба стен, размеры игровых "пещерок" уточняются лучше всего в тот момент, когда выложен первый ряд кирпичей. Только в этот момент прежние линии на бумаге превращаются в границу пространства. Только при ежедневном наблюдении за освещением становится ясным, какие из деревьев необходимо срубить, а какие оставить. Только стоя у будущих оконных проемов убеждаешься точно в том, где они должны находиться, чтобы ловить солнечный свет и брать ландшафт в "кадр". Где

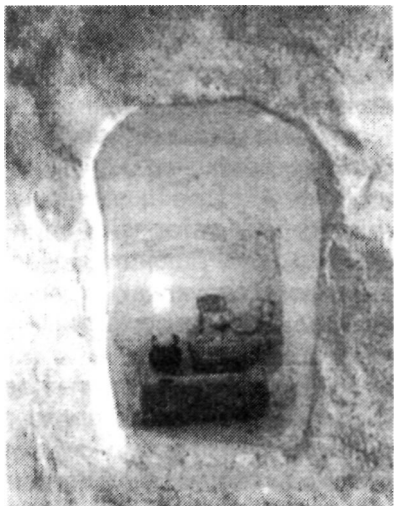

То, что на бумаге может

казаться только конструктивной задачей, на стройке может стать возможностью для художественного роста. Здесь все детали спроектированы строителями.

и как различные участки поверхности кровли должны встретиться один с другим видно в натуре гораздо точнее, чем это достижимо на макете.

Если разрешить ему развиваться на месте, здание начинает брать над нами верх. Если этого не будет, то лучшее из того, что мы можем построить, был бы хороший план. Кто встречал серьезное произведение искусства, что было бы точным увеличенным воспроизведением небольших эскизов? - Искусству нет места, если речь идет лишь об

Архитекторы склонны мыслить крупномасштабно. Если только детали не стандартны или если они не описаны в деталях (что требует безграничного объема чертежной работы), все мелочи отданы в руки строителей. Но именно мелочи являются точками полного контакта здания и его обитателей. Такого рода мелочи открывают детям возможность "применять" здание в мире их воображения.

изменении размеров идеи, однозначно зафиксированной на бумаге. Эскиз живописца, модель скульптора, чертеж архитектора - это не более, чем пролог. После пролога здание начинает расти как всякое живое существо, выдвигая собственные требования и предложения.

Существует множество вещей, которые могут возникнуть только в процессе проектирования на месте, а это означает, что строителей необходимо вовлечь в проектный процесс. Но я и впрямь убежден, что это жизненно важно, чтобы строители были вовлечены в процесс с чисто художественной точки зрения. Архитектура без всякой претензии, но построенная заботливо, с художественным пристрастием, может породить красоту окружения, питающего душу. Напротив, даже из первоклассного проекта, выстроенного без любви и заботы, - никогда этого не возникнет.

Во всяком случае я придерживаюсь того мнения, что строители нередко лучше архитектора знают, как нечто сделать. К этому следует относиться очень внимательно. Нужно сделать только один шаг, чтобы умение нечто сделать переросло в умение сделать это так, чтобы это выглядело так, как мы этого хотим. Вместе со строителями мы обсуждаем, показываем руками, рисуем или имитируем точную линию изгиба, точный вид из окна, особенности дверной задвижки или фактуры оштукатуренной поверхности и пр.

Чтобы подготовиться к такого рода дискуссиям нет лучше способа, чем изготовлять вещи самому. Через этот процесс можно узнать, как материал и приемы работы подсказывают, какими должны быть их внешний вид или каковы они должны быть наощупь. Когда строитель говорит: "этого нельзя сделать!", наилучшая из позиций заключается в возможности ответить: "можно, я это делал и я делал это так!" Дело в том, что все строители заранее знают, что архитекторы так мало знают о том, как делаются вещи, что все время проектируют вещи, которые нельзя выстроить. Дело ведь не в исполнении распоряжений, а в согласии относительно того, как что-то сделать. Если согласия нет, я, конечно, могу приказать, но ведь строители все равно сделают то, что считают нужным, как только я уйду!

Конечно, так поступать не принято. Обычно все замыслы архитектора осуществляются кем-то другим и в ходе этого процесса претерпевают множество компромиссов с конструктивными требованиями, со строителями, с пользователями и, наконец, с временем - временем старения и эрозии. В ходе такого процесса здание

может и погибнуть. Я придерживаюсь нестандартной точки зрения: мне кажется, что история здания, начиная с первичного задания со стороны застройщика и кончая добротной старостью здания, должна быть историей непрерывного совершенствования. С каждой следующей стадией здание должно становиться лучше.

Уже конструктивная разработка проекта привлекает наше внимание к тем деталям, которые люди будут трогать руками, на которых они будут сидеть, о которые они будут ушибаться. С началом стройки мы можем видеть все то, что не могли обозреть на чертеже, и развить все, что потенциально заложено в деталях и узлах. Мастерство строителей привносит любовь в постройку и придает ей душу. Обитатели вносят в здание жизнь и собственный дух. Время придает зданию зрелость, обогащает, усиливает его связанность с окружением. Но все это не отдельные ячейки: каждая стадия привносит нечто новое в то, что уже есть, так что собеседование ставшего со становящимся не прерывается.

Проектирование представляет собой процесс, в ходе которого потребности

преобразуются в решения, и только принцип такого собеседования позволяет удерживать общее равновесие, иначе проектирование расчленяется на обособленные стадии, а его результат не обретает связности ни с местом, ни с людьми, ни со строителями, ни с пользователями, ни авторами. Я сам не единожды нарушал правило сбалансированности и делал по-своему, забывая о согласовании как раз тогда, когда оно было нужнее всего. Чтобы сохранить уравновешенность, процесс нуждается и в постоянном присмотре "сверху", и в вовлеченности на месте. Ни городские планировщики, ни консультанты по отдельным вопросам, ни строители, ни будущие пользователи не должны оставаться в стороне.

Если осмыслять процесс созидания как целое, его можно увидеть как циклическое обращение между материей и духом. Он начинается с абстрактной идеи. Она все в большей степени сгущается в материальность здания, а та в свою очередь последовательно все более наполняется жизнью, сначала усилиями строителей, затем обитателей.

Во всяком случае так должно быть. И тем не менее

то, чему мы чаще всего являемся свидетелями, представляет собой последовательное нисхождение от вдохновения в материальную форму, последовательно утрачивающую дыхание жизни: архитектурный замысел окостеневаает в проектной документации, исчисляется в сметах и наконец строится по схеме обмена строительного материала на денежное вознаграждение. Это отнюдь не неизбежно - восходящий поток также вполне возможен. С одной стороны, вдохновение получает земную опору, с другой - материальное пронизывается духовными ценностями за счет художественной включенности участников. И материал и духовность нуждаются друг в друге, порознь не образуя целого. Но воплощение их взаимного тяготения осуществимо лишь тогда, когда сам строительный процесс проникнут художественным отношением.

Строители редко озабочены привнесением художественного начала в свою работу, но это по крайней мере возможно. Мой опыт во всяком случае убеждает, что это случается только при том условии, что в душе строителей удастся пробудить художественный азарт. Вне всякого сомнения, чем менее

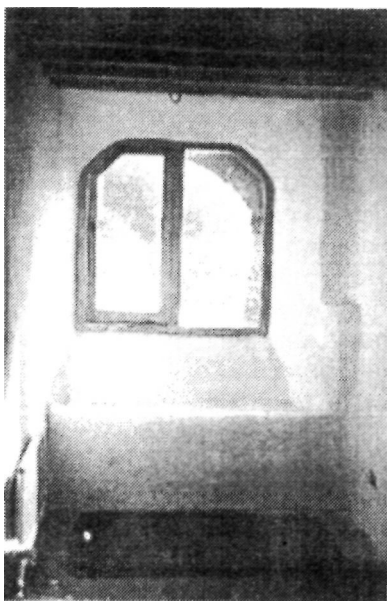
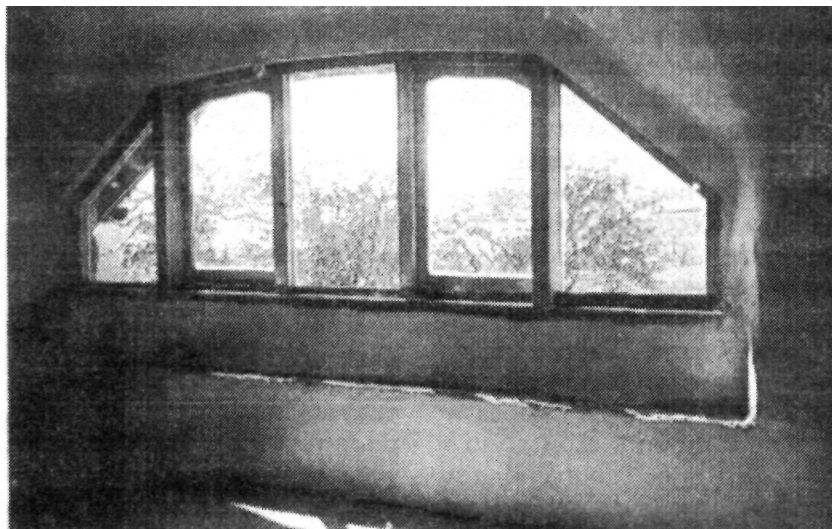
строители вовлечены в процесс, тем труднее ожидать от них истинной заботы о результате. Но ведь художественный инстинкт в работающей руке жизненно важен в процессе одухотворения здания - по меньшей мере столь же важен, как и искусство архитектора. Точно так же, как задачей архитектора является привнесение души в рациональный мир районной планировки, рука мастера придает жизнь архитектурному проекту.

Важным эффектом того, что проектирование развивается по мере того, как все возможности становятся очевидными и их потенциал реализуется, является то, что и строительный процесс и сама постройка обретают своего рода жизнь. Руки, если они действуют на основе любовного отношения к делу, встраивают одухотворенность в материю здания. Можно войти в пустое еще немеблированное здание и сразу ощутить, что "в нем есть душа". Войдите в пустое цельносборное сооружение, где рабочие не ощущали никакой художественной вовлеченности: оно ожидает, чтобы будущие обитатели внесли в него душу, и им придется выращивать качества, не имея для этого никакой опоры - себе-

седования не будет. Тут никогда не будет такого чувства "дома", какое возможно в том случае, когда здание начинает свое существование уже одухотворенным.

Это не означает, разумеется, что иные не могут трактовать такой подход как свободу переломить проектное решение или - при "глухоте" к ведущей теме - навязать дому свои собственные предпочтения. В каждом здании, которое мне довелось посетить годы спустя, я остро реагирую на вещи, которые я хотел бы видеть сделанными несколько иначе. Но это вижу только я. То, что видят другие, что им нравится, что они ошибочно приписывают мне в заслугу, произросло из того, как строилось здание, из работы, которую уже другие вышли за рамки того, от чего отталкивался мой проект.

Оценка того, как построено здание, должна быть полностью отнесена на счет строительных рабочих. Но часто ли о них заходит речь при раздаче архитектурных премий? Однако признанный или нет, строительный процесс означает для них больше, чем завершение материального объекта (имя существительное), - они еще встраивают в него свойства

*До того, как обитатели
вдохнут жизнь в постройку, даже
до того, как оно закончено,
процесс одухотворения уже мо-*

*жет быть далеко продвинуто. Со-
мнительно, чтобы результат был
таким же, если бы строители (в
данном случае на подряде) не
были художественно вовлечены в
рабочий процесс.*

(прилагательные). По мере их сил они возводят нечто красивое и полезное для души. Оскорбляя кого-то словом, человек оскорбляет им прежде всего самого себя и напротив: попытка дать другим нечто полезное оборачивается чем-то питающим и для самого дающего. Но никакой продукт не будет питать делателя или пользователя, если он не вырос из чувства художественной вовлеченности. Для здоровья общества сегодня жизненно необходимо, чтобы это чув-

тво было доступно в повседневной рабочей обстановке.

Нас приучили к тому, что здания поставляются как готовый продукт, созданный кем-то другим. Но чем меньше мы в состоянии сделать сами, тем более зависимыми мы становимся. Зависимость - шаг к заболеванию общества. Богатые могут выкупиться из этой ситуации, передоверяя другим проектировать и строить свои дома и офисы. То же доступно тем умелым, кто может строить для себя сам. Подсчитано, что строящие для себя создают в Великобритании

больше, чем любая из строительных фирм, хотя очень немногие среди них начинают с почти полной неумелости. Однако мой опыт с добровольным строительством показывает, что даже без какого-то предварительного умения и при малых деньгах открывается путь к разрыву цепи зависимости. Этот опыт доказывает, что и начиная с этого можно сформировать окружение, питающее душу, растить уверенность в себе, укреплять местное сообщество и - почти незаметно - к тому же обучаться рабочим профессиям, на которые почти всегда есть спрос.

11.

Излечение молчанием: архитектура покоя.

Излечение представляет собой процесс, который может стать только внутри нас самих, но вещи вне нас могут его инициировать, поддержать и усилить. Поэтому не бессмысленно говорить о лечащей среде и лечащих свойствах окружения. Из всех излечивающих сил в доставшемся нам от Бога мире, может быть, важнейшим служит тишина. Мы обсуждали, мы наблюдали много раз жизнетворные эффекты процессов, действий, качеств материала, но тишина не процесс, не действие и не вещь. Это тишина и только.

Но что такое тишина? Разве это полное отсутствие звука? Где в мире можно столкнуться с отсутствием звука, чтобы не было ни шелеста ветра в траве, ни звука растрескивающегося камня, ни всплеска воды? Звук

значит жизнь, и в тихих местах сам слух обостряется, чтобы слышать ее. Мы даже начинаем слышать шумы в собственном теле.

Есть огромное различие между телом в расслабленности отдыха и мертвым телом. Мертвое животное совсем иначе выглядит на природе, чем прилегшее отдохнуть: ветер иначе играет с его шерстью. Есть молчание смерти. Чтобы испытать на себе буквальное молчание, необходимо запереться в звукопоглощающей камере - это очень странное ощущение. Эксперименты по подавлению всех чувств показали, что если внешние раздражители полностью отсутствуют, все жизненные процессы оказываются в таком критическом состоянии, что возникает угроза для жизни. Полное молчание не поддер-

живает жизнь, а подавляет ее.

Является ли тишина отсутствием шумов? Самые шумы непросто определять словами, и мы уподобляем их то ли жужжанию насекомых в летний полдень, то ли плеску волн о камни, шуму ветра в кронах или свисту ветра над снежной гладью. Но вокруг нас великое множество разных шумов. Обычный дом наполнен оборудованием, производящим шумы: холодильники и морозильники, системы отопления и насосы, тиканье электрических часов и прочее и прочее - все это мертвые механические звуки в отличие от звуков жизни, вроде речи, музыки, треска поленьев в камине, ветра в печной трубе, ударов дождевых капель по стеклу. В городе, стоит выйти за дверь, и мы окунаемся в шумовой фон, от которого нельзя уйти. Но даже и в деревне нужно отойти неведомо как далеко, чтобы не услышать радио или проигрыватель, машину на шоссе или бензопилу, электродоильный агрегат или самолет. Стоит вслушаться и где-то по соседству почти все время обнаружится источник механического шума. В наше время тишина, то есть освобождение от механических шумов, стало вымирающим видом, во многих местах

исчезнувшим полностью.

Мы живем в шумном мире, и шум воздействует на нас независимо от того, обращаем мы на него внимание или нет. Давно уже установлены физические эффекты, вроде утомляемости и души и тела, при уровнях шума выше 65 децибел. Это типичный для города постоянный шумовой фон. Шум у края тротуара главных улиц, как правило около 75 децибел, воспринимается в два раза болезненнее, а на автомагистралях при средних 83 децибел эффект еще раз удваивается. Шум на улице может достигать и 90 децибел, что уже чревато приступами сердечной недостаточности. Даже и гораздо более слабые шумы, вроде фонового эффекта вентиляции, затрудняют сон, сказываются на пищеварении и мыслительных способностях. Мы легко привыкаем к невысоким уровням шума и напрочь перестаем их замечать. Однако то, что они все же сказываются напряженностью, легко доказывается тем чувством облегчения, которое мы испытываем, как только эти шумы прекращаются.

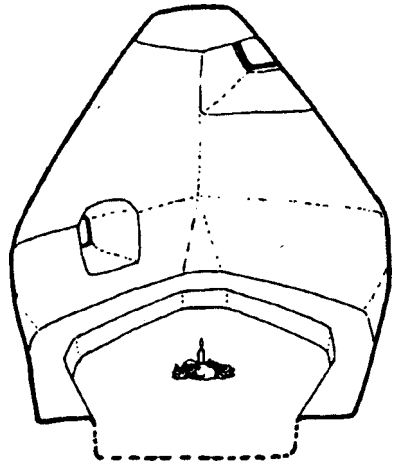
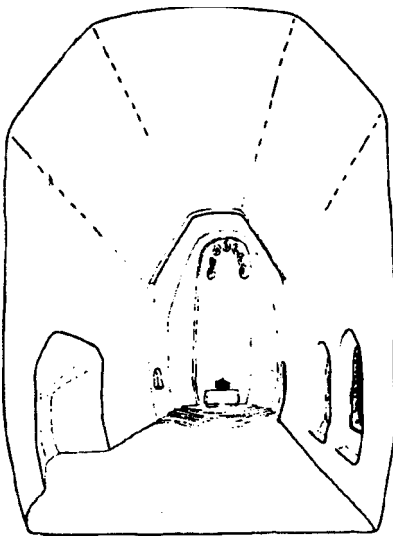
Шумы, иными словами, вредны для здоровья, и они уже признаны одним из прямых форм загрязнения среды

обитания. Есть вполне устоявшаяся технология шумозащитного проектирования. Расстояние, барьеры (стены, откосы, здания), звукопоглощение (в частности зеленью, которая служит одновременно и дымовым фильтром), расчленение на зоны большей или меньшей допустимости и маскировка (шелестом листвы, движением водного потока и иными звуками жизни) - все это может приглушать внешний фоновый шум. Там, где интенсивное движение, в особенности скоростное, служит источником шума, нередко несколько помогает чисто визуальная его блокировка. Напротив, временные шумовые нагрузки, вроде той, что связана с проходящими поездами, становятся в меньшей степени шоком, если можно и слышать и видеть их приближение. Шум от живого источника, каким является например школьная игровая площадка, раздражает меньше, если можно при этом видеть, что там происходит. Когда источники шума и газовых выхлопов совмещены, что случается чаще всего, окна, глядящие в эту сторону, можно герметизировать (сдвоить остекление, обложить звукопоглощающим материалом). Интерьерные шумы

можно уменьшать с помощью звукопоглощающих материалов, работы с формой помещений и контролем над шумом в местах его порождения.

Конечно, относительно борьбы с шумом можно сказать гораздо больше, чем упомянуто выше, но как бы ни были наши действия целенаправленны и тщательны, нет надежды достичь тишины. Да, утроив остекление и покрыв стены, полы и потолки звукопоглощающим материалом, мы можем создать акустически мертвое пространство, но это не тождественно тишине. Но именно к тишине следует обеспечить доступ, потому что если шум приводит к стрессу, то тишина лечит.

Куда податься в этом мире, чтобы отыскать нужный вид тишины и во сколько дополнительного шума это обойдется тем, кто может себе позволить такого рода поиск? Одно из мест - укрыться внутри самого себя, и немало таких, кто ищет внутренней тишины через медитацию, хотя это отнюдь не просто - удержать в повиновении собственные внутренние шумы. Но если мы стремимся проектировать лечащее окружение, необходимо придать ему качества священной ти-

Капелла - различные элементы по каждую сторону от оси уравнивают друг друга.

Комната для медитации - различные источники света оживляют центрическое и прочти симметричное пространство.

шины, которая была бы доступна каждому - не путешественникам и йогам только, но в особенности всем тем, у кого нет средств для того или для другого.

Хотя мы и не умеем дать тишине строгое научное определение, распознать ее способен всякий. Легкие, неназойливые, полные жизни священные звуки дают нам внутренний покой: это вечные звуки дуновения воздуха, покойной бесконечности воды, но уж во всяком случае не

звуки момента, даже если те и успокаивают на миг. Короны, жующие свою жвачку, гудящие рядом шмели - эти звуки успокаивают, почти усыпляют, но в них нет вечного начала. Тишина, покой и ощущение вечного нерасторжимо связаны друг с другом.

Еще труднее определить в словах тихую архитектуру, но она так же легко опознается. Бывает архитектура мертвой тишины и архитектура тишины живой. Чтобы возникала живая архитектура тишины, необходимо понимать сущностные свойства живой тиши: мягкая, ненавязчивая, спокойная, вечная, животворная и потому священная.

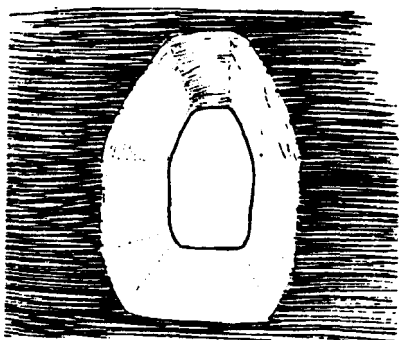

Для достижения чувства покоя необходима уравновешенность. Это обычно означает наличие центра и оси. Симметрия очень жестка, а жесткость враждебна живому. Равновесие полно жизни и его стороны словно обмениваются дыханием. Помещения могут быть и очень маленькими - так, монашеские кельи редко были чем-то большим, чем пространство, где моно стоять и лежать. Чем меньше помещение, тем более скромным, простым, аскетичным и спокойным оно может быть - всякая меблировка становится здесь вторжением. Таково помещение, предназначенное для одной определенной цели, но вовсе не для того, чтобы быть тихим местом в самой гуще повседневной жизни. Если пропорции, фактуры, свет и иные качества маленькой комнаты не оказываются точно такими, как нужно, она немедленно обращается в ловушку. Комната побольше в этом случае терпимее, однако стоит начать в ней двигаться, и ее молчание начинает отзываться пустотой. Слишком обширное пространство может внушать трепет. Человеческое существо тогда становится слишком беззащитным перед мощью архитектурного масшта-

ба. Те из церквей, что служат местом тишины (таких не столь уж много, потому что большинство строились для внушения трепета), отнюдь не относятся к числу крупных, и их размеры сокращены за счет многоэтажное™ построения деталей. Строение облика романских соборов прочно привязывает их к земле. Представьте себе такой собор оштукатуренным и ровно покрашенным - в своей простоте их размерность оказалась бы чрезмерной, и уж во всяком случае о тишине внутри не могло бы быть и речи.

Пропорции предопределяют успокоенность места или его устремленность в каком-то направлении вместе с ощущениями, которые порождаются такой направленностью. Трепет, ожидание или успокоение можно вызвать акцентировкой движения ввысь, вперед или рассредоточением его окрест. Уравновешенность пропорций отображает уравновешенность строения человеческого тела и внутреннее равновесие в душе.

Излишне вытянутые пропорции, будь то вверх,вширь или вглубь, подобны чрезмерно акцентированным линиям или чрезмерной сфокусированности пространств.

Там, где окна посажены глубоко внутрь стены, свет, отраженный от обрамления, не только добавляет освещенности, но и выстраивает переходную ступень от яркости снаружи до полумрака внутри, придавая свету успокоенность. Зрительное устранение оконной рамы и смягченные, но твердо выполненные очертания проема, а также мягкая фактура оштукатуренной поверхности вносят свой вклад в настроение спокойной тишины.

в них есть опасность излишнего напора. Мне важно оставить за пользователем свободу действий и отношения. Поэтому я всегда забочусь о том, чтобы не акцентировать что бы то ни было слишком сильно. Для создания тишины я стремлюсь скорее несколько "не доиграть" архитектуру, чтобы она не навязывала себя чрезмерно. Это требует некоторой простоты. Простота, которую обожествляли в пе-

риод бури и натиска "современной архитектуры", многим не архитекторам кажется обычно скучной. Но одним зданиям простота вредит, другим она полезна, а для мест тишины она просто необходима, но как достичь почтенной простоты без того, чтобы не творить скуку?

Я подхожу к теме простоты следующим образом: можно войти в пространство по оси, пространство может быть центрировано вдоль оси, но нужны незначительные вариации между левым и правым, легкая неопределенность формы и в особенности живость линий могут внести необходимый оттенок. Так работают легкая выпуклость стены у основания, оттенок криволинейности в прямых и напротив сила прямых в характере кривых линий. Именно такова природа почти прямых линий волокон дерева, даже если мелкие перепады оттенка частично замаскированы пятнами или прозрачной покраской. Оттенок живости усиливается светом: где расположены окна, какова их форма, как умерен свет (за счет отражений от вертикального обрамления или благодаря фильтрации через крону деревьев) - все это усиливает взаимную игру между прямым солнечным

светом, светом неба и светом, отраженным от поверхностей, и вместе является ключом к настроению помещений.

Свету нужна фактура, на которой он может сыграть свою партию. Естественно, что я стремлюсь получить живую, хотя и не навязчивую, деликатную фактуру. Для этого хорошо годится обычная штукатурная смесь для работы вручную (9 частей грубого песка, 2 части извести, 1 часть цемента, смесь наносится мастерком со скругленным носком, чтобы получить легкие колебания фактуры, но без следа инструмента; финальная отделка - когда слой начинает отвердевать примерно через час - производится рукой в рукавице). Это придает деликатность, жизненную силу, смягченные переходы на относительно ровной поверхности - поскольку штукатур в этом случае непременно вовлекается в художественную игру, комната насыщается жизнью. Это, разумеется, не единственный материал для работы и не везде он применим, но там, где ему место, это один из моих фаворитов. Он требует больше чуткости, чем мастерства и при работе по кладке из крупноформатного кирпича у такого ра-

створа есть добавочное достоинство: он недорог и прекрасно приспособлен для самостроя или работы добровольцев.

Мне приходилось бывать в очень простых с пространственной точки зрения помещениях, фактура поверхностей которых напрочь лишена жизни. Гладко оштукатуренные, гладко окрашенные комнаты, где даже дерево бывает окрашено до блеска. Находиться в таких комнатах одному и в покое почти тоже, что оказаться в тюрьме. В таком помещении вам просто необходим телевизор, радио или проигрыватель в качестве компаньона, чтобы как-то заполнить пустоту пространства, заронить в него жизнь. Я стремлюсь создавать помещения, в которых такого рода подпорки не нужны, комнаты, которые оживают от света солнца и пламени свечи, от пения птиц за окном, от неяркого рассвета и тишины.

Комнатам без фактуры нужны обои или цветные плакаты, чтобы придать им характер - изобразить фальшивую индивидуальность на тонкой поверхностной пленке. Я использую цвет в других целях, настолько в других, что когда клиент говорит: "У меня есть эти вот занавески, и я хочу, чтобы им соответство-

вал колорит интерьера, я в некоторой растерянности. Мне цвет нужен, чтобы создать настроение. Тем не менее, чаще всего, ради ощущения тишины, я пользуюсь белым. Белый - не без оснований - имеет скверную репутацию. Это цвет, которым пользуются, когда ничего лучшего не могут придумать. Но это тот цвет, который я использую тогда, когда не хочу ничего придумывать, когда мне нужна тишина. Многие думают, что белый это вообще не цвет, но их столько, оттенков белого - достаточно вспомнить различия между цветом побелки, эмульсионной покраской и эмалью! Белый - прародитель всех цветов спектра и потому в нем содержатся все оттенки и все настроения. Белый может быть спокойным, жизнерадостным, веселым, но также и вневременным, тогда как синий может быть только спокойным при риске, что он окажется холодным и грустным; оранжевый может быть полным энергии и приветливым, но всегда есть риск, что он будет слишком силен, способным разрушить; желтый может быть радостным, но есть риск чрезмерной его активности. Я нигде не видел более вечных качеств, чем в картинах Вермеера, но ко-

ричный несет с собой риск излишней тяжеловесности, темноты и гнетущей замкнутости.

И все же там, где само помещение или оконный проем строго прямоугольны с гладкой поверхностью и резкими гранями, я ни в коем случае не применю белого - он только усилил бы тяжесть целого. В таком помещении белый усилил бы всякий шум. Кстати, как показали исследования соотношения колорита и восприятия звука (Кеннет Байес и др.), звук в белых помещениях действительно кажется громче, чем в любых других. Поэтому тоже, когда мы используем белый, требуется особенное внимание к свойствам формы, фактуры и света, иначе можно получить больше шума, чем хочется. В принципе известно, что самым спокойным цветом для отделки комнат является глубокий пурпур. В древности этим цветом не имел права пользоваться никто, и даже его использование в одежде было ограничено жесткими правилами. Пожалуй, и сегодня, хотя мы и утратили былую чувствительность к "естеству" цвета, этот цвет вряд ли приемлем для повседневного пользования, так что пурпурный цвет кухни был бы явно неуместен.

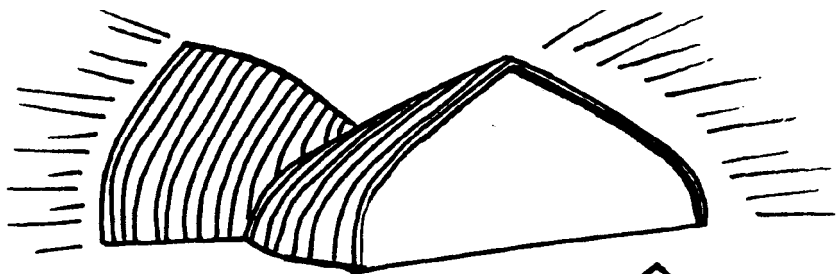
Известно, что красный может принести тепло, стимул, страсть и даже агрессивность. Желтый способен внести свет в темное помещение, жизнерадостность, веселье. Зеленый успокаивает и освежает - недаром это цвет врачебных халатов и актерских уборных. Я использую определенный цвет, когда стремлюсь прежде всего подчеркнуть определенное настроение. Комната для медитации, о которой шла речь выше, должна быть покрыта слоями лессировки, чтобы получить окраску в пурпур с голубоватым оттенком.

В терапии было доказано, что окрашенный свет эффективнее, чем крошечные пигменты. Цветные стекла кажутся на месте только в особых условиях (церкви), но окрашенность цвета достигается через контролируемое отражение. Непрозрачные окрашенные поверхности сильны и склонны подавлять собой все, тогда как прозрачные слои краски имеют перед ними явное преимущество. Кирпич, керамическая плитка и дерево с богатым рисунком волокон приносят с собой теплоту. Мы как-то проектировали театр, интерьер которого должен был быть окрашен серым, но не

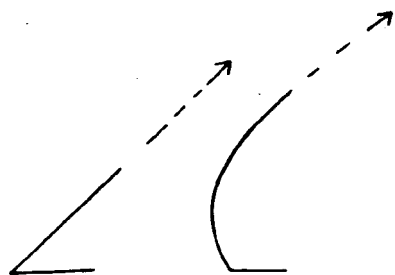
тупым плоским серым, а взаимным просвечиванием тонких слоев красного, синего и зеленого - это должно быть фокусирующее внимание на сцену, лишенное назойливости место, но уж во всяком случае не обитель тишины.

Я также стремлюсь к тому, чтобы места тишины и покоя не имели лишних деталей. Эти помещения в некотором смысле должны быть вне какого-то определенного настроения. Когда круглая капелла для медитации (см. стр.73) была уже близка к завершению, обнаженные, радиально расходящиеся от центра стропильные арки выглядели столь привлекательно, что многие хотели оставить их в таком виде. Однако я ощущал, что ими создавалась теплая и уютная атмосфера с подчеркнутостью архитектурного решения, что, быть может, было бы хорошо для жилого помещения, но никак не для капеллы - молчаливого ядра для обновления душевных сил в центре отдыха. Я предложил снять потолок, если новый облик помещения покажется хуже, - к счастью, этого не пришлось делать.

Материал точно так же может быть слишком характерным, брать на себя слишком много, как и цвет.

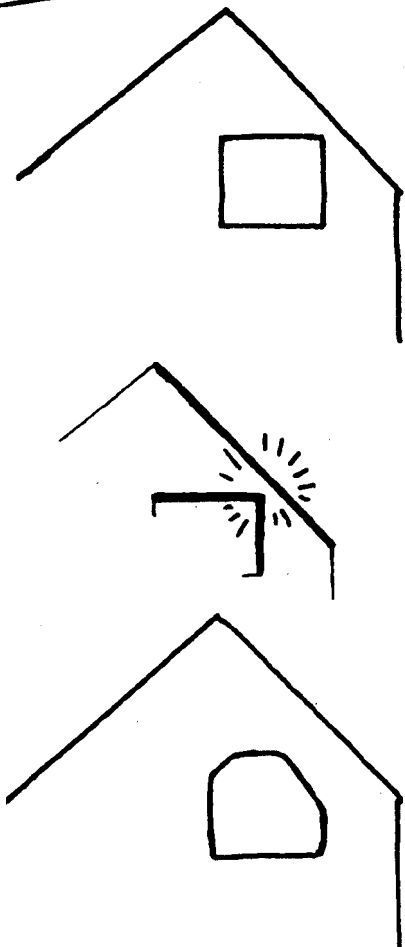
Gesturing of unfinished form.

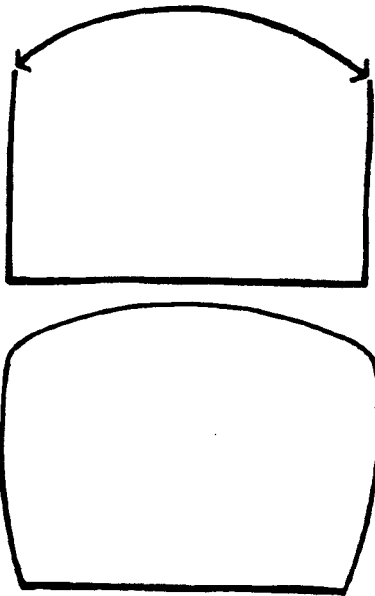
Динамический заряд содержится в любой линии, прямой или кривой.

То же характерно и для напряженности, возникающей между двумя линиями, и для формы. Попытка разрешения одного конфликта нередко влечет за собой возникновение нового, и нередко нужны часы и часы труда, чтобы найти разрешение для "незаконченных" движений внутри формы.

Различие в том, что те или иные материалы могут столь явно подходить определенному месту, что использовать другие непрактично или нецелесообразно. В ряде стран кирпич, камень или дерево не оставляют иного выбора, и мне доводилось переживать

чувство священности места, выполненного в любом из

Даже очень спокойная замыкающая кривая обладает визуальной мощью - отражением конструктивной силы. Встреча подвижного с неподвижным может создавать ощущение неуравновешенности, если не разрешить его модулированием соседних элементов, углов, встреч.

этих материалов. Обычно разных материалов не должно быть много в одном месте. Мне, как правило, довольно трех: стены и потолки в одной отделке плавно переходят друг в друга и объединены единством цвета; деревянные двери и оконные рамы, некрашенные, но, возможно, тронутые "морилкой" или

лессировочным тоном; полы с привлекательной фактурой, цвет которых отепляет отраженный свет - доска, кирпич, керамическая плитка или ковер. Единство материала и цвета обладает свойством успокаивать, потому в них должно быть достаточно энергии, иначе все место может незаметно соскользнуть в вялость и безжизненность.

Чтобы избежать безжизненности, пространства, очертания, формы нуждаются в толике внутреннего движения. Статичность прямого угла лишена энергии. Эффектные динамичные формы или "жесты" формы чрезмерно сильны. Чтобы обладать и движением и стабильностью, жест должен отвечать жесту в гармоническом общении. Тогда нет прямого повтора, а есть разрешение напряжения в том, что сказанное другим преобразуется таким образом, чтобы получалось именно то, что нужно для этой местности, этого соседства, материала и функции. Гармония покоя является продуктом спокойно текущего диалога.

Возможно, важнейшим свойством рукотворных вещей является их вневременность. Картина может быть вневременной и здание тоже.

Очевидно, что в картине следует избегать чего-либо, что находит свое разрешение во времени за пределами данного момента, чтобы не уподобиться удару футболиста по мячу. То же и со зданием. Для этого мало придать ему свойства, которые были бы одновременно и традиционными и современными. Это также требует разрешения всех усилий внутренних скульптурных сил - жеста, тяжести, конструктивного или только визуального напряжения.

Мертвые вещи стабильны и неподвижны, потому что время оставило их позади, но вечно живет в каждом моменте бытия.

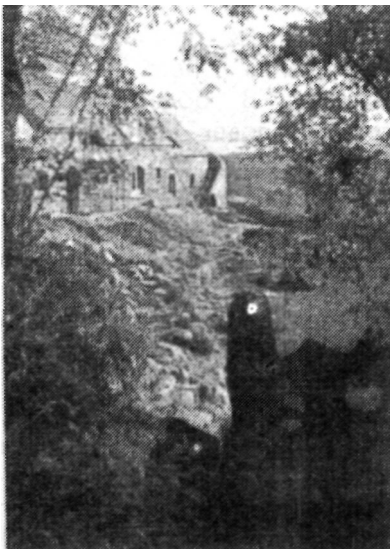
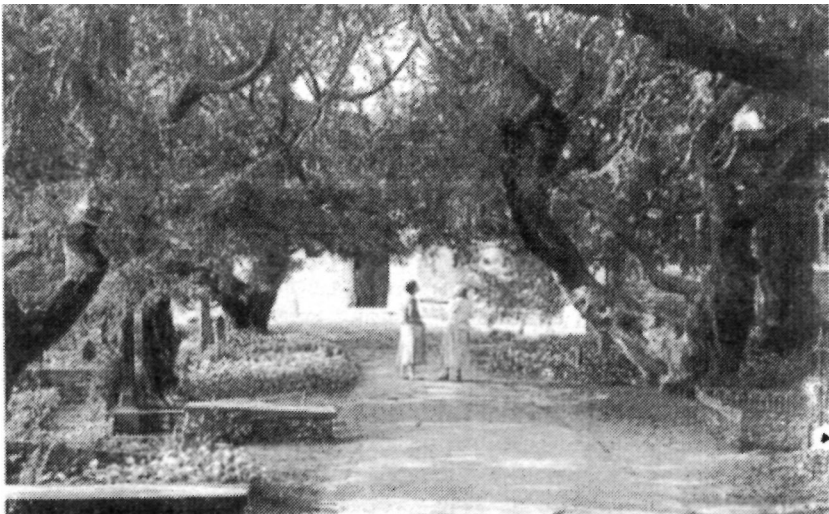
Упражнения по выработке вневременного отношения помогают. Я, скажем, люблю писать уравновешенные, полностью лишённые драматизма пейзажи, купающиеся в мирном свете - разумеется, по воображению, не с натуры, стараясь уловить то, что в них вечно, а не преходяще. Я уже говорил об уравновешенности, задачей которой является ощущение стабильности и стойкости но без часто сопутствующей им жесткости. Здания, принадлежащие месту, прочно укоренённые в земле, можно поднимать до требований вневременное™ и даже вечности.

Здания, лишённые этого, безнадёжны, хотя посадка растительности на стыке земли и стены или растения, вьющиеся по стенам, несколько облегчают ситуацию.

Сколько я себя помню, меня всегда занимало зрелище того, как камень выступает, растёт из земли. Иногда это ушедшие в землю наполовину валуны, иногда это самые кости земли, торчащие над её поверхностью. Иные холмы и горы суть сама поверхность земли, выдавившаяся наружу сквозь растительность или покрытая ею и теперь залегшая на отдых. Именно в этих местах горы прочнее всего укоренены, и, теряя в драматизме экспрессии, обретают наибольшую близость вечности. Ландшафт, в котором и с которым я рос, сильнее, чем что-либо другое, обострил мое тяготение к вневременному.

Другим, в другом окружении, могло повезти меньше. Это означает, что мы должны стремиться создать такого рода чувство в зданиях, которые мы проектируем, для тех, кто в них будет жить. Для проектировщика это означает разработку внутреннего чувства путем наблюдений, упражнений и внутренней сосредоточенности.

Я стремлюсь строить здания, которые принадлежали бы месту, где они оказались, были бы укоренены в земле, создающие впечатление, будто

они всегда здесь были и всегда будут. Места, проникнутые такого рода духом вечности, способны передавать нам ощущение полной жизни успокоенности - в такой мере, на какую никогда не способны постройки, привязанные к преходящим моментам стиля.

Наши предки хорошо знали, что места, в которых мы бываем, воздействуют на наше внутреннее существо. Так, в церковь редко можно было войти прямо с улицы - сначала надо было преодолеть ряд ступеней пути, порогов, помогающих подготовке души.

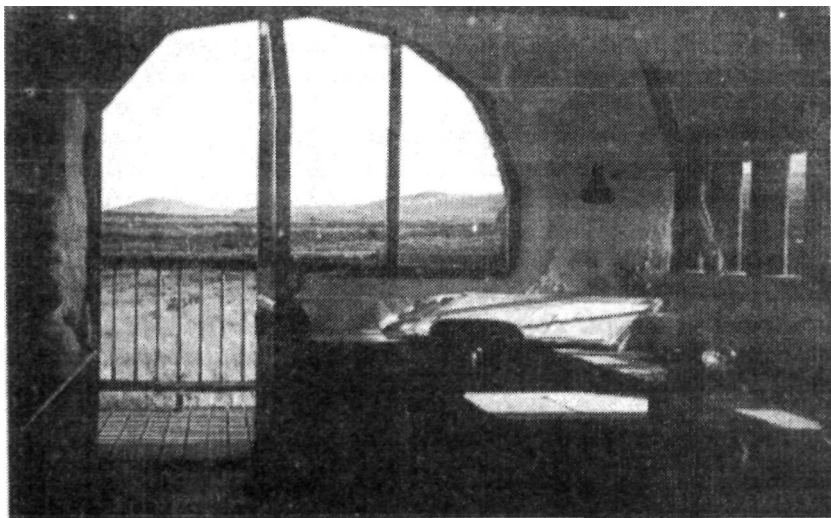
Чтобы быть вневременным, нечто должно восприниматься как неизбежное, необходимое здесь - так, чтобы нельзя было вообразить место иным, чем оно предстает перед

нами. Здание должно быть расположено на участке неизбежным образом, а это не всегда легко. Иногда участок буквально вызывает к чему-то определенному, но иногда он молчит. Самый трудный участок в моей жизни был плоским, бесцветным - только редкие автоприцепы бывали на нем раньше: ничего, из чего можно растить, ничего такого, что играло бы роль пределов, между которыми можно вырастить Место, ничего, к чему модно отнестись, привязаться. Но все же это редкость. Обычно вслушивание в Место постепенно вызывает крепнущую уверенность: это сооружение должно быть здесь.

Здания не существуют изолированно. Проектируя их, мы не можем не озаботиться полнотой процесса вхождения внутрь. В экстерьере мы можем выработать прогрессию восприятия, чтобы усилить неизбежность, необходимость здания, к которому идем. В интерьере мы проносим это подготавливающее переживание дальше и несем его до тех пор, пока не достигнем места, где естественно остановиться, - святилище для отдохновения. Мы можем усилить это переживание, придавая физический характер всякому порогу, где

происходит смена настроения, модальности, - используя более темные, низкие и узкие переходы, клуатры, дорожки, закрытые сверху сводом древесных крон, ведущие к порталу - некой солидной двери с тяжелой ручкой, открывая которую испытываешь чувство открывания. Тогда уже, сделав ощутимый шаг внутрь, можно перейти в другое место, место остановки движения, спокойное, защищенное, охватывающее собой. Стекланный ящик не может быть местом, где есть внутренний покой в тиши: у него иная функция - промыть человеческое существо изнутри, влив в него силы ландшафта. В более плотной среде человек не может не ощутить себя до некоторой степени предметом в витрине: покоем это не грозит.

Прогрессия ощущений строится на основе того же словаря, с которым мы имеем дело дома или на работе: пороги, подчеркнутые порталами, дверьми и их ручками, места перемещения и места остановки. Знаки этого словаря можно усилить за счет осознанной их разработки. Я люблю деревянные ручки, выточенные вручную. Их действительно ощущаешь рукой, когда делаешь движения открывания или закрывания

Моя мастерская - тихое место даже тогда, когда мы беседуем в ней. Она не пуста угнетающим образом, когда в ней никого нет - она отдыхает при этом. Эта мастерская ближе к капелле, чем к фабрике, и ей полагается быть такой, потому что я стремлюсь, чтобы работы, которые в ней выполняются, несли на себе нечто от той же культовости.

Если думать о работе как процессе одухотворения материального, о производстве пищи для человеческого духа, рабочее место должно иметь в себе эту именно атмосферу. Я всегда вспоминаю старые столярные мастерские - в те времена, когда они еще не оказались загромаждены машинами, излучающими опасность. Это не были тихие помещения, поскольку внутри было слишком много интересных вещей, но это

были места почти магического восхищения.

Что за мир возникнет из нагромождения шумных оболочек с их мертвыми аллеями мощных машин и офисов, словно снабженных застёжками-молниями?

двери с осознаваемым легким усилием всего тела. Меня привлекают низкие (или широкие, чтобы создать ощущение меньшей вышины) дверные проемы с арочными или близкими к ним по форме навершиями, низкие, притененные, сводчатые или сходные с ними по очертаниям сечения коридоры, особенно если они имеют легкие изломы в плане. Мне нравится, когда они ведут в спокойные, оживленные светом - совсем не обязательно ярко и уж во

всяком случае без чрезмерной драматургии - помещения уравновешенных пропорций.

Весь этот повседневный ритуал, сопряженный с перемещениями, повторяемый тысячу раз, несет в себе оздоровляющее начало. И на рабочем месте и тем более в домах архитектура сохраняет функцию формирования условий для душевного отдыха.

Когда мы возвращаемся домой после утомительного рабочего дня, дом и вечер дома служат нашему обновлению. Если этого нет, то стресс громоздится на стресс, вслед за чем мы неизбежно ломаемся и физически и психически. Ложась в постель, мы переходим в иные миры и каждое утро рождаемся наново, но до каких пределов сон способен смывать заботы и волнения? Мы встречаем всякий день с надеждой, иначе было бы трудно выжить.

Но что же это за святая святых покоя у нас дома, когда там полно механических шумов, и как надеяться на рождение утром наново, если нас будит радио-будильник! Речь не просто о привычке - дело еще и в помещениях, которым необходим шум, чтобы мы не ощущали себя в них одиноко! Если мы действительно хотим создавать места, где люди могли бы жить здорово, где они больше получают, чем растрачивают, скорее наращивают силы, чем теряют их, это должны быть места, где тишина - желанный гость, где она способна пронизать пространство своей силой вечного обновления.

Этого не создашь за счет хорошей звукоизоляции. Речь о местах, имеющих свойствами тишины, будь то зрение, слух, осязание или обоняние. Речь не о местах, где нет шума, а о тех, где царит оздоровляющая тишина.

Городская среда.

ГОРОД КАК МЕСТО

Мне, приходилось встречаться с архитекторами, которые готовы согласиться с общим подходом, лежащим в основе этой книги, но оспаривают наличие какой бы то ни было его связи с теми проектами, над которыми они работают. Для них все, о чем шла речь выше, не более чем отсутствие практического, идеализм. Их вопросы сводятся к этому: приложимо ли это к градостроительным ситуациям? Что сказать об очень крупных комплексах, над которыми приходится работать многим архитекторам? Как работать с коммерческими клиентами, чья ответственность определяется в категориях прибыльности для компании? Не слишком ли все это дорого и потому доступно лишь для привилегированного слоя? Может ли все это быть дешевым?

Хотя мне приходилось и жить и работать в городах, я вырос в сельской местности, и там навсегда центр моих интересов. Еще до того, как я прочел Шумахера (автор книги *Small Is Beautiful*, сыгравшей значительную роль в перестройке дизайнерского сознания в 70-ые годы), я предпочитал грандиозному малое, маломасштабное, и мне всегда тяжело давалось сочувствие тем, чья деятельность мотивирована соображениями прибыли. Поэтому я в некотором роде аутсайдер, и вполне естественно, что мой образ мыслей не совпадает с взглядами тех, кто "внутри".

Слово "город" вызывает в памяти множество разных образов: ущелья, заполненные потоками автомобилей; интенсивность переживания человеческой активности, вызывающая и подъем чувств и стресс, свалка полуразру-

шенных здании, используемых отнюдь не в тех целях, для которых их проектировали, жесткие призмы зданий с плоскими фасадами, гам, нищета и напряженность и рядом - богатство и роскошь, промышленность, офисы, магазины, квартиры, люди... Есть множество видов городов и в множестве городов встречаются разные типы среды. Аллеи уютного масштаба, покрытые кирпичом, затененные деревьями и свободные от транзита, могут быть в непосредственном соседстве многоэтажных бетонных брусьев среди вытоптанной земли и асфальтовой пустыни. Символы престижа из стекла и стали находятся в двух шагах от мастерских в полном упадке и зданий, на которых отпечатались исторические события. Используя общее слово "город" для описания этого бесконечного многообразия, я сосредоточиваю внимание на их общих проблемах, на их общем потенциале. Проблемы города не сводятся к проблемам автомобильного движения, загрязнения среды и преступности. Все факторы: социальные, демографические, инженерные, экономические, экологические и т.д. - переплетаются между собой, образуя вместе живой, пульсирующий

и несовершенный мир в миниатюре - город. Выстроенный материал города влияет на все - иногда это красиво и привлекательно, иногда приносит людям дополнительные серьезные проблемы.

Города нуждаются в рукотворном окружении, которое несло бы с собой здоровье. Им это остро необходимо, тем более что неосознанные, невидимые процессы скорее склоняют чашу весов в негативную сторону, прочь от здоровья. Уже очень многие города разрушили свою цельность до такой степени, что множество людей ощущают их как отчужденные, давящие, жесткие, непривлекательные места, но ведь это не имеет ничего общего с истинным содержанием городской жизни.

Независимо от того, нравятся кому-то города или нет, они во всяком случае занимают центральное место в нашей цивилизации. Уже поэтому они не должны находиться под столь мощным прессом коммерческих, эксплуататорских целей, как это нередко бывает. Чисто теоретически, город это место, где культурные творческие формы работы собираются вместе, обогащая друг друга, где экономика услуг выступает навстречу потребностям с ог-

ромным многообразием и высокой степенью насыщенности, и где собрано вместе достаточно людей, способных поддержать внеэкономическое общее благо. Если удерживать в сознании высокий образ города, каким он мог бы быть, то можно видеть дальше и шире, чем одни только несчастья и катастрофы - социальные, духовные, средовые.

Города теряют смысл, если они не конденсируют в себе и не питают дух земли, на которой они выросли. Это не означает, конечно, что городская архитектура должна воспроизводить некий местный стиль, - речь о том, чтобы характер региона мог найти отражение в рукотворном окружении, создаваемом городом.

Когда из сельской округи въезжаешь в торговый городок, можно уловить эту усиленность духа места. Она ощущается даже там, где города оказались поглощены и расчленены промышленностью. Все еще продолжающаяся миграция из деревни в город поддерживает его родственные связи с округой. Крупные агломерации уже не отвечают на сигналы своей округи, они подавляют ее. И все же Париж безошибочно выражает дух Франции, как

Эдинбург - Шотландии, Вашингтон - США, Бристоль - Запад Англии, а Ньюкасл - ее Запад.

Бюро поточного производства архитектурных решений, более озабоченные "имиджем" клиента, чем индивидуальностью места, вместе с "импортом" всеобщего международного стиля, лишают самую сердцевину региона, служившую ядром его экономической, культурной и общественной жизни, укорененности. Но и за пределами все более обезличенной центральной зоны строительные компании национального масштаба и проектировщики стандартных построек, склонные экономить за счет тиражирования готовых решений и широких программ маркетинга.

В чрезмерно большой группе городов по всему миру возникло уже слишком много "не-мест", таких участков земли, которые не приглашают прохожего остановиться. Одни из них полностью подавлены транзитным движением транспорта, другие - шумом, ветром, запахом. Многие попросту слишком скучны, чтобы их хотелось обойти. Многие угрожающе зажаты ящиками для статистики - столько-то сотен или тысяч человеческих существ, -

вместо домов или мест работы или мест встречи индивидов и социальных групп между собой.

Большая часть (хотя и не все) городов существуют уже по крайней мере несколько поколений. Они пронизаны историей, населяющей память людей: места, знакомые с детства чем-то особенным, места, которые помнят их бабки и деды, места, что дают чувство стабильности, укорененности во времени, когда все остальное - границы, силуэты, вид улиц, рисунок их использования и сама "атмосфера" начинают меняться с высокой скоростью. Все эти места суть фундамент, на котором можно и должно строить. Неизбежная эволюция требований к предметной среде осуществляется в городах быстрее, чем где бы то ни было, и места, где мы можем видеть стареющие здания, ремонтные работы и приспособление к новым нуждам, дышат жизнью. Напротив, места, которые остаются неизменными, за исключением реставрационных и инженерных работ, рискуют впасть в омертвелость.

¹ Только тогда, когда жизненные силы города перестают рождать потребности, сопряженные с существом места, и начинают резко

привносить в него чужеродные материалы, неверные размерности и масштабность восприятия, индивидуальность места может быть подорвана и уничтожена. Когда естественный рост вытесняется грузом навязываемых идей, сам дух места оказывается под угрозой - увы, он достаточно хрупок. За пару десятилетий множество мест с их человечностью и греющим душу очарованием успели исчезнуть повсюду: они стали чем-то совсем иным, изменили свою природу, начали поглощать и излучать скорее самые негативные из свойств человеческого существа алчность, желание, недоверие, жажду контроля над пространством.

Однако эволюция города, его развитие совершенно не обязательно должны и впредь идти в том же направлении. Город создается деятельностью людей, места в городе обретают свою индивидуальность благодаря выбору красок на палитре деятельности - на этой палитре тысячи цветов! Новый вид активности, если он верного оттенка, лишь обогащает место, разумеется без участия грамотной архитектурной обработки. Как ни странно, вслушивание в то, что можно назвать внутрен-

Мы, в Северной Европе, с нашими улицами, взятыми в плен автомобилем, с нашим климатом и культурой, замыкающимися в интерьере, начинаем забывать, что именно поведение людей, людская суета придает городу чувство полноты жизни.

ними потребностями места, не только благотворно для его судьбы, но обладает целесообразностью и с сугубо коммерческой точки зрения.

К великому сожалению, общей тенденцией последнего времени стало убирание всякой деятельности с улицы (часто даже и из витринных окон), замыкание ее внутри зданий. Уличная выкладка товара зеленщика или кузнеца, струя воды в витрине рыбороторговца, сапожник, ра-

боту которого видно через окно, темный туннель, ведущий в ярко освещенную мастерскую, запах булочной, шум печатного пресса, едва различимого за окном, - все это более и более убирается с глаз долой. Целый квартал нередко становится единым супермаркетом. Огромное разнообразие товаров, немало любопытной деятельности осуществляется в его недрах, но с улицы мы чаще всего можем видеть только объявления о распродаже в нижней части витрин и ряды люминесцентных ламп, уходящих куда-то вглубь. Когда можно заглянуть вниз в чрево супермаркета, чтобы видеть, что там происходит, когда он организован вглубь улицы, а

не вдоль нее, если его границы, обращенные к публичному пространству города, предоставлены тем формам поведения, что обеспечивают контактность между людьми, воздействие и такого супермагазина на место, которое он поглотил, бывает совсем иным.

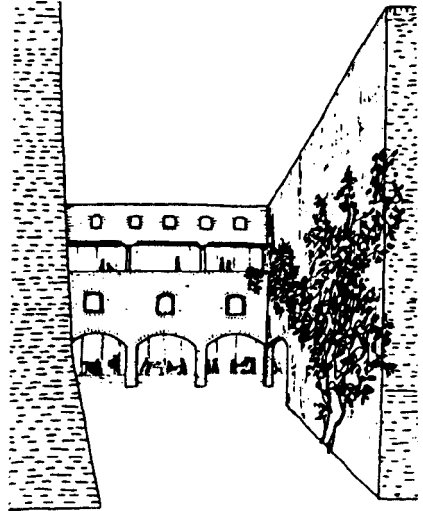
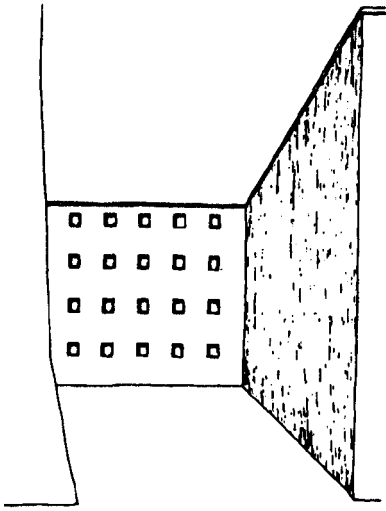
Магазины, эти места, где встречаются материальные потребности и способ их удовлетворения; всегда занимали центральное место в опыте именно городской жизни. Любопытные, привлекательные, повествовательные витрины "продают" свои товары. Чем шире фронт каждого отдельного магазина, тем ниже скорость изменений, когда мы идем вдоль него, и тем меньше жизни, упругости, многообразия чувственных впечатлений при движении по улице. Проход вдоль аллеи из лавок, которая, скорее всего, оканчивается рынком на площади, и проход через промежуток между двумя универмагами суть впечатления принципиально разного рода.

Внешние причины, находящиеся вне нашего контроля, могут делать неизбежным вытеснение малого семейного бизнеса конгломератами торговых сетей, но индивидуальность каждого звена

такой цепи вполне может быть обеспечена и чисто архитектурными средствами и как таковая выражена на физиономии здания, обращенной к городу. Обычно принято устраивать один вход в супермаркет, так что люди обходят множество отделов внутри и затем проходят через барьер из кассовых аппаратов, чтобы выйти там же. Люди движутся при этом, согласно диаграмме последовательности, подобно сырью в промышленных цехах. Когда есть возможность прямо с улицы войти в каждый отдел и выйти из него, такое усиление индивидуальности отделов, не препятствуя внутренней их связанности, дает явный выигрыш месту, покупателям, безусловно персоналу, и вполне вероятно - самому предприятию в целом.

Подход к архитектуре на основе подхода к Месту по контрасту с сугубо строительным подходом может до известной степени высвободить окружение из корсета, сформированного жесткостью границ между участками и экономических критериев, базирующихся на "островной" трактовке территорий.

Магазины, кафе, места развлечений - все это очевидным образом вносит в гсоода жизнь, но что можно

Мера, в которой здания предъявляют зрителю то, что происходит внутри, образует все различие между тем, чтобы сооружение было интересно или скучно. Дело скорее в трактовке архитектурной поверхности, чем даже в решении формы. Нередко достаточно добавить фактуру мощения, дерево с его тенью или бассейн с его отраженным пятном неба, и архитектурная форма, напоминая о тюрьме, начинает приглашать войти внутрь.

сказать об офисах? Больше людей и в течение большего времени пребывают в конторах, чем во время прогулки между магазинами. В Викторианскую эпоху фабрики стремились выразить и в сугубо производственных сооружениях все многообразие

индустриальных процессов. В контраст современным фабричным зданиям, на те было интересно смотреть, хотя выброс огромной массы загрязнений снимал все удовольствие нахождения поблизости. Но и в те времена конторы тяготели к тому, чтобы собираться в огромные призмы, пронизанные множеством одинаковых окон - все это было столь же тоскливо, как и труд клерков внутри.

Из всех конторских зданий я считаю ратуши самыми тоскливыми. Их помпезность и формальная жесткость плохо подходит к идее "слуг народа", и они как правило лишают жизни обширный район в самом центре города. Но, собственно говоря, чем являются здания ра-

туши, кроме того, что это большие емкости для городской власти и чиновничества? Они выполняют, вроде бы, необходимые функции, множество людей всегда входит и выходит из них, и было бы глупо размещать их на краю города, но как же тоскливо бывает идти вдоль них! Если бы об этих местах думали как действительно об органах регулирования городской жизни, то не одна, а три функции были бы приняты во внимание. Во-первых, управление, место которому внутри здания. Во-вторых, это контакт с обществом, который - чтобы избежать бюрократической формальности - должен осуществляться перед фасадом или, возможно, на лоджиях или террасах первого этажа. В-третьих, это снятие социальных напряжений. Это последнее, составляющее в конечном счете самую суть демократического управления, может найти для себя формы, вполне соответствующие городскому центру, вроде культурных центров для иммигрантов, способных существенно обогатить улицы, граничащие с ядром бюрократии.

Как бы ни раздражал нас предыдущий опыт, всегда можно смотреть на предлагаемое здание с этой точки

зрения и задавать простой вопрос: каково его истинное существо? Как можно усилить его позитивный вклад в общественную жизнь? Тот позитивный вклад, что столь часто глубоко похоронен под соображениями бюрократии, как в нашем примере, или престижа или прибыли. И вновь мы должны вглядываться в участок как Место: как можно его улучшить? как проектный замысел и потребности Места можно было бы привести во взаимодействие так, чтобы из их союза возник росток, способный обогатить жизнь целого района?

К сожалению, слишком много проектов, с точки зрения заказчика, представляют собой чисто коммерческие предприятия. В этой обычной ситуации главное заключается в том, чтобы поместить экономические критерии в правильный, более широкий контекст. Проекты такого рода нередко порождены исключительно стремлением получить сверхприбыль, хотя к счастью это далеко не всегда так. Ясно, что деловые структуры теряют всякий интерес, если проект не даст экономического эффекта, но даже и в тех случаях, когда эгоистические интересы откровенно находятся на первом месте, это не означает,

что получение краткосрочной прибыли является единственным движущим мотивом действия. Безоглядная погоня за прибылью вряд ли может стимулировать чувство ответственности, однако прибыль вполне может быть и следствием ответственного проектного процесса. Осмысленное вовлечение персонала в реконструкцию конторских структур уже повсеместно трактуется как важный элемент в создании удовлетворительной рабочей среды, воздействие которой на эффективность труда в свою очередь уже общепризнано. Поскольку оплата персонала составляет в среднем порядка 85 процентов общих расходов конторы, всякое улучшение, повышающее уровень здоровья и состояние духа, сокращает текучесть кадров, окупается достаточно быстро: стоимость непрерывной подготовки нового персонала и т.н. синдром "без десяти пять" или бегства прочь со звоном чрезмерно высока. В странах, где уровень занятости высок, работодатели начали понимать, что привлекательная рабочая обстановка необходима для того, чтобы набрать и удерживать персонал, при чем это отнюдь не ограничивается решением интерьерера. Здания,

которые улучшают собой общей качество Места, приносят владельцам дополнительную выгоду, так как их окружение становится привлекательнее и для персонала и для посетителей. Иными словами, то, что считается полезным, верным для людей и для места, может иметь и весомый экономический эффект.

Рассмотрение проектной темы с точки зрения Места выявляет многообразие средовых и экономических выгод, которые совсем не очевидны, когда трактуешь ее только как потенциальное здание. Словосочетание "конторский блок" влечет за собой совершенно иные образы, чем, скажем, "лицо улицы" или "комплекс дворов и крытых пассажей".

Иные места непременно потеряют больше, чем приобретут при строительстве определенного типа зданий, как бы хорошо те ни были спроектированы. При "осознании места" такие ситуации легче обнаружить, чем при "осознании здания", однако отказ от заказа есть материальная жертва, тем более значительная, чем большее проектное ателье необходимо поддерживать. Неизбежным следствием компромисса оказывается необходимость

делать нечто, в смысл чего невозможно поверить.

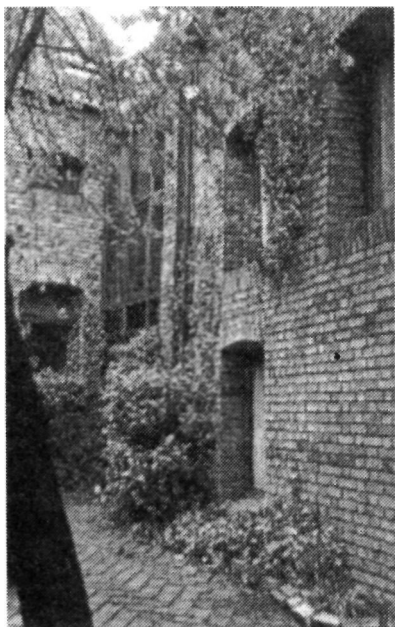
Моя первая, естественная реакция на многие проектные предложения сводится к тому, что это место лучше было бы вообще оставить в покое. Однако почти повсюду очарование места было сформировано деятельностью людей. Этот процесс облагораживания места можно продолжить, но только в том единственном случае, когда новое удастся включить в тот естественный процесс, в ходе которого места рождаются, растут и изменяются. Фундаментальными оказываются простые вопросы: опирается ли проектное предложение на внутреннюю потребность Места, сомасштабно ли оно ему, имеет ли оно в себе тему, которая скорее улучшит место, чем оскорбит его?

Миллионы людей живут в городах, и во множестве стран гораздо больше людей в крупных и очень крупных городах, чем в городках или в деревне. Одни любят большой город, другие живут в нем, ненавидя его всем сердцем. Все аспекты бытия - стрессы, утомление от работы, культурные ценности и стимулы - все это приносится в дом, где живут люди, подобно тому как отравление

на промышленном производстве вписывается в дополнительную оплату в составе накладных расходов. У дома есть функция обновления, и чем выше уровень стресса и потери равновесия, которые несут домой, тем острее потребность в том, чтобы дом был местом оздоровления.

Дом, способный излечивать, снимать стресс, нуждается в особых характеристиках. Верная пропорция приватности - одна из них. Традиция палисадников, дворов, выделенность подвальных эгажей или поднятый цоколь дает такого рода полуприватность. Короткие лестницы или мостики через широкий приямок вокруг дома создавали важное ощущение пересечения порога, которое можно воспроизводить и там, где доступность для инвалидов колясок привнесла новую норму: используя естественный уклон участка, заглубляя двери, устраивая цветники перед окнами.

Подлинный портал в виде темного и низкого туннеля, выводящего на свет с обоих концов, имеет все признаки и порогового перехода от внешнего мира к интерьеру и первой ступени важного ритуала. Защитное чрево спальни комнаты не менее важно - можно ли

Даже в плотной ткани города возможно создание оазисов покоя. Чтобы попасть в этот дворик, нужно пройти по длинному туннелю под зданием бывшей фабрики и повернуть в проход между бывшими каретными сараями.

рождаться утром наново в чем-то, вроде спичечного коробка?

В некоторых культурах существует долгая серия "буферных" пороговых переживаний на пути от шумного, имперсонального и общественного к спокойному приватному убежищу: квартал, улочка, двор, лестница, дом. В Англии таких ступеней

меньше, но во всяком случае больше, чем опыт пребывания в автоприцепе посреди города, когда от внешнего пространство к внутреннему нет и одного шага. Выжить в таких условиях можно, но способность к обновлению сведена до минимума. Разумеется, в сельской местности проблема не столь остра.

Пространство, в котором осуществимо обновления "я" не может быть загромаждено, хотя комнатам совсем не обязательно быть большими, чтобы быть просторными. Мне недавно довелось ночевать в гладкой коробчатой спальном комнате, по площади в два раза большей, чем моя собственная, но в два раза менее просторной. Решение плана, меблировка и свет, форма и пространственная фокусировка окна, оформленность самого пространственного объема и фактуры, цвет и живая зелень способны превратить небольшую комнату в просторное царство покоя, а большую - в заставленную и даже гнетущую или ненужным образом деловую.

В городской среде дому приходится выйти навстречу более конфликтным требованиям и ограничениям, чем где бы то ни было. Есть потребность в большей при-

ватности, но вместе с тем и в более просторных, успокаивающих, почти сонных пейзажах; нужда в большой освещенности, но не ценой потери защитных свойств; нужда в большем объеме внутреннего и внешнего, но приватного пространства, что почти невозможно ввиду стоимости земли; потребность в тишине и свежести прохладного воздуха, тогда как повсюду царит шум.

Между домом и внешним миром лежит "своя территория". Пригороды именно тем и привлекают семейства с маленькими детьми, что их улицы покойны, а плотность населения не настолько высока, чтобы нельзя было знать соседей. В них также достаточно приватного пространства в саду, чтобы отвечать принципу "обойти кругом собственный дом". Именно их уютность и, сопряженная с низкой плотностью, за счет чего трудно обеспечить доступ к общественному транспорту, вызывает у местных подростков острое чувство клаустрофобии. Им необходима "своя территория", которая была бы разнообразна по плотности и насыщенности действием и полна жизни дольше, чем длится время покоя.

Известно, что если на

одной ограниченной территории оказывается слишком много животных, среди них возникают болезни и нарушения нормального поведения. Однако исследования, в которых предпринимались попытки связать подобные результаты с человеческими сообществами, уткнулись в сложность социальной жизни. В различных культурах по-разному определяются теснота, качество воздуха, благоприятная погода или звуковой фон, так что данные не уложись на одной шкале. Тем не менее существует явное согласие относительно того, что стресс прямо пропорционален тесноте. Возможно это и так, но попытки сократить стрессовые нагрузки путем снижения плотности городской застройки привели (Калифорния - крайний случай) к ситуации, когда необходимые в этой ситуации дороги и паркинги вызывают более высокие уровни и шума и загрязнения воздуха и более высокие показатели числа машин на тысячу жителей, чем если бы придерживаться обычной городской плотности. Для районной планировки и градостроителей в этом таится урок масштабно-сти и децентрализации; на более низком уровне масштаба проблема лежит в том,

как увеличить преимущества совместного проживания множества людей, сведя одновременно к минимуму побочные отрицательные явления.

Плотность можно представить как фактор трущобности или фактор стресса или только как меру того, сколько людей можно упаковать на единицу площади. Если однако смотреть на величины плотности как на своего рода контурную карту активности людей (со всем сопутствующим шумом, дополнительным движением машин, нехваткой пространства и солнечного света, потребностью в мощении, магазинами, обслуживанием, общественным транспортом), можно получить картину того, как функция, психический климат и плотность соотносятся между собой.

Эффекты от жилой застройки, подобно коммерческой деловой застройке, распространяются далеко за ее черту. Как бы ни была высока степень вовлеченности индивидов в проектирование их жилищ и примыкающих к ним общественных пространств, среда вне пределов этих охраняемых, нередко замкнутых анклавов, формируется под влиянием совсем иных факторов. Очень часто

это вопросы получения максимальной прибыли, и если такие факторы доминируют, они могут полностью извратить дух города. Если же их можно уравновесить средой, сформированной потребностями скорее души, чем жадой обладания, есть еще надежда, что цивилизация совладеет со своей собственной финансово-ориентированной тенью.

Мне еще не приходилось попасть в город, где районы старой жилой застройки не были бы уничтожены и замещены новым строительством - по соображениям прибыли или по соображениям гуманистического порядка. Опыт научил уже нас, сколь разрушительным оказался этот подход для чувства соседства и чувства общности, и что физические проблемы трущоб, вроде сырости и плесени или быстрого разрушения конструкций могут вполне вернуться обратно в результате несовпадения структуры застройки жизненному стилю обитателей. Чугунная "баба" разрушает не одни только здания, но и сеть межперсональных связей, памяти и мыслей, которые образуют дух сообщества, дух места наравне со всем тем, чторосло там за долгий промежуток времени. К

счастью, эпоха градостроительной реконструкции путем разрушений, вроде бы, осталась позади, но достаточно и других путей, чтобы узкоэгоистические интересы могли угрожать существованию Мест.

Каждый четыре года какой-то из крупных городов выигрывает право принять у себя Олимпийские игры. Город обретает новый престиж, в него вливается поток средств, и вместе с тем - лихорадка разрушения, строительства, сооружения дорог и паркингов. Себестоимость краткосрочных экономических выгод оставляет по себе долгую память, отпечатанную на целом регионе. Подобный процесс в миниатюре воспроизводится постоянно: чем больше денег вовлечено в коммерческие проекты, тем выше степень разрушений.

Англия потерпела такого рода урон в 60-е годы, когда даже в малых городах их рыночные площади были успешно превращены в паркинги. Это случилось задолго до того, как моторизованный шопинг перевернул все кругом, сосредоточив торговлю вдоль автострады вместе того, чтобы, как раньше, концентрировать его там, где оканчивались все пути - в центре города. Эта схема

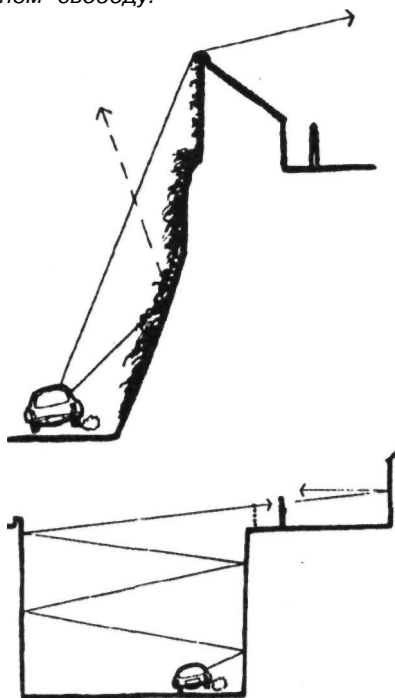
развития осуществилась не только ценой потери характерности, но часто ценой полной потери Места. Во множестве случаев места, что были средоточием общественного духа, превратились в одни лишь названия на карте. Одни из них были уничтожены давлением транспорта, из-за которого то, что служило ядром существования торговых улиц, обернулось барьером, границей. Жизнь замирает у этой границы по мере того, как та придвигается из-за того, что улицы становятся шире, а объем всевозможных отбросов нарастает. Другие места были уничтожены физически, превратившись всего лишь в площадки для нового строительства - как правило с наилучшими намерениями. Третьи словно съезжились в тени новой застройки, новых функций, под напором новых потребителей, в связи с чем их характер и собственные центры оказываются изменены до не узнавания.

Можно ли возродить эти места, столь богатые историей, сохранившейся в людской памяти? Как вернуть им качество живого магнетизма, качества места, которым можно восхищаться, которое можно любить и о котором можно заботиться?

Высокая плотность соседства различных форм деятельности и самих индивидов составляет самую сущность городского образа жизни. Такие места привлекательны для временных посетителей, однако для постоянных жителей недостаток света, озеленения, игровых площадок, излишний уличный шум и клаустрофобия, вызываемая зажатостью между соседями, несут в себе немалые тяготы. В определенный период жизни социальное и культурное богатство, порождаемое такой переуплотненностью, вполне перевешивает ее недостатки. Однако имея в виду семью, мы должны как-то найти пути сочетания плотности городского ощущения с обновляющими жизненными силами качествами света, воздуха, зелени и достаточного про-

странства, чтобы испытывать в нем свободу.

Акустические сечения: звук усиливается за счет эха от стен зданий или выемок (слева); вогнутые поверхности, покрытые поглощающим материалом, способны существенно погасить этот эффект.

Прежде всего, они должны вновь стать местом, которое приглашает войти, не ограничиваясь скольльзящим взглядом на пути вдоль них. Так или иначе, это означает решение проблем давления со стороны транзитного транспорта, в частности пу-

тем его замедления или перемены его на существующие внешние "границы". Мне довелось жить рядом с маленьким приморским городком. В течение ряда лет дорога, ведущая к нему, превратилась из извилисто-сонной в четырехполосную магистраль, прорезанную сквозь ландшафт. При этом магистраль все так же вела в плотно застроенный городок с минимумом места для парковки машин, стоящий на мысу, далеко выступающем в море! Строительство дорог чрезвычайно дорого, а паркинги уничтожают города, и я нередко думал, насколько дешевле было бы создать паркинги вне города, среди полей (приток людей ощущается лишь в летние месяцы, да и то в случае очень хорошей погоды), организовав бесплатную автобусную связь с городом.

Иные из транспортных проблем можно разрешить за счет внимательного вдумывания в то, как путешествуют люди, путем субсидий для общественного сообщения, но, при всей попытках такого рода, от проблем транспорта не уйти. Нередко место вынуждено повернуться спиной к транспорту столь решительно, чтобы исключить контакт с его шумом, выхлопными газами, его скоростью и свя-

занной с ней опасностью. Служащие этой цели стены или заглабления много выигрывают при использовании поверхности, поглощающей звук, акустически продуманного сечения, зелени.

Не всегода, однако, разумно отворачиваться от внешнего мира, даже от тех, кто всего лишь проскакивает мимо. Там, где движение замедляется, где есть легкий переход, наилучшее место для того, чтобы не только технологически "проколоть" защитный барьер, но и дать возможность видеть сквозь него.

Люди не застывают на улице как истуканы, они всегода чем-то заняты, перемещаясь с места на место. Всегда нужен какой-то повод, чтобы сделать остановку. Отнюдь не достаточно предложить людям нужные формы обслуживания - важно, как они размещены, как предьявляют себя и какова общая атмосфера места. Именно она предопределит, будет ли такое место своего рода центром тяжести для окрестной территории или всего лишь зоной торговли, развлечений, бизнеса или предприятий.

Жизнь ускоряет темп. Достаточно заглянуть в старый роман, чтобы заметить, насколько более быстрым ша-

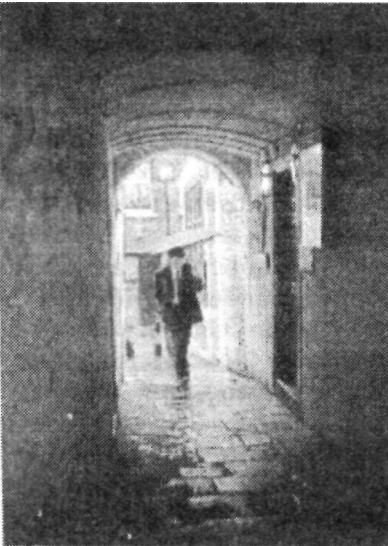
гом мы привыкли уже передвигаться. Особенностью такого ускорения, будь то за рулем автомобиля, за работой или в повседневной жизни, является то, что мы его не замечаем. Стимулы нарастают до тех пор, пока не преодолен предел, за которым начинается стресс. Некоторые считают, что число психиатров в Нью Йорке прямо пропорционально ускоренное™ ритма жизни - ускоренности, которую сразу же замечают приезжие хотя бы по темпу ходьбы по улицам. Многим необходимы каникулы в местах с замедленным движением, чтобы просто придти в себя, и все мы выигрываем, когда какое-то место приглашает сделать передышку. Разработка мест, которые четко отличающихся от маршрутов, не только придает городу внешнюю привлекательность, но и имеет принципиальное значение для здоровья его обитателей.

Вечерний выход в город с его многообразием впечатлений, начиная с интенсивности рекламы (при всей ее вредоносности), нагромождения масштабов, скорости транспорта, характеристик пространства и т.п. стирает обычно способность ясно различить границы протяженности мест. Однако

большие города были и до некоторой степени и сейчас остаются собранными из маленьких мест. Открытость к общению, опирающаяся на встречу с теми же людьми в различных обстоятельствах, гораздо легче дается в небольших соседских сообществах, чем в излишне крупных. Чувство места и его опознаваемость в большей степени зависят от характера, цветности, масштаба и особенностей формы пространства, чем от формы и стилистических характеристик зданий. При анализе чернобелых фотографий, снятых в случайные моменты времени в разном направлении с той же точки, выявляется сразу, как много стилистических вариаций содержится в зоне, которая на первый взгляд кажется однородной. Материал, конструктивные принципы и характеристики пространства значительно более устойчивы, так что речь об истинно визуальных характеристиках. Тем не менее, при всей важности последних, опознаваемость места не сводится к ним: дело в человеческой активности, а та вполне поддается измерению. Есть и очевидные центры притяжения и перепады у тех или иных порогов. Порог подчеркивает переход из одного места в

жилой район. Масштаб, светотень, фактура, форма, уклон, излом или изгиб прохода усиливают изменение нашего внутреннего состояния, отвечающее изменению внешности места.

другое, членит большую зону, придавая ей характер мозаичной картины из малых мест.

Порогом может служить резкая смена характера застройки, вроде двухэтажных домов, открывающихся сразу за углом квартала пятиэтажных зданий, смена темпа жизни улицы или даже ворота в физическом смысле слова. Если, при движении пешком, ощущаешь заметное сужение улицы, сопровождаемое сменной фактур, света, форм ис-

Через арочные проходы мы имеем возможность вступить в другие царства: неожиданный дворик, спокойный переулок,

пользования первых этажей, архитектурного масштаба, возникает безошибочное понимание того, что мы переходим в другое место. Ту же роль играют арочный коридор, туннель, лестница или ворота.

Огороженные участки с воротами появились теперь в Америке, и их целью является не допустить случайных прохожих внутрь. В Англии проявилась тенденция перекрывать сквозные пешеходные маршруты - прохожий может оказаться грабителем! Но когда я в незнакомом городе, мне совсем не хочется ощущать себя бродягой, которого все отталкивают: мне хочется испытать разнообразие мест и свободно идти туда, где интереснее.

И преступность и частная собственность, питая друг друга, склонны разрастаться. Есть две школы архитектурной трактовки средств сокращения условий для правонарушений. Согласно одной, главное заключается в усилении частного характера места, так что всякое место охраняется его частным владельцем. Другая склоняется к развитию общественной жизни, так чтобы места всегда оказывались полны жизни и никогда не ощущались пустынными. Каждая из этих док-

трин влечет за собой и социальные и политические следствия. Лично я не сомневаюсь в том, что сегодняшнее акцентированное внимание к первой школе способно - по крайней мере в локальном масштабе - сокращать число преступлений против личности. Однако самый акцент на частный характер собственности питает известный навык похищать все, что только можно безнаказанно похитить. Для общества в целом это означает подрыв веры в ценности цивилизованности и может быть в конечном счете неэффективным. В конце концов, именно в наиболее частнособственнической стране мира стало опаснее, чем где бы то ни было, выходить на улицу.

Если припомнить Штейнеровское наблюдение относительно связи между эстетическим и нравственным развитием, то нельзя не видеть, что публичные места должны всегда быть местами с распознаваемой привлекательностью, с приятными жизнями пространственными, архитектурными и чувственными качествами, напитанными "красками" человеческой жизни - одухотворенными местами. Всякий раз, когда происходит реконструкция места, есть тенденция его

"оккупации" очередной волной "среднего класса". Самый успех средовых реконструкций несет в себе риск провала в общественной сфере из-за проблемы различной покупательной способности. Городские кварталы испытывают на себе тот же тип давления, что превращает деревушки Уэльса в летние дома для англичан, пустующие большую часть года и безразличные к жизни местных обществ.

До тех пор, пока успех предприятия можно превратить в финансовую ценность, этот риск остается. Там, где реконструкцию удастся совместить с соответствующей структурой найма жилищ, с высоким налогом на превышение новой продажной цены по отношению к исходной и т.п. или там, где реконструкция изначально имеет специфику привязанности к данному сообществу, есть шанс снизить уровень "среднеклассовости" результата. Территории, проект которых ориентирован на сети местных контактов, центром которых являются места работы, пабы, разнообразие услуг и места для игры детей на улице, да еще с ограниченной возможностью для парковки автомобилей жителей, более придутся по вкусу людям, которые привыкли к такого рода соци-

альному рисунку, чем тем, чья работа, формы развлечений и социальные связи не имеют локальной окраски.

Независимо от того, в какой мере мы озабочены прибылью, которая может быть из него извлечена, качество среды переплетено с системой экономических причин и следствий. Существует взгляд, будто инвестиции в доходные формы деятельности способны запустить в ход спираль средовой реконструкции. Зонам упадка нужен новый имидж, чтобы привлечь туда нужных людей и чтобы мяч покатился. Эти зоны нуждаются в средовой реконструкции, чтобы стимулировать экономическое выздоровление, которое в свою очередь действительно сможет улучшить качества среды. Но что это за тип реконструкции, и кто при ней будет вытолкнут прочь?

Я несколько иначе смотрю на вещи. Омерзительные места имеют свойство деморализации людей и усиливать зависимость от всего, что можно купить. Люди оказываются все более зависимы от денег, а их скорее всего не хватает. Человечные места не свободны от этого рода проблем, но они сами по себе поддерживает значительно большую

сопротивляемость людей, высокую степень самоуважения, которое само является опорным основанием для воли к действию. Если улучшение качества ведет к экономическим эффектам, то это происходит в меньшей степени от того, что люди зарабатывают на своем искусстве, чем от того, что мы имеем дело с симптомом более высокого социального здоровья места.

ГОРОДА ДЛЯ ЛЮДЕЙ.

Я рассуждал о преобразовании в Место отдельных частей города, что являет собой существенный шаг привнесения в него здорового начала, однако жить в городе совсем иное, чем воспринимать его со стороны. Люди испытывают потребность в разных формах акцентировки собственного окружения, но что на самом деле нужно людям, проживающим в городах? Слишком легко обще рассуждать о потребностях других людей, но что было бы нужно мне самому, живи я в городе?

На первое место я бы поставил открытость для общения. Города могут быть более чем одинокими местами, где всякое неформальное общение затруднено отчужденностью и неписаными

запретами. То, есть ли где встречаться людям, в значительной мере зависит от наличия соответствующих услуг - в особенности таких мест, где бы люди могли нечто делать вместе. Делание вещей совместно, будь то уход за детьми, работа, учеба, спорт или развлечения, предполагающие участие зрителей, разрушает барьеры между людьми - особенно в небольшом сообществе.

В наши дни люди стремятся все в большей степени замкнуться дома. Экономические причины, мода могут направить это стремление так, что заново формируется тенденция трактовать всех новоселов как "чужих", чуждых. Пришельцы и старожилы могут с неприязнью видеть друг в друге не индивидов, а представителей чужеродной группы. Стоит начать узнавать людей, и это отношение сразу же переворачивается, и они оказываются прежде всего личностями, а различия расы, занятий, жизненного опыта лишь придают им добавочный интерес. То, как именно встречаются люди, может облегчать контакт или затруднять его - во многом в зависимости от предметного окружения. Если бы стремился затормозить процесс узнавания между

людьми, я бы проектировал городские квартиры, где единственным местом случайного контакта с другими людьми оказываются бетонные галереи, безличные коридоры, лифты и площадки у мусоропровода. Ни одно из этих мест не способствует социальной контактности. Тех, кто побогаче, могут вполне нравиться отдельные жилые группы с частными, самодостаточными садиками и гаражами, из которых можно подняться прямо в квартиру, но если вы передвигаетесь на машине на работу, в магазин, к друзьям и в поисках развлечений, каков вообще ваш шанс встретиться с соседями?

Без ущерба для фундаментального права на приватность мы можем в то же время создавать условия для взаимоналожения рисунков поведения и деятельности в общем пространстве. Если магазины в пригороде оказываются в пешеходной дистанции от дома, то это требует не только грамотной планировки участка и экономически оправданной плотности жилой застройки, но также и целой сети "срезающих" углы пешех проходов, в достаточной мере привлекательных, чтобы оттянуть людей от привычки все делать, не выхо-

дя из машины. Многие современные жилые группы в городах по численности населения равны городкам, но поскольку их трактовали как жилую застройку и только, все остальное обнаруживается вовне, за углом. Здесь кроются огромные возможности увидеть в любой форме поведения, в любой технической функции еще и средство развития человеческого сообщества.

Прачечная самообслуживания, обычно представляющая собой стерильную дыру, где пахнет мылом и спят флуоресцентные лампы, и где все стремятся провести как можно меньше времени, может быть чем-то еще, если там будет возможность делать еще что-то, кроме нажатия кнопок. Это может быть место, где можно приготовить чай и с удовольствием ждать конца цикла стирки. Но если пространство прачечной не будет привлекательным, она не в большей степени будет способствовать завязыванию знакомств, чем скамья для родителей у песочницы, если эта скамья бетонная, стоит в тени и на сквозняке, а вокруг все безобразно, шумно и обнажено незащитно. Сколько приходится видеть пустых скамеек в местах, с формальной точки зрения относящихся к

ландшафтной архитектуре. А ведь именно каждодневная жизнь полна маленьких дел, каждое из которых может сблизить незнакомцев, если оно осуществляется в подходящем для этого окружении.

Сомневаюсь, чтобы что-то сильнее способствовало возникновению болезни общества, чем анонимность - ощущение, что и ты никого не знаешь, и всем безразлично, что они не знают тебя. Нет сомнения в том, что куда проще совершить налет на универмаг, чем на магазинчик, владелец которого лично известен потенциальному грабителю. Уже только с этой точки зрения качества среды могут работать на - или против социального здоровья.

Внешняя оживленность городской жизни и общение недостаточны для подростков. Им еще необходимо оторваться от обволакивающей защитной клаустрофобии домашнего приюта и искать приключений в реальном внешнем мире. Это может быть приключение, насыщенное этическим содержанием, каковы многие акции протеста. Оно может быть также экзистенциальным поиском многообразия нового опыта. В динамичное время, в котором нам довелось жить, экзистенциальные приключения несут

в себе больше опасностей для личности, чем кажется на первый взгляд. Невозможно защитить человека от себя самого, однако, подобно тому, как аттракционы луна-парка спроектированы так, чтобы казаться опаснее, чем они есть на самом деле (в отличие от игр на улице, которые кажутся безопасны лишь до первого несчастного случая), вполне возможно таким образом аранжировать среду, чтобы, усилив возбуждение, в то же время свести к минимуму риск.

Возмужание подростка - период формирования самоосознания, ощущения себя кем-то отдельным от семьи, от формальной системы, вроде школы, от всех прочих. Этот возраст обычно характеризуется и высоким уровнем конформизма в отношении старших сверстников - в качестве защиты, спасения от чувства одиночества, являющегося неперенным атрибутом становления собственной отдельности. Промышленность готового платья, производство развлечений явно эксплуатируют этот конформизм, придавая ему форму обязательной моды, меняющейся достаточно быстро, чтобы поддерживать обороты торговли. При всех своих пороках, своя среда для моло-

дежи - на рынке потребителя, вроде молодежных клубов, - должна чутко отзываться на переменчивость моды. Беда в том, что невозможно перепрыгнуть временной промежуток от проекта до завершения, и трудно сказать, в какой мере удастся избежать трактовки того пространства, что "отводится для" молодежи, как формальной и чуждой ей филантропии взрослых, если только сами посетители не принимают участие в приспособлении помещений для себя. Гибкая адаптация не сводится к предоставлению пустых емкостей - нужны места с достаточным многообразием свойств, поддающимся усилению, стилизации и использованию "по случаю". Места, которые молодежь могла бы сама строить, приспособлять, оборудовать.

Процесс осознания самого себя совпадает с временем сознания собственных желаний. Немало денег извлекается из потакания желаниям, но природа их такова, что удовлетворить желания нельзя: нужно все больше и больше. Однако общество, которое управляется желаниями, это больное общество.

Преображение желания из хозяина в слугу, секса в любовь, персонального ста-

туса во внутреннюю силу характера, рабского подчинения моде в независимое различение добра и зла - все это означает развитие внутренне свободной личности. Рыночные силы питают обратную тенденцию, проталкивая зависимость от желаний в раннее детство и растягивая далеко в возраст молодости. Стоит лишь проглядеть рекламу игрушек и автомобилей, чтобы в этом убедиться.

Отсюда проектирование для удовлетворения потребностей молодых людей означает переосмысление и преобразование того, что они хотят, это означает формирование среды, в которой они могут встречаться скорее как полноценные люди, чем секс-объекты, вырабатывать отношения, в которых взаимответственность важнее соображений престижа, и где социально-ориентированная потребность ведет за собой самопожертвование и радость преодоления трудностей. Иными словами, среда может и должна работать на укрепление и развитие индивидуальности и способности личности господствовать над желаниями. В эпоху нюхателей клея, группового насилия и резких контрастов богатства и возможностей общество полностью зависит

именно от таких индивидуальных метаморфоз.

Несложно видеть, где и как могут играть свою ответственную роль работы, ядром которых является энтузиазм: социальная работа в сообществе, реконструкция социальной основы среды, искусство, но где здесь место архитектуре? Особенно архитектуре, которая не связана с социальной работой, которую движет энтузиазм.

Прежде всего, нам необходимы постройки и места, способные быть привлекательными для души, места, свободные от оттенка эксплуатации, места, самый способ проектирования и исполнения которых выражает любовь. То самое качество, которое всегда в такой цене и которого всегда недостает, которое бывает способно превратить подростка с отклоняющимся поведением в борца с несправедливостью мира, а успешного карьериста в преданного пионера высокой миссии. Слишком просто? Слишком очевидно? Но тогда почему такое случается так редко?

Во-вторых, нам необходимо понимание. Не так давно ко мне обратились по поводу проектирования общежития для городских подростков на участке, выбран-

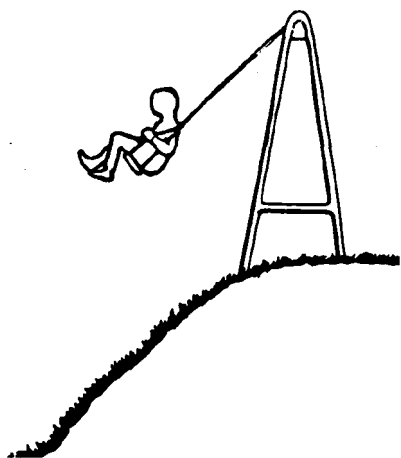
ном из-за его необычайно эффектного расположения. Задание включало создание общей гостиной, которая имела бы признаки паба (но без алкоголя), место для вечернего времяпрепровождения, но расположенное так, чтобы виды и солнечный свет были превосходны. Я не мог не поинтересоваться, насколько то городское-потребительское отношение, которое эти подростки очевидным образом привезут сюда с собой, соответствует генеральной задаче всего предприятия. Не должно ли скорее окружение создавать опору для творческого соучастия в рамках художественной по существу деятельности. Не лучше ли совместное приготовление чая, чем бар, в котором покупают соки и лимонады в фабричной упаковке, которую затем швыряют в контейнер; "живая" музыка, а не плейер; открытый очаг, где можно готовить и печь, а не стерильная плита; свет заката и свечи, а не атмосфера погребка с его темными стенами и электрическим светом. Работу или отложили, или заказчик нашел кого-то другого на мое место, так что я не могу сказать, что было бы результатом моих допущений: массовый исход в ближайший паб каждый вечер или напро-

тив - запись на следующий приезд в то же место.

В среде города, насыщенной конкурентными отношениями, молодежным клубам приходится состязаться с сугубо коммерческими заведениями, и потому, как уже говорилось, они не могут заметно выпадать из быстрого круговорота моды. Однако ставка на сверх-стимуляцию, характерная для коммерческих клубов, с их избытком света, цвета и темпа, способна именно благодаря всей этой чрезмерности уничтожить то чувство чуда, что относится к самым ценным и самым хрупким из человеческих способностей. Без ощущения чудесного ничто не может быть подлинно новым - за исключением опасности, ничто не вдохновляет, ничто не стоит того, чтобы на время отложить в сторону собственные интересы. Подобно всякой "сверх-распродаже", сверх-стимуляция чрезмерно давит на свободу индивида, но если нам удастся повисить "персональную" окрашенность места, есть шанс поддержать и условия для ощущения чудесного. Достижению этого должна быть подчинена вся палитра архитектурных средств, позволяющая придать разные качества цвету, усилить и

насытить "цвет активности".

Среднее детство возраст игры в пустыни, дебри и пещеры. По мере того, как из-за работ по сносу ветхих строений или из-за сторожевых собак городские пустыри становятся все более опасными, традиционная игра имеет тенденцию смещаться на /лицу, принимая все более социально опасные формы: гонки на роликах по супер-маркету, мстительный вандализм, сломанные сучья деревьев и так далее. Конечно, повсюду есть потребность в тщательно отработанной ландшафтной архитектуре, словно только что из парикмахерской, но детям нужно то, что они могут сами приспособить для себя, нечто вроде заброшенного сада с укромными уголками, где их никто не увидит, ветви и камни, из которых можно строить убежища, ручьи, которые можно перегораживать плотинкой и отводить в сторону, крутые склоны, по которым можно карабкаться, скользить и катиться кувырком, возможность ужасаться без серьезной опасности при этом. Если подобных мест нет под рукой, улица является неодолимым магнитом. Однако по своим свойствам такие места не должны быть ни слишком жесткими, ни слиш-

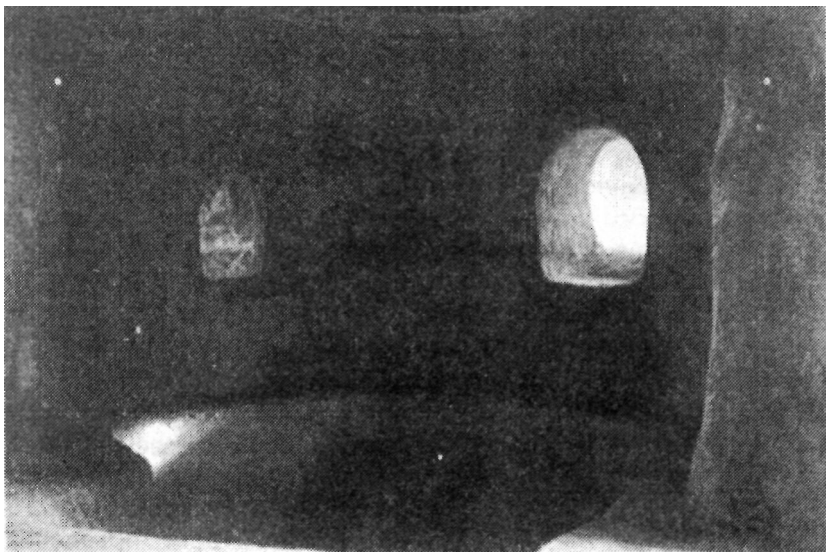
Качели, стенка для лазания или висячий канатный мостик над склоном создает ощущение опасности, поскольку взгляд вниз простирается далеко. Однако при этом падение ничуть не страшнее, чем на плоскую поверхность земли. Когда мы проектируем место для игры с приключениями (строго говоря, это любое место, где бывают дети, а не только т.н. игровые площадки), мы должны рассмотреть пути повышения видимой опасности, снижения реальной опасности и, по мере возможности, сокращения невидимой опасности.

ком трудными, грязными, агрессивными, шумными, ибо на них ложится огромной важности функция формирования личности.

Когда дети рисуют первые в жизни карты, они их начинают и кончают соб-

ственным домом. Дом и мир, непосредственно к нему примыкающий, представляют собой всю их вселенную, и качества этого ближнего мира войдут в них так же, как войдут в них свойства людей, поведение которых они наблюдают. Прежде всего здесь окружение не должно нести в себе излишнюю жесткость, агрессивность или фальшь; чрезмерная сухость форм и пространств оказывает сковывающее, обесцвечивающее воздействие на развитие, что непременно сказывается в антисоциальности поведения. Подвижность формы стимулирует внутреннюю мобильность. Острые столкновения прямоугольных форм, отталкивающие фактуры, неприятные формы мощения, противоречивость визуальной информации производят обездвигивающее, деструктивное, отупляющее воздействие на развивающуюся личность. Когда мы сегодня критикуем жесткую современную архитектуру за создание ею оптимальных условий росту правонарушений, стоит задуматься и над тем, что такое расти в такой обстановке.

Дело не только в том, что это означает не знать, как связаны между собой молоко, коровы и трава, где будет луна или даже солнце

Маленькие дети впитывают все, что их окружает, живое и неживое. Все, что они испытывают, отражается во всем их существе, и многое из увиденного воспроизводится в игре с редкой точностью. Грубое, резкое, неподвижное, подавляющее способность к воображению окружение задерживают и нарушают внутреннее развитие ребенка. Им нужны достаточно мягкие и обтекаемые места, несущие в себе достаточно чудесного, чтобы пробудить мир их воображения (незавершенный альков для игр с окнами с цветными стеклами, предназначенный для детей от четырех до шести лет).

на небосклоне, как меняются игры по временам года, никогда не слушать тишину и,

может, никогда не испытать чудо. Это ведь значит и расти в окружении с высоким уровнем агрессии в отношении всех чувств и самой чувствительности. Однако кое-что можно с этим сделать. Мы можем создавать места, в которых есть радостная игра с разными свойствами солнечного света, места, в которых заметны переходы между временами года - в частности подбирая такие породы деревьев и кустарников, что покрываются листвой и цветами на относительно короткий период, тем усиливая видимое движение сезонов по разнообразию растительности. Ветер шевелит листья - разные листья отвечают ему

различным образом. Дождь, **ускоряющий рост** зелени, **приносящий с** собой яркость **отражений** в лужах, по которым дети могут с наслаждением шлепать, может стать источником радости, если жить в местах, где эти благодеяния продуманно использованы. В других ситуациях, например, стоя на автобусной остановке, когда вас окатят брызгами проносящейся машины или только вихрь от их движения, на утопающих в грязи игровых площадках, в темном и сыром месте - тот же дождь превращается в мучение.

Осмысленный выбор материалов, масштаба, верно оформленные места и оконтуренность форм, поэтический диалог стихий и последовательно сменяющихся друг друга средовых переживаний (то последовательная метаморфоза, то контрастное превращение) - это не только просто хорошая архитектура, это еще и животворное, формирующее воздействие на растущего ребенка. Что за детские воспоминания города остаются в нас навсегда? Для меня это запахи, фактуры, звуки и пространственные черты разных улиц. Я помню длинные прямые улицы и куда более интересные изогнутые, места более живые каким-то

особенным образом, и места невероятно скучные.

Растущему ребенку нужна натуральная пища и он не вырастает здоровым на обедненной диете. Пища входит в организм не только через ротовую полость, но и через все чувства. Точно так же значимость живых линий, а не мертвых, подвижных форм вместо жестких, метаморфозы и диалога, а не мерного повтора и тупого навязывания - все это слишком существенно, чтобы спокойно быть отброшенным в пользу критериев одной коммерческой выгоды.

В городах обитают также инвалиды и замедленные в развитии, безработные, очень бедные, в том числе бездомные люди, изгои. Общественная совесть в большей или меньшей степени предоставляет им материальную основу существования, используя государственные и добровольные формы помощи. Как правило "на красоту" не остается денег, однако вдохнуть дух в материю стоит не больше, чем производить контейнеры для статистических единиц. Любовь не стоит денег, вовлечение самих пользователей в проектирование и строительство не стоит ни копейки - напротив, многое оказывается при этом

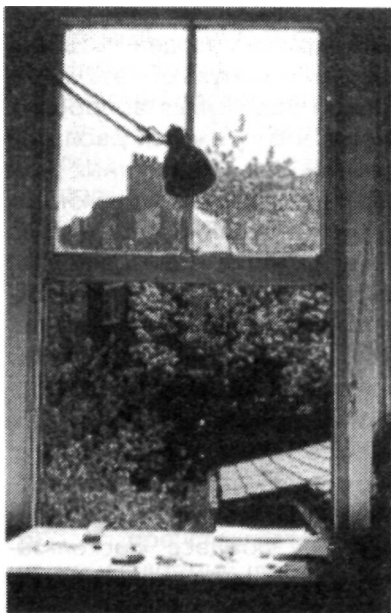
Фактуры, несущие на себе след руки, привносят толику жизни в любое место. Парадоксальным образом эти качества скорее можно встретить в беднейших частях города, чем в более богатых.

существенно дешевле.

Именно в беднейших частях городов обнаруживаются наиболее отчаянные средовые условия, что вполне естественно, так как все, кто зарабатывает несколько больше, выкупают себе бегство из этих районов. Это средоточие мест, где средовые, архитектурные, социальные и персональные проблемы людей проступают со всей своей силой. Без финансовой поддержки беднейшие беззащитны перед безличными,

высасывающими жизнь качествами стандартных форм строительства. Многие ли из нас испытывали восторг, проходя через районы массовой застройки? А ведь мы живем чувством!

Разумеется, места, сооружаемые для бедных, должны стоить недорого, так как у местных властей ограниченные средства. Но дешевизна не является оправданием нищете окружения. Дешевые или даже буквально ничего не стоящие материалы могут оказываться наиболее привлекательными, живыми и доступными. Беднейшие районы старых городов обычно облагорожены плющом, вьющимися растениями и мхами на стенах, крышах и даже

Именно в бедных районах городов "дикие" деревья растут на пустырях и именно они делают окружение сносным, как бы ни было оно тоскливым и безжизненным.

мощении. Здания обычно штопают довольно старательно, не прибегая к реставрации, и они стареют с некоторым изяществом. Конструкции здесь чаще всего из обнаженного камня, кирпича, дерева или покрыты побелкой или однотонным колером. Эти материалы крайне редко дороже, чем допускает принятая норма. Некоторые, как зелень, не стоят практически ничего, но все они требуют

изрядных затрат времени для постройки и содержания в порядке, а там, где труд бесплатен, время высвобождается из-под своей унылой тождественности деньгам.

Когда строительный процесс захватывает людей как именно человеческих существ, а не механическую в повторности действий рабочую силу, здания стоят дороже. Приращение стоимости можно до некоторой степени уменьшить за счет менее престижных материалов и оборудования, но такие постройки никогда не могут с финансовой точки зрения конкурировать с крашеными ящиками массового производства. С другой стороны, если люди строят сами хотя бы только частично, здания оказываются существенно дешевле, чем что бы то ни было, произведенное на рынок. Там, где квартиросъемщики и другие жители вовлекаются в процесс строительства и ухода за постройками, они обретают свободу создавать свое окружение с любовью. В богатых районах этого не встретить. Это может случиться лишь с вдохновленными людьми, а это в свою очередь оказывается в прямой зависимости от процесса "слушающего" проектирования вместо навязывающего.

Это процесс, посредством которого людские потребности души могут найти способ, каким можно создавать места, которых заслуживает человек.

Нередко индивидуальный проект является своего рода лицензией на свободное самопроявление. Но если вы в состоянии вырастить последовательность проектного процесса из общей атмосферы местного сообщества, вобрав в него местные свойства участка, проведя его от общественно-ответственного экстерьера к семейно-ориентированному интерьеру, сам проектный процесс может превратиться в первый шаг на пути создания реальной общности.

Города принадлежат всем: детям наряду со взрослыми, бедным столь же, сколь и богатым, однако значимые решения относительно их судьбы принимаются как правило группой, весьма ограниченной по социальным, возрастным критериям и по годовому доходу. В основном это мужчины. Всякое действие в *городе затрагивает всех*, и мы не можем брать на себя исключительную ответственность за все косвенные результаты действия, трактовать других людей упрощенно или пытаться самих себя считать

моделью внутреннего развития других людей. Только твердо памятуя об этом, мы вправе задаваться вопросами о том, что окажется реальной опорой для неизвестных нам индивидов, а что сдержит их движение. Если мы чрезмерно доверяем формализованному анализу, мы будем в состоянии лишь реагировать на то, что уже есть, что уже было осуществлено под непропорционально большим влиянием тех, кто имеет больший доход. Реакция влечет за собой противореакцию, что означает быстрый процесс соскальзывания в сферу политики со всей остротой ее конфликтов. Чтобы иметь силы излечивать окружение, нам необходим инсайд, глубокая интуиция, а интуиция всегда означает выход за собственные узкие пределы. Подлинный инсайд всегда духовен, так как вовлекает все человеческое существо.

ГОРОДА, ЧТОБЫ ЖИТЬ.

Хотя и отягощенные язвами наихудших кварталов, проблемы городов не сводятся к бедным, национальным меньшинствам, детям и иных ущемленных в правах групп населения. Главной персональной проблемой является утрата контекста, с которым

возможно лично себя идентифицировать. Крупные сообщества с их искусственными средствами поддержания жизни утратили "прозрачность" (я обязан этим названием Леопольду Керу, отцу мало-масштабной социальной экономики). В отличие от деревенской жизни, мы здесь не в состоянии видеть системы движений - социальные, экологические, экономические, - протекающих в городе. Повседневные личные встречи не становятся частью социальной структуры; рост города представляет собой не наблюдаемый воочию естественный процесс, а серии непрошенных вторжений, не соотношенных с предыдущими социальными рисунками; инженерные системы воды, развозки пищи, вывоза мусора, энергии и всего прочего сложны и невидимы; все труднее разглядеть топографию, акватории, экологическую и климатическую индивидуальность; влияние сезонных и даже суточных ритмов в значительной степени стерто. В городах мне нередко приходилось размышлять о том, который час и какое время года, так как я прямо ощущал только дни и ночи, зиму и лето, с всего лишь намеком на рассвет или закат, весну или осень.

При всем их значении, проблема города не сводится к экологической чистоте циклов снабжения и избавления от отходов. Когда мы воспринимаем рост и изменение как естественно развивающийся процесс, это помогает нам укореняться во времени и на месте. Чем более мы можем воспринимать воздействие живущего на унаследованное от прошлого, так что все одновременно и живет и как бы причастно вечности, такое укоренение упрочняется. Это означает в частности, что проект должен создать условия, при которых солнечный свет в разное время дня и года создает существенно различные настроения. Это работа с ландшафтом, которая позволяет видеть последовательную смену времен года, избегая тех растений, что неестественно долго покрыты листвой, цветами или ягодами. Эти ритмизованные перемены накладываются на устойчивость топографии, которую довольно трудно уловить, хотя глаз ловит уклоны земли и тело чутко к колебаниям микроклимата, если только нет возможности охватить ландшафт как единое целое. Нам явно необходимо воссоздать полнокровное ощущение формы земли под ногами. В малых сообществах

Ливневые воды - миллионы ведер - немедленно исчезают, нередко сказываясь наводнением вниз по реке. Но ведь они могут течь по улицам и дворам в виде широких и мелких потоков, вытягивая обычно запертых в интерьерах детей на воздух и заставляя их с нетерпением ждать дождливых дней.

легко увидеть, насколько все эти вещи важны, давая надежность принадлежности месту. Однако и в крупных сообществах можно разрабатывать эту тему здорового бытия.

Большинству горожан лишены контакта с природными пищевыми циклами и цепями: еда это нечто упакованное! Пригородные фермы часто страдают от вандализма, сознательного и нечаянного, однако садовые

участки могут явно быть более явлены взору. Фермерские рынки с их сезонными циклами продуктов с грядки дают вам куда более сильное ощущение времен года, чем витрины супермаркетов под Рождество. Крысы могут делать нежелательными кучи компоста в городах, однако сам факт сепарации компостируемых материалов от некомпостируемых усиливает степень осмысленности жизни.

Сколько людей осознают, откуда и куда льется вода за пределами крана и канализационного слива? Сточную воду можно очищать от бактерий, избыточных нитратов и даже химических загрязнений биологически активным и ритмическим движением воды по каскадам флуоформ, прудам, тростниковым площадкам и другим растительным фильтрам. Такие системы отнюдь не нуждаются в том, чтобы скрывать их от глаз как поля орошения; они могут быть привлекательны и безусловно артистичны.

На природе, даже активно перестроенной фермерством, всегда есть отчетливые различия микроклимата в разных топографических условиях, в зависимости от увлажненности и ориентации по солнцу. Эти перепады играют существен-

ную роль для полноты восприятия ландшафта: подветренный каменный гребень, полный солнца склон, сонные впадины. Играя такую роль в структуре ландшафта, предназначенного для труда или удовольствий, эти качества почему-то очень редко учитываются при работе в городах.

Жизнь города во многом зависит от технических систем, рост которых находится в геометрической прогрессии относительно увеличения размеров города и темпа жизни, а те в свою очередь подхлестываются развитием техники. Легковые и грузовые автомобили, строительные механизмы вносят свою лепту в общий уровень городского шума. Подлинную тишину нелегко найти где-либо, но, оказываясь в городе, я всегда испытываю некоторое потрясение тем, что здесь тишина не наступает никогда. Мы перестаем замечать фоновый шум, но это не значит, что его воздействие на нас прекратилось хотя бы на минуту. Коль скоро тишина оказывает заметный терапевтический эффект, нетрудно представить себе, каков же суммарный эффект от воздействия шума.

Все, что сколько-то уменьшает городские шумы,

уже тем заметно улучшает городскую среду, в особенности, когда речь идет о таких сокращениях, когда имеет место переход от механических шумов к сугубо человеческим. Это происходит при развитии всякого общественного транспорта, водного транспорта малой скорости, сети велосипедных дорожек по возможности вне зоны интенсивного выброса выхлопных газов.

Припоминая города Континента, я всегда держу в памяти их трамваи, велосипедные дорожки, речные трамваи, вместе с целой системой пеших пассажей и лестничных переходов. Британские города, хотя и бедные в этом отношении, все же пригодны для передвижения пешком. Однако в ряде мест мира, и особенно в США, это занятие небезопасно, а кое-где практически неосуществимо, к тому же, как ни жаль, в наше время пешее путешествие по городу заставляет все время держать в памяти вопросы безопасности от вездесущего насилия.

Нападения чаще всего случаются там, где нет свидетелей, в связи с чем приходится думать в категориях непрерывной наблюдаемости среды. Взгляд следует по прямой, но как раз по прямым

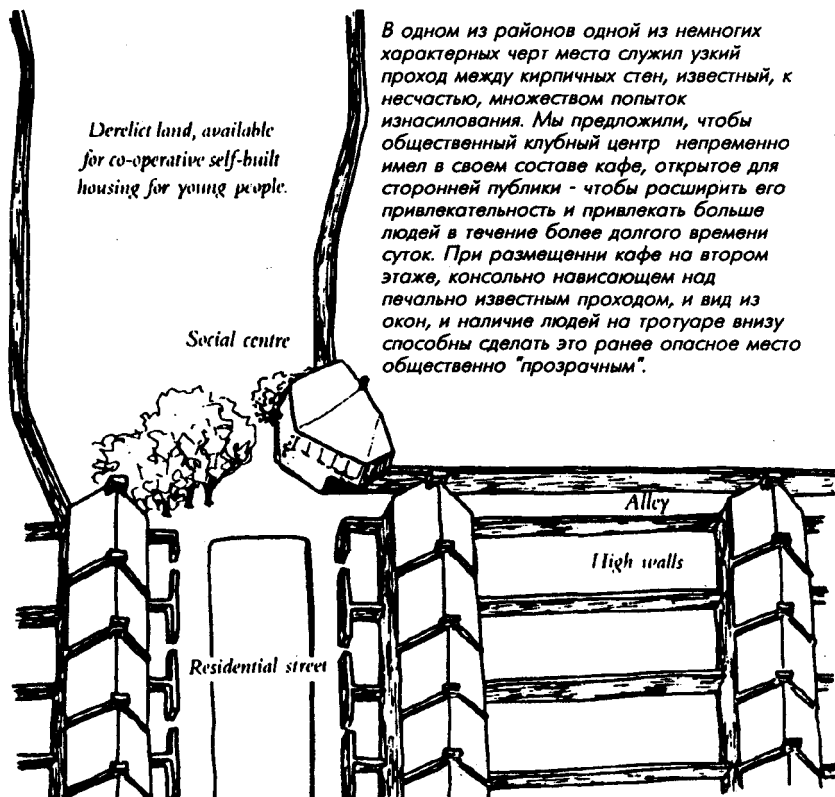
улицам или аллеям не хочется идти, что означает добровольное стремление к местам повышенной опасности. Отсюда приходится думать о специальных центрах деятельности в поздние часы - для обеспечения населенности мест повышенного риска, будь то магазины с продленным временем работы или молодежные клубы. Там, где можно четко локализовать опасность, можно размещать те виды поведения, что можно условно именовать наблюдательными: хорошо защищенные жилые кварталы, кафе или рестораны на верхних этажах и террасах, к примеру, сами уже создают множество ситуаций, когда людей тянет выглянуть наружу из окон. Чем плотнее взаимопереплетенность рисунков поведения, тем на большее время растягивается время активности места и, кстати, тем любопытнее за ними наблюдать снаружи и изнутри.

Одно из известных средств реакции на растущую криминальную опасность состоит в том, что люди не ходят, а только ездят, однако жизнь за рулем увеличивает загрязненность среды и повышает все больше пространных. Интенсивное движение умножает городские проблемы, вызывает раздра-

жение и, парадоксальным образом, все более снижает скорость перемещения. Живя в Лондоне, я обнаружил, что в часы пик движение пешком ничуть не уступает в скорости движению с помощью механических средств. Однако и в этом случае приходилось нередко идти вдоль главных улиц, где все очарование пути вдоль темного канала или по затененным аллеям, по которым спешат рассыльные с корбками, оказывается вытеснено шумом, запахами и механической агрессивностью машин.

Есть города, где прекрасные тротуары и множество пешеходных дорожек, пересекающих по мостам железные дороги и реки, лестниц, аллей, тропинок, идущих над обрывами и аркад под зданиями - все те радости, которые всегда так хочется включить в пеший маршрут. В отличие от бетонных мостиков, связывающих между собой многоэтажные здания, эти традиционные пути не ассоциируются в сознании с уличной преступностью, отчуждением детей от возможности игры на свежем воздухе и страхами их родителей. Напротив, если эти пути имеют подходящий колорит, материалы и их фактуры (не только на стенах, но и

под ногами), если они уютны по масштабности, достаточно разнообразны при движении и никогда не вполне прямые, они освежают силы, не угнетая никого. Если прямые как стрела пассажи, особенно дополнительно укрепленные симметрией решения, гонят человека в определенном направлении, повороты и "карманы" привносят в движение чувство свободы.

В других местах города всегда обнаруживаются

спокойные тупички, почему-либо закрытые для пешехода. Нередко роль глухого барьера играют только одна стена, разрушенное здание или угол плохо используемого склада, так что незначительное вложение публичных средств - ничтожное по сравнению со стоимостью проездов - способно открыть проходы, которым для полноты недостает какого-то одного малого вмешательства.

Пешее движение в

В полуизолированном мире аркад мера сосредоточения зрительных впечатлений на человеческом поведении выше, чем на торговых улицах.

городе может быть и привлекательнее и быстрее, если только специально озаботиться о прокладке срезающих угол маршрутов, блокировке необязательного сквозного движения автомобилей, приподнятых тротуаров, колоннад или аркад (особенно последних, с их повторностью замыкающих изогнутых ячеек, замечательно защищающих от дороги и сосредоточивающих внимание на занятиях людей), снижении скорости (во многих частях Европы до 30 км/час) и обес-

печении приоритетности пешеходов на уличных переходах. В свою очередь, лучшее оснащение пешеходных маршрутов оборачивается улучшением качества воздуха, сокращением шума и экономией публичных денег при одновременных очевидных выгодах для здоровья каждого.

Однако пеший путь не обязательно освежает - он может также высасывать жизненную энергию, как это происходит во многих городах, где движение происходит по ровным прямым тротуарам, среди однородных функциональных зон, в однообразной архитектурной среде, где нет иных ориентиров, кроме перекрестков. Есть другие ме-

Приподнятость тротуара всего на три ступени (60 см), к тому же защищенного балюстрадой, резко сокращает чувство угрозы от уличного транспорта. В тех случаях, когда, как здесь, уровень улицы совпадает с уровнем второго этажа, шум, запахи и зрительная агрессия транспортных средств заметно уменьшаются, и наше восприятие сосредоточено на прохожих, выкладке товаров и характере самого места.

Такие приемы, в особенности, если они сопряжены с использованием аркад, стимулируют активность людей, а вместе с ней и уровень стимулов со стороны городской среды, при этом не повышая ее стрессовые качества, обычно связываемые с самой плотностью толпы.

ста, где царит сверхконцентрация активности, подчиненная жесткой логике коммерческой конкуренции, и где утомление переходит в стресс. Достаточно часто сам острый контраст между коммерческими "ликами" зданий и пустынною совершенно стерильных паркингов и загрузочных подъездов внутри кварталов ярко выражает однозначный экономический интерес застройщиков. Слишком много стало городов, где экономические силы, порождающие деловую активность, фактически подавляют всю городскую среду, доминируя над ней. Огромные бюрократические и финансовые учреждения сосредоточивают

в себе денежный Движитель экономики, выражая «го во-вне через мощь формы и монотонность поверхностей, лишая пешехода необходимого ему разнообразия визуального опыта. В наше время эти сооружения как правило прячутся за зеркальными фасадами, так что понять, что происходит там, внутри, не легче, чем угадать мысли человека, глаза которого укрыты за солнцезащитными очками.

В современном городе немало мест, целиком отданных на откуп тому, что именуется супер-сэйл с тем характерным давлением на психику посетителя, которое не дает ему передышки и лишает свободы воли. Как правило все готовы обвинять коммерсантов в чрезмерности, но я обнаруживаю, что как раз витрины обычно выстроены, так сказать, с низким давлением - это архитектура давит на все чувства, направляя их к одной цели, потреблению. Впрочем, многое зависит от масштаба: короткие лоджии, аркады или улочки представляют собой пути, вдоль которых выстроились лавки, тогда как стоит им быть чуть длиннее, и уже возникает иное качество - торговая зона. Зона это уже не тот тип среды, когда ты заглядываешь туда

из любопытства и, может быть, нечто и купишь. Это место, которое существует только для того, чтобы покупать. Большие аркады и пассажи закрывают от дневного света, фокусируя всю аранжировку среды на коммерческие функции. В них нередко ликвидирован сам порог между пассажем и отдельным магазином, так что выставленные товары выглядят как безнадзорные - вызывающие к тому, чтобы их брали! Если архитектора справедливо обвиняют в создании условий для расцвета уличного хулиганства из-за размытости границ владений, то такого рода интерьерное решение в полном смысле слова приглашает к воровству.

Мне однажды показали душевно больную женщину, которая, направляясь за покупками в своем скромном городке, видела кругом одних только ведьм и демонов - когда мне недавно пришлось зайти в новехонький торговый центр, целый город в городе, то я ощутил в природе окружения примерно то же, что она видела в людях кругом.

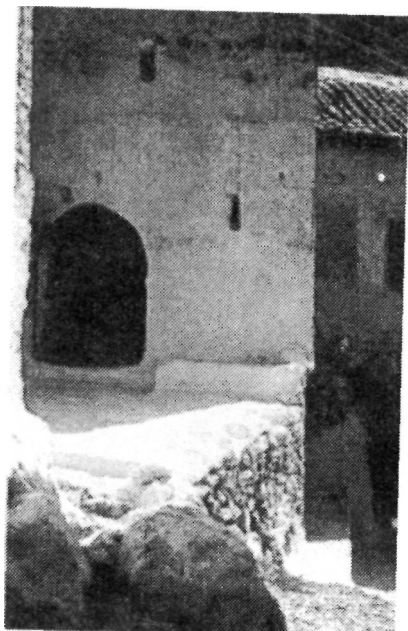
Есть много городов, расчерченных идеально прямыми линиями, полных жестких мертвых форм, отталкивающих фактур материалов,

Когда рассматриваешь старые фотографии хорошо нам знакомого места, нередко замечаешь, как мало там изменилось. И в то же время там все переменялось. То, что некогда было публичным пространством, okayмленным зданиями и живыми изгородями, стало линейными (и уж тем неуютным) коридором для моторизованного движения. Движение людей отжато в сторону на узкие тротуары или обочины. Места, некогда окрашенные частой встречей соседей, превратились в разрезанные на участки полосы, над которыми господствует шум, скорость и скрытая угроза, таящаяся в механических экипажах. И в то же время фактические материальные изменения при этом могут быть столь малы, что их даже невозможно показать на стандартном плане в М1: 100.

неприятных чувственных впечатлений. В таких городах нет ничего, что поддерживало бы жизнь, а всякие приятные раздражители предлагаются на продажу в розницу, так что возникает коммерческая зависимость от средовых удобств. В такой среде деньги становятся единственным средством поддержания при жизни, и бедному там делать нечего.

И все же магазины, финансы и промышленность составляют плоть и кровь города, наравне с транспортом, который их обеспечивает. Именно остановки транспортных путей порождают разрастание мест. В те дни, когда транспорт был более человечным, он порождал

Обычно, при адаптации городов к автомобилю, значительные их части оказываются полностью подчинены движению. Часто 80% воспринимаемого "в кадре" пространства представлены плоскостью мощения и постоянного горизонтального перемещения, над которым прямо вверх поднимаются здания, ограничивающие поле зрения. В городах для людей обычно обнаруживается значительно более изысканное взаимодействие вертикали и горизонтали.

множество мест, где стоило остановиться для продажи или покупки. Скрежет железных шин по булыжнику и лошадь

на каждую лошадиную силу мощности - все это отнюдь не делало прежние улицы тише, просторнее и благовоннее, чем сегодняшние улицы городов, однако люди, а не скоростные контейнеры из пресованного металла, задавали реальную окраску климату улицы. Разумная организация транспорта в городе до некоторой степени способна вновь перенести акцент с механизмов на людей. Точно так же можно рассматривать и производство, конторскую работу и торговлю - так, чтобы их сугубо человеческое содержание могло проступить на первый план.

Органические развитие мест всегда означало формирование притягательности для умножения числа магазинов и развлечений. Возникают уголки, идеально удобные для размещения офисов, но мало еще чего. Подобный процесс требует вслушивания в городскую среду, и именно из него может произрасти иной тип города. Узкие пешеходные улочки, обстроенные магазинами, мастерскими и услугами, которые всегда полны людей, если организованы так, что образуют собой проходы по кратчайшему расстоянию. Более крупные Предприятия, дающие возможность

увидеть и понять, на что опирается экономическая жизнь целого района. Офисы - скорее персонализированные, ориентированные на небольшие закрытые дворики, чем крупные блоки, нарезанные на мелкие, сдаваемые в аренду. Многим предпринимателям это кажется на первый взгляд невыгодным, но они быстро меняют мнение, когда сопоставляют стоимость дробного решения, скажем, с арендой места в лондонском районе Инз оф Корт1

Новый город может возродить свободно изгибающиеся улицы, проходы и лестницы, открывающиеся под неожиданными углами к оси движения, чередование горизонтальных колоннад с поднимающимися по склону ступень за ступенью, площади, не являющиеся правильными прямоугольниками, наблюдаемость человеческой работы и поведения на всех масштабных уровнях - от деррикранов в порту до окна часовой мастерской. Могут возникать места, которые естественно обрастают коммерческими функциями, обращенными к людям: набережные, улицы, площади средних габаритов, где удобно располагаются все формы коммерческого обмена, внутренние дворики и тротуары в

уровне второго этажа, где офисы легко находят себе индивидуальную форму, не подавляя при этом улицу. Такого рода подход дает возможность гибко формировать "приемлемую плотность" так, чтобы небольшие торговые центры были в необходимой степени наполнены, а крупные могли члениваться по схеме создания сети из малых проходов, переходов и площадок.

Архитекторы любят размышлять о набережных как ядре активности, как ключевом месте, где встречаются море или река с деятельностью, ориентированной на сушу. Однако в наше время пустые доки обычно превратились в заброшенные тупики или, в лучшем случае, курортные центры или жилые группы, отсеченные во времени и по финансовому уровню от обычной городской жизни. Должно ли это быть законом? Использование речных или морских "трамваев", система распределения мелкооптовых товарных потоков по воде могут вернуть жизнь в эти места. Точно так же, как мы можем искать аспект социальной активности в том, что обычно являет собой лишь скучные, бесцветные кварталы контор, мы можем вглядываться в мертвые зоны города,

стараясь увидеть, какой вид катализатора способен вернуть им жизнь и энергию человеческого присутствия. Самое мертвое место в городе все же обладает потенциалом, чтобы быть превращенным в место для жизни, с пешеходными маршрутами и местами остановки, привлекающими к себе так, чтобы каждое место питалось "цветом" деятельности, которая его окружает. Таковы все города с богатой живой "палитрой".

Сосредоточение видимой человеческой деятельности в живых местах предопределяет собой ощущение "городского" образа жизни. Однако есть люди и обстоятельства, когда нагнетание возбуждающих стимулов достигает уровня, когда они порождают стресс. Всевозможные прогибы поверхностей, смягченные линии, зелень, покрывающая стены, материалы, которых хочется коснуться и смягчение фактур мощения могут в значительной степени ослабить нажим окружения. Однако и при этом условии необходимы своего рода убежища, где можно перевести дух: заполненные светом и затененные листвой огороженные стеной садики, вход в которые ведет через сводчатый

проход - желательно на другом уровне, чем основной тротуар, места у воды: у фонтана, у искусственного ручья, бассейна, у реки, у канала, с неожиданным глубоким видом на открытое пространство. Вода - лучшее в мире успокоительное средство. Чуть не всякий город вырос у воды, которая несла на себе и транспорт, и промышленные нагрузки, и служила источником энергии.

Однако в наше время набережная чаще всего стала всего лишь транспортной артерией, местом, заполненным паркингами, складами, закрытыми промышленными зонами, которые на самом деле даже не связаны с водой, если не считать, конечно, той дряни, которую они в нее спускают. Малые реки и ручьи как правило превратились в подземные клоаки, а их утрата составляет одну из дополнительных трудностей в ориентации. Все же есть города, в которых ручьи и каналы, через которые переброшены десятки мостов и мостиков, струятся рядом с улицами, добавляя жизни в городскую атмосферу. И все чаще, чем хотелось бы, города (но не городские ребяташки!) повернулись спиной к своим озерам, каналам и рекам. С взрослой

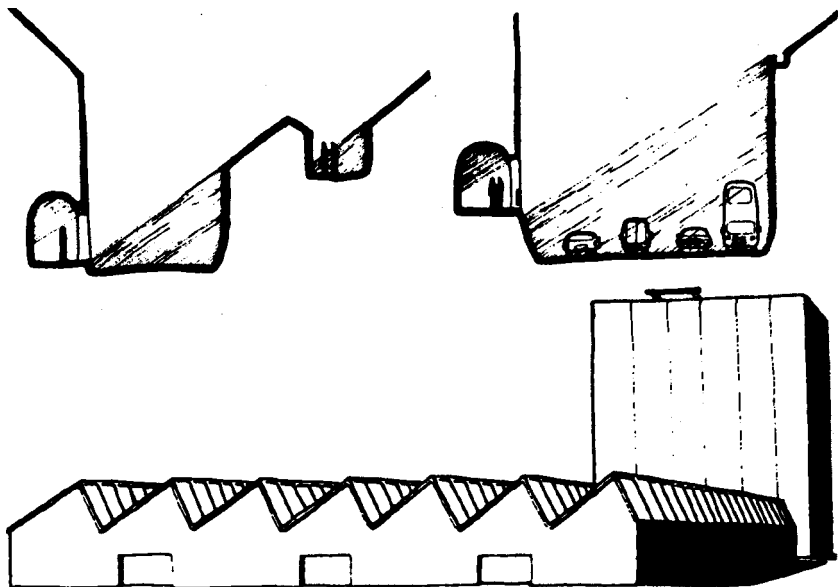

точки зрения, они не только полны грязи, но прямо опасны, так как немало городов сбрасывают массу мусора на их берега. Вода, быть может, главное достоинство в среде города, но как редко этот ресурс по-настоящему используется!

Небо, с его бездонностью и игрой облаков - вот лекарство, которое присутствует всюду. Светящийся купол неба, рассеянный и прямой солнечный естественный свет в огромной степени определяют собой настроение людей. Множество людей, приговоренных к работе в замкнутом помещении, столь страстно жаждут солнца, что отдают весь отпуск попыткам запастись им на год вперед. Недостаток света напрямую связан со статистикой нервных депрессий и попыток самоубийства. Мертвый, серый, отравленный воздух отражается столь же мрачным настроением людей, и если принять во внимание моральные факторы в оценку любого вида деятельности, это играет роль не менее сильного аргумента в пользу заботы о чистоте воздуха, как и стоимость потерь в связи с коррозией строительных материалов. К счастью, даже в наиболее плотно застроенных районах городов какой-то

объем неба все же сохраняется - легко себе представить, какова бы была стоимость куполов над городом, о которых мечтали многие проектировщики, с учетом необходимости строить новые психиатрические клиники?

Чем меньшую долю зрительного поля занимает небо, тем более люди ощущают себя загнанными в ловушку, стресс и депрессию. Если с другой стороны, здания слишком низки или расставлены с чрезмерно большими интервалами, само чувство города немедленно исчезает, перерождаясь в ощущение пригородности. Конечно, города на холмах в заведомом выигрыше: они наслаждаются возможностью завершить площадь балюстрадой, крутыми аллеями, уходящими вверх прямо в небо, галереями, лестницами и пандусами, создающими эффект неожиданного вида или порыва ветра, возможностью смотреть над вершинами деревьев и над уровнем крыш. Однако и в менее счастливых случаях избирательный выбор просветов, фокусирующих наше внимание на небосклоне или отдаленном ориентире, гораздо эффективнее, чем изобилие пустого пространства, которое нередко образуется, подобно пустыне,

Сколько квадратных миль покрыты сооружениями, стремящихся избежать солнечного света? Живописцы предпочитают северный свет, чтобы тот не искажал палитру, тогда как дизайнеры промышленных и конторских интерьеров стремятся к нему, чтобы избежать перепадов микроклимата. Однако делая это, дизайнеры вычеркивают живое начало, способное вдохнуть энергию в место, отличающиеся полной стерильностью, и отнимают радость у человеческого сердца. Противоречивые требования к городским плотностям и наличию света иногда разрешаются при тщательной проработке сечений. Там, где солнечный свет не столь важен, можно пойти на сужение улицы, ограничиваясь концентрацией солнечного света на фасадах зданий. Там же, где

здания стараются защититься от солнечного света из-за бликования стекол или из-за нужд кондиционирования, их можно развернуть так, чтобы оставить максимум солнечного света для открытых озелененных пространств. В опоре на этот элементарный функциональный язык можно разработать целый словарь затесненностей и контрастных открытостей с его "прострелами" для солнечных лучей, с его дорожками, повороты которых сыграны с падающими тенями, с временем пиковой нагрузки на место. В целом, этот примерно то же, что выбор размещения окон, ради достижения нужного эффекта светотени в комнате во время наибольшей на нее нагрузки. И в то же время сколько вокруг слепых стен!

между скальными выступами огромных зданий.

Замкнутые стенами улочки и дворы, часто совершенно необходимые, чтобы создать необходимую степень городской плотности, затемняют помещения на первых этажах зданий. Это естественные места для активности, целиком обращенной вовнутрь зданий или развертывающейся в вечернее время: лабы, рестораны или маленькие театры растут в таких местах как грибы. Уровень дневного света на уровне первого этажа зависит не только от объема видимого неба, но и от характера отражения от поверхности материалов - в особенности материала мощения. Влажный бетон может заставить видеть весь мир в сером. Кирпич, клинкер может напротив придать ему теплоту. Побелка способна высветить двор, раскрытый на север, однако использование красок - непростое дело: наиболее звонкие, светонесные пигменты особенно страдают от копоти и пыли, тогда как другие могут служить много дольше.

Замечено, что магазины, торговля которых зависит от случайных покупок, располагаются обычно на солнечной стороне улицы. Банки, кинотеатры и другие места,

менее зависимые от дневного настроения людей, оказываются как правило на теневой стороне. Это вряд ли модно объяснить как случайное совпадение экономической значимости и возбуждающего воздействия солнечного света. Уличная торговля всегда вырастает у лестниц, залитых солнечным светом и никогда в затемненных городских ущельях, где гуляют сквозняки. В Калифорнии право на доступ к солнцу прямо защищено законом - впрочем, скорее по соображениям экономики солнечных генераторов, чем по соображениям человеческой души.

Когда мы внимательно вслушиваемся в глубинные потребности души, по-разному взвешенные на весах рода и по-разному им усиленные, вслушиваемся в потребности духа растущего Места, нам приоткрывается немало возможностей. Всегда есть шанс выработки такого проектного подхода, когда потребности человеческого естества и экономические выгоды действуют в унисон. Обычно их противоположность считается очевидностью, однако по сути это лишь два разных среза духа нашей цивилизации. Коммерция в конечном, счете - это ведь обмен кому-то необходимыми

товарами, так что сама цивилизация есть аккумуляция одновременно коммерческих, социальных и культурных взаимодействий.

В городах само усиление и ускорение, рождаемые из множества взаимодействий, создает идеальную почву для предпринимательской инициативы. Последняя действительно очень часто разрушительна для всякой мелкозернистой структуры, для органичного развития, для социальных структур и человеческой свободы. Однако это отнюдь не предопределено! Но и сами города в свою очередь зависимы от интенсивности чувства жизни - они сосредоточивают в себе (должны во всяком случае) дух цивилизации, которая тоже есть нечто живое и растущее. Если цивилизация слишком консервативна, она порождает одышку и боязнь замкнутого пространства.

Всевозможные полярные свойства, из которых и на которых построены города, порождают ту интенсивность жизни, что в одно и то же время и стимулирует и погружает в стресс. Если предоставить и стимулы и стрессы самим себе, собственной механике развития, стрессы смягчатся, а позитивные стимулы усилятся - но только для

наиболее богатых и с подрывом самой основы цивилизованности.

До тех пор, пока мы не сможем создать условия для того, чтобы силы обновления, формы и ритмы природы вошли в города с той же энергией, какую они проявляют вне города, город будет находиться под пятой безжизненных продуктов механики. Если мы не будем считать приоритетом проектной задачи подпитку душевных сил, транквилизаторы, замещающие наркотические средства и еще нечто худшее будут продолжать собирать свою дань с человеческих свобод горожан.

Дело не в том, чтобы сначала проектировать здания для некой функции а затем прихорашивание. Дело в необходимости перевернуть цепочку причин и следствий. Это означает, что прежде всего мы пытаемся узнать, что за качества - в категории всех наших чувств - подходят для данной ситуации, этого вида использования, этого особенного мироощущения. Это означает необходимость начинать с того, чтобы вслушиваться и вдумываться, заботясь не столько об индивидуальном облике зданий, сколько о публичном переживании Места.

Строим для завтрашнего дня.

(в расчете на завтра)

Абсолютное большинство из нас проводят наибольшее время внутри-, рядом или хотя бы под прямым воздействием рукотворной, построенной среды обитания. Мы проводим жизнь среди того, что некогда было замыслом архитектора. При этом под словом архитектор я имею в виду его общее значение (С формальной точки зрения архитектором в Великобритании считается только тот, кто включен в список Советом по регистрации архитекторов Соединенного Королевства. Большинство однако живет в окружении, отнюдь спроектированном отнюдь не членами ARCUK, возможно, спроектированном весьма дурно, но так или иначе созданном по каким-то проектам). Завтрашний мир формируется нашей мыслью, нашими проектами. Если мы отдаем себе в этом отчет, во весь рост выступает

огромность ответственности. Если нет, - нет никаких оснований считать, что несчастье в результате будет хоть чуть меньше, чем печальные эффекты недавнего прошлого. За какие-то тридцать лет архитектура смогла разрушить и города и большие территории вне их по всему миру. Даже глобальная экология оказалась под угрозой из-за дополнительных вредных выбросов и ущерба природе, вызванных архитектурными решениями.

Здесь нет преувеличения - "озоновые дыры" в значительной степени расширяются из-за хлорфторуглеродов, используемых при кондиционировании воздуха и производстве вспененных утеплителей. Электроэнергия, расходуемая на отопление зданий, особенно в ночные часы, производится атомными станциями (АЭС рассчитаны

на постоянство нагрузки, пиковые потребности лучше удовлетворяются обычными ГРЭС, но что делать с избыточной энергией АЭС? Ночная аккумуляция тепла, равно как льготные тарифы для потребителей вне пикового времени, оказываются естественным выходом из положения). Некоторые материалы, в частности алюминий, требуют для своего производства гигантских затрат энергии. Некоторые, вроде пластиков, вызывают усиленное загрязнение среды и в ходе их получения и после того, как они отслужат свой век. Но ведь есть различные способы обогреть и охладить здания, и есть возможность выбирать, какую степень загрязнений при получении строительных материалов мы можем себе позволить. То, какие системы и какие материалы мы избираем, относится к кругу архитектурных решений.

Архитектура воздействует на Место, на экологию бытия, на дух мира, в котором мы живем и прямо воздействует на человека. В последние годы Британия была свидетелем усилий правительства изменить состояние общества через перемены в экономических структурах и степени общественной

ответственности. Всего лишь за несколько лет эффекты стали заметны. Существенные изменения в застроенном окружении произвели по меньшей мере столь же значительные эффекты на протяжении половины жизни одного поколения.

Люди жили иначе до расползания пригородной нарубленности ландшафта, городских жилых домов, подсобных стеллажам для конторских папок, и техники покупки по схеме самообслуживания. Это отнюдь не значит, что все стало хуже, чем раньше, отнюдь нет, но одна вещь безусловно ухудшилась. Архитектура теперь гораздо больше пригнана к задаче получения прибыли, чем когда-либо раньше. Будь иначе, разве были бы профессиональные журналы буквально пропитаны такого рода аргументацией! Архитектура обладает способностью делать деньги для своих клиентов, даже если архитектор думает об этом в последнюю очередь. Многие вполне откровенны и утверждают, что сооружения заказываются людьми, которые стремятся извлечь из них максимум прибыли, и что задача архитектора заключена именно в обслуживании этой потребности. Некоторые не раз-

деляют этот взгляд, но так или иначе, этот подход лежит в основе большинства решений, предопределяющих формы нашего мира.

Есть направление мысли, согласно которому ориентация на прибыльность способна создать экономическую базу для развития отсталых кварталов и районов, тогда как повышение качества жизни будет естественным следствием этого процесса. Другие возражают, что динамичные менеджеры, без которых сам этот процесс невозможен, вовсе не захотят селиться в районах с низким социальным статусом, и поэтому необходимо субсидирование "эстетики" в качестве неперемennого условия привлечения нужного типа менеджеров. По-своему оба подхода не единожды доказали свою эффективность, но я не могу отделать от ощущения, что что-то здесь явно не так: погоня за прибылью разрушила города, природные ландшафты и сельские районы. Она сокрушила не одну личность и разделила общество.

Отказ от погони за прибылью как таковой - не абстрактный принцип, но естественное следствие такой коммерческой активности, которая прямо служит по-

требностям местного сообщества - обмена товарами и услугами, вырастающего из вслушивания в локальную ситуацию. Именно в опоре на такой подход мы в состоянии слышать дух Места и потребности человеческой души, создавая предметное окружение. Это отнюдь не разрешит всех проблем, но это явственно шаг в нужном направлении. Тем, кто говорят, что невозможно позволить себе работать таким образом, я отвечаю просто: я могу!

В рамках привычных экономических структур всякое вовлечение художественного начала в делание вещей означает увеличение денежных расходов. Многим людям не по карману ничто, кроме безразлично-утилитарного так по крайней мере говорят, хотя мой опыт анализа любых продуктов фабричного производства убеждает, что они все стараются выглядеть много лучше, чем они есть на самом деле и с утилитарной точки зрения. В действительности, затраты играют куда меньшую роль в выборе, чем в этом отдают себе отчет - в других частях света то, что мы считаем основой основ поддержки бытия, выступает в одеждах немыслимой роскоши! Ключевой вопрос лежит

Я хотел бы просить читателя отыскать такое место, что, будучи вместе совершенно здоровым в экологическом отношении и лишенным эффектов, было бы на редкость некрасивым - под красотой я имею здесь в виду способность питать душу. Насколько подсказывает мой опыт, места, в экологическом отношении односторонние, обедненные, таковы же и по своему духовному потенциалу. Городские ландшафты слишком долго испытывали господствующее воздействие расчлененности по сугубо материальным соображениям. Способны ли мы в своей роли "формовщиков" пространства строить окружение, которое не уступало бы одухотворенностью широте и слитности здоровых природных ландшафтов? Можем ли мы хотя бы пытаться это сделать?

в другом: сколько еще мы, как общество, декларирующее желание остаться цивилизованным, сможем просуществовать, если по-прежнему уделять пользе больше внимания, чем красоте, больше внимания тому, что мы можем извлечь из вещей (индивидуально, в материальных категориях), чем тому, что мы можем отдать с их помощью (общественно и духовно)?

В категориях пищи для души, при проникновении за блестящую внешнюю оболочку, многое из нашего повседневного окружения близко к полному банкротству. Бедные, не сумевшие преуспеть в жизни, обитают в окружении, которое нельзя назвать ничем иным, кроме эстетической катастрофы, а их система ценностей, их

способность ощущать и их внутренняя зависимость усиливается стократ характером окружения.

Частью в форме реакции на внешнее, но по большей части ради поиска внутреннего обновления за счет природных сил, некоторые ищут утешения в диком (относительно) природном ландшафте. Пустыни, дикий ландшафт, просто не слишком замусоренный и не чрезмерно ухоженные лес, низина, вересковая пустошь или берег воды играют огромную роль в снятии стресса, обновлении всего существа и возврате к чувству реальности мира - всего того, что так трудно найти в повседневном окружении большинства. И все же мы можем отправляться во привлекательные "естественные" места, вроде парков, лесов или торфяников, но так и не получать достаточно пищи для души. Нередко это ландшафты, на которые приятно смотреть, которые замечательны на фотографиях, но они мало пригодны для того, чтобы ими "дышать". Это места, в которых мы не ощущаем присутствия человеческой одухотворенности. Можно попасть в другие места, где биение жизни значительно сильнее. Не обязательно верить в фей

и эльфов (хотя, если ощущение очень сильно, трудно поверить в их отсутствие), чтобы испытывать подобное ощущение.

Есть места, пребывание в которых принесит ощущение силы и обновления. Почему? И что мы испытываем там?

На первичном уровне мы можем, наверное, обнаружить, что качество воздуха позволяет расти мхам и лишайникам или что деятельность человека, вроде содержания животных, находится в гармоническом равновесии с природой и уникальными свойствами Места. Вне всякого сомнения экологические свойства такого места будут насыщенными, независимо от того, говорим ли мы о тропиках или тундре. В одном таком месте сосуществуют столько биологических циклов и цепей, что их никак не удалось бы изобразить на одном графике. Именно это богатство придает месту устойчивость и здоровье. Сами по себе неопределенности вариаций отношений между цепями и циклами, ускользающие от понимания, делают все Место живым существом.

Именно такие места дают максимум пищи нашей душе, и мы можем с полным правом говорить об их кра-

соте даже если на фотографии они покажутся несколько монотонными. Эстетика как духовная характеристика и экологическое равновесие как характеристика физическая оказываются неразделимы.

Иногда мне кажется, что погода является лишь внешним выражением моего самочувствия. На первый взгляд, это бредовая мысль, вполне способная служить доказательством и моей душевной неуравновешенности и психических отклонений всех тех, кто испытывает подобное. Однако это ведь правда, что у живой погоды множество настроений. Ветер может быть и свирепым и освежающим, солнечный свет - расслабляющим и возбуждающим (иногда в один и тот же момент), облака никогда не стоят на месте, и погода неустанно находится в живом состоянии трансформации.

Где-то среди всего множества одновременно или последовательно сменяющих друг друга неустойчивых состояний есть настроения, в которых мы испытываем потребность. Это те настроения, что являются внешним отображением нашего психического бытия, настроения, дающие нам необходимое внутреннее равновесие. Мы

можем отыскать эти настроения в природе, даже в природе, нарушенной или усовершенствованной человеком (строго говоря, в мире уже не найти иной природы). Мы можем точно так же пытаться достичь такого же диапазона различных настроений в том искусственном окружении, которое создаем собственноручно. В конечном счете ведь именно в таком окружении 90% из нас проводим 90% своей жизни.

Еще до того, как мы начнем размышлять о способности места дать пищу человеческой душе, необходимо настроиться вообще на то, что место существует для людей. Это звучит до предела банально, однако это ведь факт, что большая часть мест стала лишь случайным результатом сборки вместе некой коллекции сооружений, каждое из которых задумывалось как обособленный объект. Даже и пространства внутри этих сооружений нередко проектировались лишь для того, чтобы упаковать статистически измеримое множество людей - эффективно и без всякого сочувствия.

Меня в свое время учили, что градостроительное проектирование начинается с

Входная арка зеленого туннеля

Защищенный от прямого солнца дворик для игр (мощение в кирпиче)

Приглашающий жест асимметричного входа

того, что "пузыри" различных обособленных пространств должны быть графически связаны эффективным образом,

без какой бы то ни было качественной оценки соединительных связей. На сухом графике лифт оказывается замечательным средством перевозки людей, для соединения функциональных "пузырей". Стоит однако задуматься над удовольствием, социальностью, последовательностью ощущений и подготовительных порогов перемещения, и мы скорее всего предпочтем тянущийся по уклону проход, из которого открывались бы различные панорамы, который был бы расцвечен множеством "событий". Чтение графика скорее как множества причастий, чем как простого соединения имен существительных, непременно влечет за собой качественно другие проектные решения.

Начинать с организации функциональных графиков в расчете на дополнение их качествами позже похоже на раскрашивание контурных картинок. Живопись живет цветом - цветом, который концентрируется, усиливается, модифицируется в зависимости от формы пятна и его границ. Точно так же, само окружение живет через свои воспринимаемые качества, характер которых выстраивается так, чтобы подчеркнуть определенные настроения.

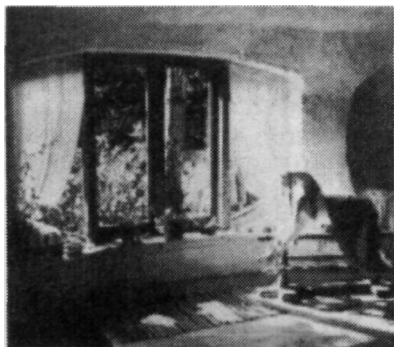
Ярко освещенное место, где останавливаются и снимают обувь

Графики и чертежи играют важную роль в дисциплинировании мысли архитектора, но они не более, чем точка отсчета, точка уразумения того, ЧТО, рождаясь из сугубо практических требований, становится ключевой темой настроения, и как разные темы можно связать между собой в категориях пространственных отношений. С этого момента эти настроения и эти темы и их взаимосвязи ведут за собой проект до тех пор: пока то, что было только схемой, исчезнет и возродится вновь уже в виде последовательности переживаний и ощущений.

Если последовательность ощущений трактуется не только как воплощение функциональной диаграммы, но и как цепочка значащих причастий (причастностей), она легко становится ведущей характеристикой проектного решения. Здесь, при входе в здание детского сада, особенно важно, чтобы маленькие дети могли стряхнуть и оставить позади ощущения зажатости и ограниченности одними визуальными впечатлениями путешествия в автомобиле.

Притемненный, низкий, извилистый "портал-пассаж" (покрытие плиткой)

Смена направления при переходе в просторное помещение - теперь уже на уровне крон деревьев, с деревянным полом, который звучит совершенно иначе, чем оставшиеся позади полы, выложенные кирпичом или плиткой.

Меня учили когда-то, что архитекторы решают задачи, и проектные предложения трактовались как именно "решения". Люди обидятся, если к их дому отнестись как к задаче или решению - для них это живое существо, обогащенное множеством многосторонних практических и духовных функций, разделить которые почти невозможно.

Упрощенная, сугубо понятийная природа мышления диаграммами и решения задач непременно выталкивает качественный аспект дела по меньшей мере на третий план. Этот подход рождает "крытые переходы",

"коридоры" и "пути", вместо клуатров, пассажей и проходов. Анаграмматическое мышление может растягиваться настолько, чтобы охватывать описания с помощью прилагательных, вроде "обособленный уголок для занятий", однако если не вдохнуть жизнь в отдельные слова "обособленный", "уголок" и "занятия", есть прямая опасность того, что сооружение так и не вырастет за пределы выстроенной в материале диаграммы. Мне приходилось бывать в великом множестве зданий, где я точно знал, как архитектор старался заставить меня вести себя.

Диаграммы существуют не для того, чтобы их строить и из них строить. Это лишь обедненное замещение чего-то гораздо богаче, подобно тому, как сценарий для актера не более чем ступенечка к тому моменту, когда внезапно словно духовный поток проходит через все его существо, преобразуя просто слова из чего-то заученного в то, что способно задеть всякое чувствительное сердце.

Увы, множество зданий, из которых собирается окружающий нас мир, не поднимаются выше прямой своей связи с мертвой материей, т.е. выше простоты промышленного производ-

Фотограф может сосредоточить внимание или на архитектуре или на ее обитателях. В реальной жизни наше внимание прежде всего сосредоточено на людях, однако архитектура устанавливает своего рода фоновый настрой. Для всех, кроме профессионального архитектора, важно не столько то, насколько архитектура заслуживает внимания, сколько атмосфера, которая ею создается.

ства, стойкости строительных материалов или экономии денежных ресурсов ценой жизнеспособных свойств проекта и конструкции. Их качественные характеристики подавляют жизнь, а их физическое, биологическое и духовное воздействие на места и на людей разрушительны.

Производство такого рода зданий утвердило тен-

денцию упрощения того, что есть архитектура, до состояния чего-то такого, что пригодно для фотографирования. В таком своем качестве они нравятся другим из числа архитекторов, кто ориентирован на фотографические качества зданий, и тем самым устанавливается порочный круг кровосмешительства, который все еще оказывает огромное воздействие на профессию. Все это достигается ценой всех прочих качеств: вырастающих из царства живого и питающего его собой.

Я пытался рассуждать о формах и свойствах наполненности жизнью. Однако и ими можно пользоваться по-разному. Когда иллюстраторы фантастики описывают будущее, это как правило архи-

текстура обтекаемых в плане башен и шпилей, оплетенных дорогами органических очертаний, обычно из чего-то блестящего. Эти звездные города стоят среди мертвой пустыни, целиком будучи зависимы от механических средств жизнеобеспечения. У них откровенно нет никакой связи с местом, временем или жизненными процессами вместо этого сугубо внешние формы их архитектуры имитируют формы живых существ. Это города, выстроенные из иллюзий и фантазий.

Такого рода окружение не так далеко от нас, как могло бы показаться. В рекламе, в формах детских игрушек, в некоторых видах развлечений, в интерьерах магазинов или ресторанов и даже в формах построек иные из этих мощных, обманчивых, сугубо поверхностных форм уже давно вокруг нас.

Эти фантазии нравятся в силу того, что они резко контрастируют с миром безликих, схематичных, мертвых минеральных объектов, который наполняет собой любой город мира. Как правило, здания для бюрократий представляют собой анонимные решетчатые коробки, а штаб-квартиры банков выглядят как прямоугольные, сухо декорированные башни, бросающие

тень безжизненности на городской ландшафт у их подножия.

И тот и другой тип зданий - фантастические и реально коробчатые - суть образы, оказывающие мощное воздействие на душу, демонстрируя нечеловеческую разобщенность и противопоставленность внутри общества. На одном полюсе все, что материалистично и организовано столь рационально, что все неопределенное: непредсказуемое, спонтанное подавлено полностью. На другом - личное, эмоциональное, непредсказуемое, где желания вытеснили чувство ответственности. Много денег извлекается из улавливания и усиления этой тенденции усиления контраста. С другой стороны, царство безжизненности контролирует большую часть денег и, вместе с ними, многое в жизни людей.

Все эти силы охотно демонстрируют себя. Чтобы обнаружить их, достаточно всего на один шаг отойти от того, что мы привычно считаем само собой разумеющимся. Это силы, вольно или невольно направленные на сокращение индивидуальной моральной ответственности и внутренней свободы - иными словами, как раз того, что

лежит в основе человеческого существа, отличая его от остального животного царства. Иные готовы называть эти силы демоническими, указывая на их проявление в форме гонки вооружений или наркобизнеса - все это делают другие. Однако всякий раз, когда архитектура пытается воздействовать на людей из корыстных побуждений или просто настроена на что-то иное, чем люди и дух места, она служит все тем же владыкам.

Не только для прямого противостояния этим силам, но и ради позитивного привнесения животворящей способности в природное и рукотворное окружение, мы должны как-то соединить организующее начало и стихию жизни, рациональность и чувство, прямое и криволинейное, длящееся и преходящее, материю и свет как-то совсем иначе. Нам нужно, мы обязаны создавать постройки и места с качествами, способствующими обновлению жизни, поддержке душевных сил, укреплению духа. Душу может дать только другая душа - ни компьютерные системы, ни вся мощь производства на это не способны. У них свое место - служить опорой достижению наших намерений, однако все еще

слишком часто они оказывают на сами наши намерения мощное обратное влияние, вытесняя собой живой процесс проектирования, строительства, обживания, достижения зрелости. Только живые процессы способны оживлять вещи.

Все это может кому-то казаться далекой от практики чепухой, чем-то, что идет поперек общепринятого хода вещей, но я глубоко убежден, что это единственный разумный путь. Одни говорят, что подход, изложенный в этой книге, подход, на котором основана вся моя архитектурная практика, переворачивает обычный мир с ног на голову. Другие напротив утверждают, что это попросту обыденный здравый смысл и ничего больше. Я искренне надеюсь, что речь идет именно о последнем - хотя если все это так уж очевидно, то почему мы видим так мало свидетельств использованию обыденного здравомыслия в нашем же окружении? Все, что я пытаюсь сделать, это отойти на шаг в сторону и приглядеться к сути ситуации, к самой сути происходящего.

Конечно, линия каждой человеческой жизни уникальна в своей особенности, но мы все вместе разделяем некоторые общие правила

построения биографии. Мы развиваемся не только физически, но и, с самого раннего возраста тяготеем к самостоятельности, в свою очередь предопределяющей индивидуальность дальнейшего развития. Мы стоим против тому, что идет извне, и обществу и среде, будь то стресс или стимул, препятствие или возможность. Внутри мы проходим цепь превращений от низких эгоцентрических, телесных сил к более высоким формам, ориентированным на наши способности и потому более духовным. Разные люди совершают это путешествие с весьма широким разнообразием целей, упорства, скорости и успеха.

Сама земля тоже переживает цепь трансформаций, так как деяния людей оставляют больше или меньше места для того, чтобы могли работать животворные силы природы и космоса. Много, очень много перемен к худшему, но есть также и сдвиги к лучшему, достаточно мощные, хотя они и не бросятся в глаза.

Такова заданная ситуация, Таков контекст, в котором необходимо видеть работу архитектора. Будет ли эта работа способствовать все еще слабым росткам

развития и свободы или могучим процессам, стягивающим нас вниз?

Но даже и сделав сознательный выбор в пользу работы для роста и свободы и против иссушения и несвободы, ради любви, а не ради власти, мы еще должны понять, КАК действовать.

Любое действие может быть обращено в художественный акт, любой опыт может превратиться в художественный опыт, и именно это определяет собой дилемму, раздирающую современное искусство. Когда произведение искусства требует зрителей, способных на изменение внутреннего состояния настолько, чтобы воспринимать как искусство то, что другие сочтут просто банальностью? Или когда возникает столь сильное переживание того, что может казаться всего лишь общим местом, что возникает эффект художественного опыта без претензий на то, чтобы это именовалось искусством?

Первый подход господствует в стенах коммерческих художественных галерей, которые служат прежде всего утверждению социального статуса покупателей, подобно приобретению царских одежд. Второй привносит в общество цивили-

лизирующее, укрепляющее, излечивающее воздействие.

Проще всего декларировать собственные намерения и затем пытаться доказывать, что мы их достигаем, Я тоже несвободен от этого и потому прошу вас отнестись к содержанию этой книги без страсти, не исходя ни из поддержки, ни из отрицания того, что потенциально провоцирует к себе эмоциональное отношение. Только таким образом подходя к вещам, без погружения в туман чисто личного отношения к ним, пытаюсь проникнуть в их глубинную суть, можно надеяться на достижение какого-то объективного суждения. Именно так следует рассмотреть весь архитектурный "словарь", в его наиболее широкой трактовке. Когда мы действительно настроены на наблюдение, к примеру, что в самом деле происходит на солнечном свету перед полуднем, с звукопоглощающим материалом и любым другим явлением, у нас есть шанс понять, как они влияют на душу живого - мест, людей, нас самих.

Подобно тому, как наше внутреннее развитие направляет нашу же биографию и направляется ею, мы формируем наше окружение и оно формирует нас. Этот

циклический процесс скреплен так прочно, что у нас обычно нет возможности сделать шаг в сторону, чтобы формировать или быть формируемыми совсем иначе, по свободному выбору. Именно такому шагу в сторону посвящена эта книга.

Ее предмет универсален, однако любая попытка применения включает, естественно, специфику ситуации и индивидуальность интерпретирующего. Я мог лишь дать примеры того, как сам подхожу к деланию вещей, - примеры, которые, надеюсь, ясно показывают, что в работе таким именно образом нет ничего особенно сложного. Тем более я стараюсь категорически избежать того, чтобы предложить кому-либо серию ответов. Нет иных ответов, кроме тех, зерно которых уже скрыто во всяком вопросе, а каждый вопрос уникален, так как формулируется заново во всякой новой ситуации. Все, к чему я стремился, - это попытка как-то осветить весь путь подхода к деланию вещей. Это похоже на обучение речи - чего-то, что нуждается в развитии, культивировании, оттачивании, но в то же время забывается напрочь во время пользования ею. Это отношение, надеюсь, может стать

частью нашего существа. Для всех нас это не нечто фиксированное, нечто окончательное - это что-то развивающееся.

Я не сочиняю ничего. Я пишу очевидное. Я убежден в том, что мы все это уже знаем, и то, обнаружите ли вы некую правду в том, что я пишу, или отнесетесь к этому как нагромождению вздора, будет тестом моей способности выйти за рамки узколичной точки зрения. Мы все это знаем, но каким-то образом значение того, что мы знаем, провалилось в щель между досками в полу.

Когда я задумываюсь об этой значительности, мне

становится страшно от разрушительных эффектов, царящих в мире, который мы теперь строим вокруг себя. Мне кажется важным молиться о том, чтобы к очевидному отнеслись всерьез. Если этого не делать, мы войдем в историю как поколение разрушителей - разрушителей мест, экологического равновесия и человеческого в человеческом существе.

Если такое серьезное отношение возникнет, мы можем начать строить архитектуру, которая излечивает и строит места, где может обитать душа.

Наверное, эта книга только начинается.

МЕСТА ГДЕ ОБИТАЕТ ДУША

(архитектура и среда как лечебное средство)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие переводчика</i>	i
1. Архитектура: кому это нужно?	1
2. Архитектура, ориентированная на исцеление	10
3. Архитектура как искусство	28
4. Что есть здоровое строительство	36
5. Количества и качества	62
6. Собеседование или конфликт?	80
7. Обитаемое пространство	98
8. Проектирование как вслушивание и соучастие: клиенты и строители	130
9. Одухотворение постройки	146
10. Строительство как процесс оздоровления	172
11. Излечение молчанием: архитектура покоя	193
12. Городская среда	209
Город как Место	
Город для людей	
Город для жизни	
13. Строим для завтрашнего дня (в расчете на завтра)	257

Учебное издание

Дэй Кристофер

Места, где обитает душа. Архитектура и среда
как лечебное средство

Редактор Михайлова Г.А.

Макет, обложка Ильиной Т.В.

Лицензия ЛР № 065354 от 14.08.97

Подписано к печати 15.02.2000. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Футурис.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 19,1.

Заказ № 42

Издательство "Ладья"

103754, Москва, ул. Рождественка, д. 11

Отпечатано в типографии "Агро-Принт"

Москва, Садовническая ул., д. 14

СЕРИЯ АРХИТЕКТУРА

Кристофер Дэй – по образованию архитектор и скульптор.

В дополнение к архитектурной практике, в которой он воплощает экологический принцип, изложенный в этой книге, он по всему миру ведет консультирование программ развития и “лечения” среды, будь то экстерьер или интерьер.

Его работы удостоены ряда наград, включая Приз Принца Уэльского, а автора в качестве лектора приглашают в многие страны мира. В 1993 году Кристофер Дэй был гостем Академии Городской Среды в Москве и прочел лекцию в МАРХИ.

Из предисловия **В.Л. Глазычева:**

Я бы несколько не удивился, застав Кристофера Дэя за оживленной беседой с птицами или ...камнями.

Кристофер Дэй – скульптор и архитектор по образованию и нечто вроде францисканского или дзэн-буддистского монаха по призванию...

КРИСТОФЕР ДЭЙ

МЕСТА, ГДЕ ОБИТАЕТ ДУША

(АРХИТЕКТУРА И СРЕДА
КАК ЛЕЧЕБНОЕ СРЕДСТВО)

Издательство “Ладья”
2000